

АВТОГРАФ

ПОСВЯЩЕНОСТЬ

ДАФНА ДЮ МОРЬЕ

ПРАВЬ,
БРИТАНИЯ!

Annotation

Издательство «Северо-Запад» продолжает знакомить своих читателей с творчеством знаменитой английской писательницы Дафны дю Морье и предлагает вашему вниманию ее роман «Правь, Британия!» (1972 г.), действие которого происходит после второй мировой войны на полуострове Корнуолл.

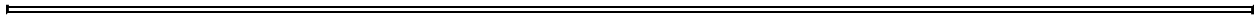
- [Дафна дю Морье](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

Дафна дю Морье Правь, Британия!

*Глэдс с любовью и надеждой,
Бин*

Шум пролетающих над головой самолетов разбудил Эмму, но сон еще не покинул ее, принимая шум в свое течение. Сон был из тех, что повторяются снова и снова: первый раз он приснился ей лет в пять, но возвращался и в двадцать, поэтому Эмма понимала, что в нем скрыт некий психологический смысл, но она не пыталась в нем разобраться. Во сне она и Мад, взявшись за руки, грациозно кланялись сначала публике, а потом друг другу. Звучали оглушительные аплодисменты, несколько раз поднимался и опускался занавес, но рукоплескания все не смолкали. Ребенком в этом сне она смотрела на Мад снизу вверх, ища у нее защиты, и Эмма обретала уверенность от ее ответной улыбки, прикосновения ее руки. Мад будто говорила: «Все в порядке, тебя никто не обидит, я с тобой — сейчас и навсегда». В школьные и отроческие годы фигура Мад — как символ защиты и опоры — уже не казалась такой грандиозной, а скорее сама Эмма выросла и они сравнялись в достоинстве, словно изображения на разных сторонах одной монеты, и теперь аплодисменты предназначались им обоим... Последний взрыв оваций — и вот занавес опускается в последний раз, и мир театра уступает место реальности: доносится затихающий гул самолетов, летящих со стороны моря, — а она лежит в своей постели, оконная рама дребезжит о подоконник, занавески развеваются, и в комнату проникает запах утра, чистый и свежий.

Эмма взглянула на часы у изголовья и включила местную программу радио. Но вместо сигналов точного времени или голоса диктора был слышен только непрерывный гул. Значит, видимо, где-то неисправность; Эмма попробовала настроиться на канал национального радиовещания, но и там было то же самое. По-прежнему слышался гул, да еще вдобавок ужасный треск и шипение. К черту, — она отодвинула приемник и откинулась на подушку, закинув руки за голову и мысленно переиначивая гамлетовское «быть или не быть?» — чтобы критически оценить свою собственную двойственную жизнь. Уехать или не ехать, вот в чем вопрос. Достойно ли жить жизнью Мад, деля с ней кров, или нужно порвать с ее господством и идти по новому пути, освободившись...

Вот только по какому пути, вот в чем загвоздка. Этого нет! Для девушек нет работы, независимо от того, с образованием они или нет. На любую службу претендентов хоть отбавляй. Мужчины, женщины, юноши, девушки давятся за место, хватаются за мало-мальски приличную работу,

ну а с тех пор как правительство пошло на попятную и покинуло Европейское сообщество — разногласия между странами Десятки послужили официальной причиной, а национальный референдум дал тогдашнему правительству подавляющее большинство, — дела, казалось, хуже некуда. По крайней мере, так говорил папа, а он-то должен знать, ведь он управляет коммерческим банком.

— Отправляйся путешествовать, — говорил он ей. — Я плачу за все.

— Я не хочу жить за чужой счет, — отвечала она. — Мне уже восемнадцать.

И вот неизбежная и тщетная попытка добиться успеха на сцене. Конечно, это все Мад. Сон сном, а пробиться не удалось. А если не сразу на вершину, тогда уж нет. Только не после аплодисментов, звучавших все ее детство. Рекламные ролики или местное радио? Нет, спасибо, леди и джентльмены, а также зрители всего мира. Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться.

Эмма еще раз включила радио, с тем же результатом: постоянный гул. Она поднялась с постели и пошла напустить в ванну воды. Выглянув в окошко, Эмма заметила, что на окнах комнаты младших мальчиков занавески еще задернуты. И слава Богу, если повезет, — они, может, еще спят. Хлопнула боковая дверь, — теперь они точно проснутся, если их уже не разбудили самолеты. Это Терри выкатил свой велосипед из флигеля — где, кстати, запрещалось его держать, — и умчался по дороге. Обычно Терри с трудом вставал рано, не то что Джо, который к семи всегда был на ногах и колот дрова или копался в саду; из любопытства Эмма открыла окно и крикнула ему вслед:

— Куда ты?

Он, конечно, только отмахнулся, улыбнувшись, и, не ответив, поехал дальше. Она уже собиралась закрыть окно, как вдруг заметила: по крыше над комнатой младших мальчиков скатываются отвалившиеся плитки шифера. Одна, другая, третья. Ею овладела ярость. Она поняла, что Энди выбрался на крышу из окна своей спальни на другой стороне дома и устроился на старой трубе, своем излюбленном наблюдательном пункте. По-видимому, он что-то там повредил? Этого я не потерплю. Недавний сон, столь далекий от жизни, оставил у Эммы чувство безысходности, заглушить которое можно только действиями, лучше всего бессмысленными. стакан с водой с грохотом полетел в раковину и разбился на мелкие кусочки. Это принесло ей удовлетворение, и она пробормотала: «Так ей и надо». Кому так и надо? Ей или Мад? Вода в ванне была чуть теплая — нагреватель, похоже, опять испортился. Вот к чему ведет жизнь в

сумасшедшем доме, по праву носящем имя владелицы, которая, покинув сцену несколько лет назад, после блестящей карьеры, не нашла ничего лучшего, как усыновить шестерых неблагополучных мальчишек, считая, что в этом она обретет смысл жизни теперь, когда ее сценическая карьера закончилась.

Не буду я ей больше помогать. Пусть найдет кого-нибудь другого. Не хочу губить себе жизнь. Я слишком молода.

Эмма приняла ванну и оделась — та же старая блузка, те же старые джинсы, не для кого здесь наряжаться, — потом спустилась вниз и вошла на кухню, недовольно сморщившись от запаха яичницы с беконом. Дотти настаивала, чтобы дети начинали день с плотного завтрака, иначе они не будут расти сильными; и поскольку готовить его ей приходилось самой, она и взяла все в свои руки.

Сорок лет Дотти служила у Мад костюмершей, и теперь, лишив ее мира театра, составлявшего смысл ее жизни, на нее возложили обязанности кухарки, уборщицы, экономки, сиделки и любые другие, что ей приходилось выполнять по первому требованию ее хозяйки, которую она боготворила. Уже давно Эмма заметила, что их почти невозможно представить друг без друга. Если память можно сравнить с фотопластинкой — а Эмме часто казалось, что это именно так, — то первым ее зрительным воспоминанием была уборная Мад в Королевском театре: Мад сидит перед огромным зеркалом, потом медленно оборачивается и поднимается, протягивая руки к Эмме, которой три или четыре года, и произносит: «Милая...», улыбаясь своей волшебной, лучезарной улыбкой, а в углу за ширмой суетится Дотти, вешая на плечики какой-то необыкновенный костюм. Мадам нужно это... Мадам требуется то... Мадам в прекрасном настроении. Мадам не в духе. Так случилось, что «Мадам» — имя, введенное Дотти, с течением лет распространившееся по театральной иерархии, от директора, драматурга и ведущего актера до мальчиков, вызывающих артистов на сцену, и монтировщиков декораций, — в один прекрасный момент — уже никто не помнит когда — превратилось на устах ребенка в Мад. Хотя, надо заметить, что сейчас, как и тогда, его разрешалось употреблять только Эмме. Если бы на это осмелился кто-то другой — разразилась бы буря.

А кстати, буря готова была разразиться в любую минуту — так решила Эмма, когда очередная волна самолетов пронеслась над головой. Им числа нет, наверное какие-нибудь учения, и из-за них, судя по всему, не работает радио. Дотти, со своими округлыми формами, пыталась протиснуться к окну над раковиной и посудомоечной машиной и, запрокинув голову,

смотрела наверх.

— Что происходит, — сказала она Эмме. — Эти штуки не дают ни минуты покоя. Мне и будильник утром не понадобился. Еще шести не было, а уж стоял сплошной рев. Что ж они не думают о людях?

— Кто это «они»? — поинтересовалась Эмма.

Она начала накрывать мальчишкам на стол. Тарелки, ножи, вилки.

— Ну, — ответила Дстти, берясь за сковородку, — те, кто управляют, почему я знаю. Нет у них таких прав. Ну вот, еще тост сожгла. Сегодня все не ладится. Почтового фургона нету, пришлось послать Терри на велосипеде искать его. Если Мадам не получит газету вместе с соком, устроит она нам. Уже полчаса назад могла позвонить. Эмма, детка, поторопи мальчишек, и так не справляюсь. И скажи Энди, чтоб чистил зубы пастой, а не мылом.

На миг гудение в небе стихло. Временное затишье. «Мне бы заниматься чем-то по-настоящему нужным, скажем, ухаживать за стариками, пораженными проказой, кормить толпы страждущих, пострадавших от цунами, — думала Эмма. — К черту, ерунда какая-то. Это все телевизионная хроника. Мад права: от нее теряешь здравый смысл».

В комнате младших мертвая тишина. Не могут же они спать до сих пор? Она открыла дверь. Занавески были плотно задернуты, но свет горел. В дальнем углу на перевернутом ночном горшке, как на троне, восседал Бен. На нем ничего не было, кроме перчаток и старой шляпы Мад (которую когда-то отправили на распродажу старья, но никто на нее не позарился). Красавец, словно из черного дерева, он выглядел младше своих трех лет. Мад взяла его к себе не только из-за цвета кожи, а еще и потому, что, как ей сказали, у мальчика что-то не в порядке с языком, и он вряд ли сможет научиться говорить. Увидев Эмму, он в восторге закатил глаза, поднял вверх два пальца — жест, которому его научил Терри, — снова уставился на верх двухъярусной кровати, где спал Колин.

Шестилетний Колин был белокож, негатив черного Бена: голубоглазый, золотоволосый — любой режиссер из миллиона кандидатов на роль младенца Иисуса отобрал бы его. Колина нашли в канаве после фестиваля поп-музыки; родителей отыскать не удалось. Мад, которая временами страдала снобизмом, клялась, что мальчик королевских кровей; но дьявол тоже явно приложил к нему руку, — за ангельским ликом скрывалось змеиное коварство. «Если кто и научит Бена говорить, так это Колин», — определила Мад и, к ужасу Дотти, отвела им двухъярусную кровать. С этого момента Колин стал для Бена кумиром, хотя пока что дара речи он так и не обрел.

— Что это ты делаешь? — с подозрением спросила Эмма.

Колин неподвижно распластался на верхней койке, накрывшись простыней, сложив руки на груди. Глаза его были закрыты. Эмма подошла поближе и тронула его за щеку: один глаз приоткрылся.

— Уйди, Эмма. Я играю для Бена спектакль. Я умирающая Мадам, сейчас начну задыхаться и умру: вот и конец спектакля. Бен захлопает в ладоши, а я вскочу и раскланяюсь.

— Какой ужасный сюжет, — сказала Эмма. — Сейчас же прекрати играть и одевайся — через минуту будет завтрак.

Колин помрачнел:

— И ничего ужасного. Как в жизни. Мадам сама так придумала. Мы для нее и репетируем. То есть я, — Бен у нас зрительный зал.

Эмма решила им не мешать и вышла из комнаты. Беда в том, как обычно говорил Папа, — хотя она не любила с ним соглашаться, если речь шла о Мад, — что Мад меньше всего подходит на роль воспитателя трудных детей. «Может, они и счастливы, но ведь мир, в котором они живут, это нереальный мир фантазий. Как и мой, — подумала Эмма, — как и мой, все мы одним миром мазаны, миром Мад...»

Она прошла по узкому коридору и открыла дверь в комнату средних мальчишек. Энди и Сэма, которым двенадцать и девять, называют средними, чтобы отличить от старших Джо и Терри, которым девятнадцать и семнадцать. У средних тоже стоят койки, но комната их больше, чем у младших, и в ней ощущается характерный запах. Часть комнаты забрана проволочной сеткой, и за ней живет старенькая серая белка, которой, по уверению Сэма, самой уже не прокормиться. Белка уже несколько недель живет в спальне Сэма и Энди. Пол усеян скорлупой от орехов. Дотти чуть ли не в слезах протестовала, уверяя, что это против всех правил гигиены.

— Какая тут может быть гигиена, — сказала ей Мад. — Сэм вырастет и станет знаменитым зоологом, получит Нобелевскую премию. Я не буду ему мешать.

Когда Эмма вошла в комнату, Сэм сидел склонившись на полу, но предметом его забот оказалась не белка. Новый жилец, голубь, тащил по полу крыло, а Сэм увещевал гостя отведать с ладони зерна. Он оглянулся и жестом попросил Эмму не шуметь.

— Не подходи слишком близко, Эмми, — шепнул он. — Можешь напугать его. Если он признает во мне друга, то я смогу перевязать ему крыло.

Может быть. А может быть, и нет. Сэму приходилось спасать раненых птиц, но случались у него и неудачи, тогда были слезы и похороны в

кустах, причем Колин, которого всегда привлекала смерть, играл роль священника.

— Как это случилось? — тоже шепотом спросила Эмма.

— Он свалился с крыши. Наверно, испугался чего-то.

У Сэма было узкое, худое лицо и врожденное косоглазие — эта его отличительная черта вызывала неловкость у тех, кто знал его недостаточно хорошо. Может быть, раньше, когда он жил с родителями, их не устраивало именно его косоглазие. Сэму доставалось в детстве, и когда Мад увидела синяки на его теле, то сразу взяла мальчишку к себе.

— Чего он испугался? — спросила Эмма. — Самолетов?

Косые глаза всегда избавляли Сэма от дознаний. По их выражению никогда невозможно было определить, говорит он правду, или нет.

— Да, — ответил он. — Похоже на то. Открытое окно и отсутствие Энди заставляли думать иначе, но Эмма хорошо знала, что Сэм товарища не выдаст.

— Ладно, ладно, я и так все знаю. Он опять полез на крышу: я видела оторвавшийся шифер из окна ванной.

Она подошла к окну, открыла его пошире и, крепко ухватившись за раму, высунулась наружу, напоминая со стороны самоубийцу. Квадратная труба на краю крыши давно заделана изнутри, а круглое отверстие, через которое когда-то выходил дым от огромной кухонной плиты, оказалось прекрасным наблюдательным пунктом для отчаянного мальчишки; он отлично замаскировался, и его присутствие выдавали только выглядывавшие спутанные волосы, больше похожие на воронье гнездо, и, устроившись так, он как господин наблюдал за всеми с высоты, что временами действительно давало ему перед ними преимущество.

— Слезай, — приказала Эмма. — И я повторять не буду.

Воронье гнездо шевельнулось. Показался и лук Энди. Эмма не могла себе представить, как Энди смог не только вскарабкаться по крутому склону крыши, но и притащить с собой один из охотничьих луков, которые мальчишкам трогать запрещено и законное место которого в холле рядом с прочими луками.

— Подарены фельдмаршалом, — говорила Мад. — Стрельба из лука — его любимое занятие. Много лет он был одним из самых больших моих поклонников.

— Вот и неправда, — шептал Эмме Папа, — она купила их на ярмарке в Баттерси.

Как бы там ни было, но стрелы были смертоносны. Из трубы показалась голова и плечи Энди. Он улыбнулся Эмме своей обаятельной

улыбкой.

— Я только слегка задел этого голубя. Случайно. Я хотел только отпугнуть самолеты, но они слишком высоко. Потом пролетели вертолеты, и, будь они хоть на пару сотен футов пониже, я бы достал пилота.

— Не везет тебе на охоте, — насмешливо бросила Эмма. — Теперь спускайся и положи лук туда, откуда взял.

— Но он мой! — возмущенно крикнул Энди. — Мне Мадам его дала, ты что, не знаешь?

Эмма пожала плечами и прикрыла окно. Просто невозможно навести хоть какой-то порядок. Того и гляди, кого-нибудь застрелят, и винить в этом нужно будет не Дотти, не ее и не мальчишек, а Мад. Ну а Энди — кто бы мог ожидать, что ребенок, чудом выживший в авиакатастрофе, в которой погибли его отец, мать и старшая сестра, — это была диверсия, бомба взорвалась вскоре после взлета, — задумает претворить в жизнь идею, пусть и невыполнимую, сбить самолет с экипажем. И глазом не моргнет. Это лишний раз доказывает... Что? Эмма вернулась на кухню.

— Говорю тебе, все сегодня не ладится, — заметила Дотти, раскладывая по тарелкам яичницу с беконом. — Телефон не работает. Я хотела позвонить мяснику, а в трубке ни звука. Не представляю, что скажет Мадам. Милочка, будь добра, отнеси ей, пожалуйста, сок. Мне сейчас никак к ней не пойти. Одно к одному. Обожди-ка. Вон Терри везет наконец-то почту.

Велосипед, как всегда, лихо затормозил, затем полетел на землю у кухонного окна. По ступеням застучали шаги, и в комнату ворвался Терри — щеки его покраснелись под цвет рубашки. У него байроновская внешность: точеный профиль и буйные кудри, и, хотя ему едва исполнилось семнадцать, по нему вздыхали все девчонки в округе. Беда только вот, что его мать-наркоманка, не зная даже имени его отца, в порыве отчаяния вскрыла себе вены, и Терри остался с ней один на один, покуда его не нашла соседка. Он бегал из всех приютов, пока его не спасла Мад. Это случилось несколько лет назад. Терри стал первой находкой Мад и не позволял забывать об этом.

— Вы себе не представляете, — запыхавшись, сказал он, обращаясь к Дотти и Эмме. — Я не смог отъехать дальше проселочной дороги. Всюду солдаты. У них перегорожено все шоссе. Мне близко подойти не дали — замахали на меня. А вертолеты так и носятся над головой, просто ад какой-то. Здорово, будто по-настоящему война. А где Джо?

Звуки, доносившиеся из подвала, были ему ответом: товарищ его занят, как обычно, своим любимым делом — готовит дрова для камина

Мадам. Пусть хоть мир перевернется, в саду приземлятся вертолеты, — ничто не отвлечет Джо от добровольно взятой им на себя обязанности служить Мадам.

— Неужто дорогу перегородили? — воскликнула Дотти. — Что-то еще придумают? Терри, а почтовый фургон видел?

Терри посмотрел на нее и фыркнул:

— Ты что, спятила? Как он проедет мимо постов? А солдаты еще и по телеграфным столбам лазают, делают что-то с проводами.

Хлопнув дверью, он побежал вниз к Джо.

— Теперь понятно, почему не дозвониться до мясника, — сказала Дотти. — Ох и разозлится же Мадам, когда узнает об этом. Вот на, бери сок. Она протянула Эмме аккуратно сервированный поднос.

— Не пойму, почему же она до сих пор не зовет меня. Ты сказала Энди, чтобы он почистил зубы?

Эмма не ответила. До зубов ли Энди теперь, когда происходят такие странные события, которые неизбежно вконец испортят настроение Мад. Эмма медленно поднялась по лестнице, ей не нравилось поручение, ведь такие несчастливые события, если только они не задуманы специально хозяйкой, всегда плохо отражаются на домашних. Эмма приостановилась на верхней ступеньке. Табличка «Не беспокоить», болтавшаяся на ручке двери, перевернута на обратную сторону. «Оставь надежду, всяк сюда входящий» — цитата из «Ада» Данте, которую в давние дни повесил на дверях артистической уборной Мад один из ее партнеров, как предупреждение для незваных гостей.

Эмма кашлянула, постучала в дверь и вошла в спальню своей бабушки.

Мад уже поднялась. Поднеся к глазам бинокль, она сидела в кресле у открытого окна, выходящего на залив. Она уже облачилась в свой наряд, если так можно назвать ее всегдашнюю одежду: нечто среднее между костюмом Робин Гуда и формой усопшего Мао Цзэдуна. Одежда эта была вполне по погоде для ноября на Корнуолльском побережье, если б вы собирались участвовать в соревнованиях по стрельбе из лука или помыть паровоз. Насколько было известно Эмме, Мад не собиралась заняться ни тем, ни другим, — опять же, как знать, что принесет новый день?

— Дотти извиняется, — начала Эмма. — Неудачное утро. Я надеюсь, ты проснулась недавно? То эти ужасные самолеты, а теперь еще Терри говорит, что на холме перегородили шоссе, кругом солдаты. Большие учения, судя по всему. Почтовая машина до нас добраться не смогла, телефон не работает, и даже радио молчит. Я принесла тебе апельсиновый сок, дорогая.

Она поставила поднос на письменный стол у окна. Мад молчала. Приставив к глазам полевой бинокль, она была увлечена наблюдением. Впрочем, Мад всегда любила смотреть на корабли, стоящие на якоре у входа в порт. Ей казалось, что она может узнать принадлежность любого судна по силуэту, а не только по флагу, но сегодня задача была потруднее. Торговых судов, стоявших обычно под погрузкой глины, не было. На якоре стоял только военный корабль, но слишком далеко, чтобы что-нибудь понять по флагу, которого совсем не видно, или по силуэту. Даже без бинокля Эмма поняла, что снующие взад-вперед вертолеты поднимались с его палубы.

— Все равно не понимаю, — продолжала Эмма, — с какой стати из-за морских маневров нарушать покой всего побережья, глушить радио, отключать телефон и прекращать доставку почты.

Мад опустила бинокль и потянулась за апельсиновым соком. Эмму озадачило, что бабушка, вместо того чтобы возмущаться и требовать, чего можно было бы ожидать в связи с необычными событиями сегодняшнего утра, встретила ее задумчивой, даже мрачноватой. Ее точеный профиль, который с юности в течение всей ее театральной карьеры появлялся на открытках всех стран мира, теперь казался неожиданно резким, орлиным. Стриженная седая голова с завитками волос на шее придавала Мад вид не знаменитой красавицы актрисы, которая через две недели, празднуя свое

восьмидесятилетие, будет, грациозно раскланиваясь, принимать букеты и корзины цветов из «Интерфлоры», но скорее вид старого воина, скажем римского легионера, который после долгих лет мирного отдыха поднял голову, почувствовав знакомый запах битвы.

— Это не морские маневры, — произнесла Мад, — и даже не совместные учения. Джимми Джолиф позвонил бы и предупредил меня за несколько дней.

Адмирал Джолиф, главнокомандующий из Девон-порта, — сын старинной, давно умершей подруги Мад, поэтому они обмениваются поздравлениями на Рождество. Однажды он даже обедал у Мад. Эмма сомневалась, что адмирал стал бы звонить бабушке, предупреждая о возможных неурядицах с почтой и телефоном, но кто знает...

— Дорогая, вероятно, учения должны быть как настоящие, чтобы произвести впечатление, — предположила Эмма. — Иначе это просто трата времени. Хорошо, что в школе сейчас каникулы и мальчишкам не надо идти на автобус, — они бы опоздали.

Мад повернулась и, неожиданно улыбнувшись, посмотрела на внучку. В улыбке ее, во взгляде сверкающих голубых глаз было сознание собственной правоты.

— Скажи Дотти, чтобы дала им на завтрак двойные порции яичницы с ветчиной. Может, им целый день не придется поесть как следует.

— Что ты, Мад, я...

— Я не шучу. Пусть лучше не выходят из дома. Не только младшие, но и Джо и Терри тоже. Не разрешай Энди лазать на крышу, пусть он поможет Сэму убрать комнату, если только белка не испугается.

— Утром там был еще и голубь, — пробормотала Эмма, чувствуя себя доносчицей.

— Да? — Мад вновь задумалась. — Интересно. Может, почтовый? У него не было записки под крылом?

— Крыло сломано. По крайней мере, волочится.

— Хм. Может, это знак...

Проблема в том, что при общении с Мад никогда невозможно понять, играет она или нет. Нынешняя ее жизнь часто представляла собой тонкую игру в воображаемое — то ли для развития фантазии у мальчишек, то ли для собственного развлечения теперь, когда кровь уже не бурлила, как в молодости, — Эмма никогда не могла этого понять. Папа говорил, что это ни то и ни другое, а просто — привычка, вроде чистки зубов по утрам: матери нужно давать в день по два представления в память о давно умерших зрителях. Если задуматься, то слова Папы жестоки, но ведь Папа

— банкир, ему не до сантиментов.

— Смотри, — Мад вдруг показала на распаханное поле за оградой сада. — Какие-то люди идут с берега, похоже высадились откуда-то. Я не помню, как их там сейчас называют; раньше называли не то десантерами, не то саперами, или как-то так. Беги скорей вниз и передай мой строжайший приказ: никому, повторяю, никому, из дома не выходить. Через минуту я спущусь и проконтролирую сама, только посмотрю, куда направляются эти люди. И что бы ни случилось, не выпускайте на улицу Фолли.

Фолли — это четырнадцатилетняя сука, далматинка, слепая на один глаз и почти глухая, которая жила в кресле в углу библиотеки и редко сходила с места, за исключением походов во двор два раза в день: там она усаживалась на лужайке, пожелтевшей и засохшей от такого собачьего внимания.

Выходя, Эмма обернулась и застыла в изумлении. Бабушка права. За окном — *были* люди: солдаты в касках, в нелепой маскировочной форме, которую носят в войсках всех стран, веером рассыпались по полю и шагали с винтовками наперевес.

— Поняла, — сказала Эмма и засмеялась, потому что вдруг ей все показалось таким ясным, — это кино, они снимают фильм, ведут съемки на открытой местности. А те люди на холме, что возились с телефонными проводами, вовсе не солдаты, а кинооператоры. Ой, они напугают собаку!

Спрай, колли с фермы, настоящий кудесник в обращении с овцами, боялся всех громких звуков: и раскатов грома, и низко пролетающих самолетов. Он, по всей видимости, убежал из своего безопасного пристанища в усадьбе за холмом и стремглав мчался через поле перед надвигающимися солдатами. Один из них приостановился и прицелился, но не выстрелил. В это время над крышей заревел очередной вертолет, и Спрай в панике и страхе развернулся навстречу наступающему солдату и отчаянно залаял, как и полагается лаять на незваных пришельцев, — и тогда солдат выстрелил.

— Черт бы его побрал! — выкрикнула Мад. Спрай из хранителя хозяйского стада превратился в нечто изорванное и кровавое, даже и не похожее на животное. Мад положила бинокль, встала из кресла и прошла по комнате.

— Кино, говоришь? — бросила она Эмме и первой начала спускаться по лестнице.

Не может быть, с недоумением думала Эмма. Солдаты не стреляют в животных, а, наоборот, любят их, они им служат талисманом. В этот

момент Эмма услышала, как Мад, еще не спустившись с лестницы, резко выкрикнула: «Сэм, подойди ко мне!» Раздался звук распахиваемой входной двери, и с верхней ступеньки лестницы Эмма увидела маленькую фигурку Сэма, бегущую через лужайку к воротам, по дорожке, через сад и дальше в поле, — Сэм видел, что произошло. Он отправился на выручку своему другу, собаке Спраю. Истерика, паника — Эмма впервые в жизни впала в такое состояние. Если эти люди стреляют в животных, то они могут стрелять и в детей.

— Сэм! — закричала она и, спотыкаясь, сбежала вниз по ступеням. — Сэм...

Затем Эмма почувствовала на своей ладони руку Мад. Успокаивающую, жесткую и прохладную.

— Не волнуйся. Они прогонят его. Тот, кто застрелил Спрая, не повторит своей ошибки. У него и так будут неприятности с командиром взвода, или кто там командует этим странным отрядом.

По щекам Эммы катились слезы. Внезапная ужасная сцена убийства собаки, собаки, которую они все знали, которая прибегала поухаживать за Фолли, когда у той случалась течка, и Сэм, сломя голову бегущий навстречу смертоносному огню, — все это не из ее привычного мира, это кошмар.

— Как ты можешь оставаться спокойной? — всхлипывала Эмма. — Как?

Она взглянула на поле за садом. Сэм уже добежал до живой изгороди, когда один из военных, приближавшихся с противоположной стороны, бросился вперед и заговорил с ним. Он положил руку Сэму на плечо. Сэм обернулся и показал на дом. Военный как будто засомневался на секунду, затем прокричал какой-то приказ стоявшим сзади и пробрался сквозь кусты. Сэм последовал за ним, и они медленно прошли по саду, направляясь к дому. Остальные продвигались по вспаханному полю — кто к лесу, кто к выпасу вдоль дороги к шоссе. Из кухни доносились громкие возбужденные голоса спорящих. В холле появилась взволнованная Дотти, за ней Терри.

— Что происходит? — выпалила она. — Мы слышали выстрел, и Сэм крикнул что-то про собаку. Но это ведь не Фолли? Сэм так бросился к дверям, что я не смогла его удержать.

— Я его из-под земли достану, — перебил Терри. — Эти парни все заполонили, посмотри только, как они шагают, вон идут по выпасу. Вот гады! Положитесь на меня, Мадам, я с ними разберусь, я...

— Ничего подобного, — сказала Мад. — Делай, что я тебе скажу.

Возвращайся на кухню и жди там. Ты, Дотти, тоже. А Джо пришлите ко мне. Кто-то должен побыть с Сэмом. Произошло несчастье. Никому из детей без моего разрешения на улицу не выходить!

Терри развернулся, бормоча что-то себе под нос. Дотти заколебалась на секунду, прошептала: «Да, Мадам» — и удалилась. Мад сжала губы, как бы собираясь свистеть — сигнал опасности для тех, кто ее знал... Солдат с Сэмом пересекли сад. Вот-вот они появятся в воротах за лужайкой. Кто-то тронул Эмму за плечо. Джо. Он молчал, но глаза его смотрели на нее вопросительно. Джо уже девятнадцать, он самый старший в приемной семье Мад и самый надежный. Его открытое, честное лицо было бы красивым, если бы не неправильные черты, длинная верхняя губа и шрам у правого глаза. Он не сирота и не незаконнорожденный. Единственный ребенок в семье, Джо так и не научился читать и писать — причины такой неспособности были совсем не изучены: в то время, когда Джо пошел в школу, его родители, сами школьные учителя, не справившись с этой проблемой, эмигрировали в Австралию, оставив Джо на попечение бабушки, которая потом умерла. «Если бы не Джо, — временами поговаривала Мад, — я бы не выдержала. Кроме самой себя, я могу положиться только на него». Мад никогда не приходилось подолгу что-либо втолковывать Джо: он быстро схватывал и четко выполнял все инструкции.

— Они застрелили Спрая, — сказала Мад. — Сэм этого не простит, он ужасно расстроен. Отведи его побыстрее в его комнату и побудь с ним. Помоги ему с голубем, что волочит крыло. Я разберусь с военным.

Она выхватила трость из стойки у входа в холл, и на какую-то секунду Эмма с ужасом подумала, что бабушка собирается напасть на солдата, — тот открыл калитку и шел по тропинке через сад.

— Осторожней, — невольно произнесла Эмма.

— Не волнуйся, — ответила Мад. — Если они не стреляют в мальчишек, то и старушек не тронут... пока что.

Она сошла по ступеням в сад, поддерживаемая Джо. Эмма, в которой любопытство одержало верх над страхом, осмотрела гостя. Если отбросить военное снаряжение и оружие, то в нем не было ничего примечательного. Судя по всему, держится не совсем неестественно, немного волнуется. Сэм не плакал. Он, похоже, был в шоковом состоянии. Джо подошел к нему, взял на руки и ушел в дом, не сказав ни слова. Солдат остановился, вытянулся и отдал честь. «Это он, должно быть, по привычке, — подумала Эмма, — не мог же он ожидать, что навстречу ему выйдет такая старая женщина, да еще как две капли воды похожая на Мао Цзэдуна».

— Извините за собачку, мэм. Один из моих людей виноват,

неправильно оценил ситуацию.

Удивительно. Американский акцент. Так что это действительно какие-то совместные учения. Эмма взглянула на бабушку, которая не выразила никаких эмоций.

— Это не моя собачка. Ее хозяин мистер Трембат, фермер, и это очень ценная собака, точнее была такой.

— Фермер получит компенсацию, мэм, — ответил солдат. — Все сведения о нанесенном ущербе будут рассмотрены быстро, и меры будут приняты. Пока что я порекомендовал бы вам не выходить из дома до тех пор, пока не получите соответствующее извещение. Благодарю за внимание, мэм.

Он снова отдал честь, но эти любезности на Мад не подействовали. Она шагнула вперед по садовой дорожке, и солдат был вынужден отступить на шаг.

— Не могли ли бы вы объяснить мне, что происходит? — произнесла она громко и отчетливо, словно обращаясь к последнему ряду галерки.

— Простите, мэм. Могу сообщить лишь, что в стране введено чрезвычайное положение. Слушайте местное радио или смотрите телевизор. Где-то через час передадут важное сообщение. Спасибо, мэм.

Щелкнув каблуками, он развернулся, пошел по тропинке, захлопнул за собой калитку и бодро зашагал по дорожке к шоссе. Его братья по оружию уже удалились в том же направлении.

— Что он такое сказал о чрезвычайном положении? — спросила Эмма.

— То и сказал, — сухо ответила Мад. — Сделай мне чашку кофе — и передай Дотти, чтобы она продолжала подавать завтрак. Сейчас ровно девять тридцать пять. Если он сказал правду, то похоже, что в десять передадут какое-то сообщение. Включи к этому часу радио на кухне, хорошо? Я включу телевизор. Если будет что-то интересное, я крикну тебя и мальчишек. Это касается нас всех, детей и взрослых.

Эмме ничего не хотелось есть, даже хлопьев. Невозможно забыть, как испуганная, загнанная собака мгновенно превращается в ничто. Цепь за цепью, люди поднимались на холм. Сэм был в состоянии шока...

На кухне завтракали, но атмосфера была напряженной. Терри, получив от Мад выговор, выглядел мрачно, его красивое лицо потемнело от обиды. Энди, без всякого объяснения изгнанный из комнаты, которую он делил с Сэмом, был явно расстроен. Дотти сидела во главе стола с каменным лицом. Эмма нагнулась к радиоприемнику и включила его. Передавали «Край надежды и славы».^[1]

— Мад думает, что в десять будет какое-то сообщение, — сказала

Эмма. — Солдат, который привел Сэма, сказал, чтобы мы слушали радио. Еще он сказал, что в стране введено чрезвычайное положение и никто не должен выходить из дома.

«Я должна быть спокойной, — думала она, — теперь ответственность лежит на мне. Это все равно что быть заместителем Мад, но не как в обычные дни. Сейчас кризис».

— Чрезвычайное положение? — спросила Дотти, разинув рот. — Мы что, воюем?

— Не знаю. Он не сказал. Кстати, этот солдат американец.

— Янки? — Терри, выйдя из подавленного состояния, вскочил на ноги.

— То есть у баррикады на дороге засели янки? Какого черта им здесь надо? То есть понимаешь, если высадутся русские, чем поможет это паршивое заграждение? Даже я смогу пройти, если надо, не говоря уже о русских.

— Но если у янки оружие, ты не полезешь через баррикаду.

Энди попал в точку, и Терри на секунду замолчал в замешательстве.

— Ну а зачем янки оружие против меня? — спросил Терри. — Я же ничего такого делать не буду.

— А может, ты побежишь, — сказал Энди. — Как Спрай.

Наступила тишина. Каждый по-своему волей-неволей вспомнил об утреннем происшествии. Даже Колин задумался. Когда Джо поднимался с Сэмом наверх, он шепнул Колину, что случилось несчастье, пострадала собака с фермы, но Колин тогда не понял, что это связано и с ревом самолетов и с возбужденным рассказом Терри о солдатах.

—Эмми, — медленно произнес Колин. — То есть американский солдат стрелял в Спрая?

За Эмму ответил Энди:

— Да, — более того, он убил его.

— Это несчастный случай, — торопливо сказала Эмма, — солдат приходил извиняться.

— Но если не работает телефон и нельзя выходить из дома, то как тогда сообщить о несчастье мистеру Трембату? — спросил Терри. — Он будет так горевать, да и все они, особенно Миртл.

Миртл пятнадцать лет, и Терри сейчас с ней встречается.

— Послушайте-ка, я проскочу на ферму через поле, я быстро — пять минут, и все.

— Нет, — сказала Эмма. — Нет...

Терри ответил дерзким непокорным взглядом, потом засунул руки в карманы и пнул по ножке кухонного стола. Но не успел он заспорить,

музыка по радио прекратилась и диктор произнес: «В десять часов после сигналов точного времени будет передано важное сообщение».

— Вот и оно, — сказала Эмма, хватая поднос с кофе. — Идите все в библиотеку. Мад велела, послушаем по телевизору. Энди, позови Джо и Сэма.

Она выбежала из кухни. Дотти и мальчишки последовали за ней. Бабушка сидела в кресле, в своем убежище, готовая в любой момент нацепить на нос очки для дали. Телевизор был уже включен. Передавали картинку доселе невиданную: два флага рядом, соединенные в основании. «Юнион Джек» и «Звезды и полосы». Колин устроился у Мад в ногах на скамеечке, посадив Бена к себе на колени.

— Что, будет фильм про ковбоев? — спросил он.

— Тише, — попросила Эмма.

Вошел Джо, держа за руку Сэма, и они сели рядышком с Терри и Энди на подоконнике. Дотти, взглянув на Мад, пододвинула стул и села. Эмма устроилась на подлокотнике дивана. Два флага померкли, уступив место диктору, испуганному и нервному, утратившему свой обычный жизнерадостный вид.

— Доброе утро, зрители юго-запада Англии, — произнес он. — Говорит телестанция Плимута. По не зависящим от нас обстоятельствам ранее объявленные утренние передачи не состоялись. Причину этого вам объяснит контр-адмирал сэр Джеймс Джолиф, командующий западной группой войск, который сейчас со мной в студии. Пожалуйста, адмирал Джолиф.

Камеры переключились на лысого адмирала, который регулярно присылал Мад открытки на Рождество и однажды даже у нее обедал. В форме, украшенной наградами, он выглядел более грозно, чем два года назад, когда он в шортах и широкой футболке играл на лужайке с мальчишками в бадминтон.

— Да этот старикан друг Мадам! — восторженно заорал Колин, и Бен, сидевший у него на коленях, начал аплодировать. На этот раз Дотти сказала:

— Тише!

Лицо Мад сохраняло бесстрашие, но очки уже твердо обосновались на ее носу.

— Здравствуйте все, — произнес адмирал Джолиф. Голос у него был озабоченный, но не чересчур, и Дотти подумала, что, по крайней мере, дела не так уж плохи: Букингемский дворец не лежит в руинах, и любимая королева в безопасности.

— Я уполномочен сообщить вам, — продолжал он, — что начиная с полуночи в нашей стране введено чрезвычайное положение. По всему Соединенному Королевству приняты меры по обеспечению безопасности населения, нормальному снабжению энергией и функционированию основных служб. Однако временно не будет работать почта. С полуночи прекращено движение поездов — сроком на двадцать четыре часа или, возможно, дольше. Телефонные станции будут принимать только экстренные вызовы. Все, за исключением лиц, занятых на работах особого значения, до получения дальнейших инструкций должны оставаться дома либо незамедлительно вернуться к месту жительства, если они уже выехали на работу или с другой целью.

К сожалению, в настоящее время я не уполномочен добавить что-либо к вышесказанному. Тем не менее хочу подчеркнуть, что причин для паники нет. Повторяю, никаких причин для паники нет. Авиационные отряды, которые вы утром наблюдали в небе, дружелюбны нам. В Ла-Манше находится шестой флот США. Войска, которые вы, возможно, видели в городах и портах, являются частью вооруженных сил США и размещены в Соединенном Королевстве с полного нашего согласия и при нашей поддержке. Сохраняйте спокойствие. Следите за радио — и телепередачами, и благослови вас Господь.

Лицо адмирала исчезло с экрана. Вновь появились два флага. Вместо «Края надежды и славы» заиграли «Знамя в звездах»^[2] Мад поднялась из кресла, сняла очки и выключила телевизор.

— Это все? — разочарованно спросил Колин.

— Пока да, — сказала Мад, — и этого более чем достаточно.

Все вскочили на ноги. Каким-то образом напряженность разрядилась, по крайней мере у младших членов семьи, — будто после рождественской речи королевы. «Что же мы будем делать теперь?» — подумала Эмма. Сэм нагнулся к старухе Фолли, которая, лежа в единственном удобном кресле, не считая кресла Мад, яростно скребла левое ухо.

— Все в порядке, Фолли. В тебя стрелять не будут. Ну а если кто-нибудь попробует, то Энди с ним разберется.

— Правильно, — сказала Мад, и ее губы опять сложились словно для того, чтобы свиснуть.

«Нет, — подумала Эмма, — только не это, если она будет так настраивать мальчишек, они доведут нас до беды. Бог знает, что может случиться». Она подняла брови, делая знаки Дотти, которая начала выпроваживать из комнаты младших мальчиков.

— Можно я сбегаю на ферму, расскажу о Спрае? — спросил Терри.

Мад бросила на него взгляд. Взгляд, настороживший Эмму. Похоже, что бабушка и первый из ее приемышей-детей что-то скрывают.

— Нет, еще не время, — ответила Мад. — Я скажу, когда можно.

Эмма подумала, сколько еще времени будет отключен телефон, скоро ли мир вернется на круги своя, так как первым делом нужно позвонить в Лондон Папе и узнать, что происходит. Он-то знает, он знаком со многими высокопоставленными людьми, не только с банкирами, но и с министрами, с сильными мира сего, ну и тогда он твердо посоветует Мад не предпринимать ничего безрассудного. Страшно то, что никогда не знаешь, что может выкинуть бабушка.

Младенец Иисус, сжимая ладошку младшего чернокожего брата, на секунду задержался в дверях.

— Вот что я хочу знать, — сказал он. — Американские солдаты хорошие или плохие?

Вопрос был адресован Мад.

Она ответила не сразу. Начала тихонько что-то насвистывать. Затем улыбнулась Колину. Не той знакомой всем поклонникам улыбкой с открыток, а медленной, коварной улыбкой римского legionera.

— Именно это, мой мальчик, я и собираюсь выяснить.

День проходил, но вовсе не по заведенному распорядку. Уборка и прочие обязанности выполнялись спустя рукава, с неохотой, все были взвинчены. Мад опять поднялась к себе наверх, к окну, и пребывала в необщительном настроении, сидя сгорбившись, с биноклем в руке. Военный корабль все стоял на якоре.

— Что происходит, как ты думаешь? — спросила наконец Эмма.

— Дорогая, я бы сказала тебе, если бы знала. Не задавай глупых вопросов. Займись чем-нибудь.

Эмма не понимала, как Мад может там сидеть, когда окровавленные останки Спрая еще лежат посреди вспаханного поля. Каждый раз, поднимая бинокль, чтобы посмотреть на корабль, она не могла не видеть и их.

«Дети и старики, — подумала Эмма, — воспринимают мир не так, как мы. Способность чувствовать появляется лет в восемь-девять, как у Сэма, и боль будет терзать лет до пятидесяти; потом она понемногу отпускает, и человек становится бесчувственным».

Но тогда Мад ничего не чувствует уже лет тридцать, а вот этого быть не может. И Папа, которому через год будет пятьдесят, значит, уже на пороге. Это зависит от человека, решила Эмма. Может быть, бесчувственность передается по наследству, как седина в тридцать лет, или рак, как у ее матери, которую Эмма едва помнила, все время в розовой пижаме, потому что та все время лежала по больницам.

— Если бы она жила дольше, — нередко спрашивала Эмма у бабушки, — стала бы я другой?

— Нет, — говорила Мад, — с какой стати?

— Знаешь, — отвечала Эмма, — есть же влияние матери, материнская любовь.

— Я давала тебе это.

— Да, конечно, но...

Эта несчастная женщина в розовой пижаме, конечно, любила мужа и дочь, но страдания вырвали ее из жизни, как Эмилию Бронте...

Однажды Эмма спросила:

— Ты мне толком не рассказывала. Какая она была? Не внешность, а все остальное?

И Мад посмотрела внучке прямо в глаза и сказала со свойственной ей

пугающей прямоотой:

— Дорогая, она была славная, но, честно говоря, ужасно глупая. Не могу понять, что в ней нашел Папа.

С тех пор, когда Эмма совершала что-нибудь глупое: говорила какую-нибудь нелепость, разбивала тарелку или забывала заправить машину — она чувствовала себя похожей на мать и что Мад ее за это презирает. Что усложняло жизнь.

Чуть позже, когда она шла в столовую за Мад убрать посуду после обеда (обычно они ели вдвоем, но сегодня Эмме показалось, что лучше побыть с Дотти на кухне, помочь ей с мальчишками), она увидела, что еда осталась нетронутой, а в столовой никого нет. Бабушка, наверное, ушла опять к себе в спальню, и, мучаясь угрызениями совести, — может, она плохо себя чувствует, — Эмма побежала наверх. В спальне тоже никого не было. Эмма выглянула в окно и увидела склоненную фигуру Мад в поле. Она копала землю садовой лопатой Джо. То есть только что закончила копать. Сейчас она засыпала землей яму, а того, что когда-то было Спраем, уже не было. Закончив, она оперлась на лопату и посмотрела на море. Военный корабль по-прежнему стоял на якоре, и часть вертолетов вернулась на борт. На мрачном ноябрьском небе проглядывали лучи солнца. На кормовом флагштоке ясно вырисовывался звездно-полосатый флаг.

Мад повернулась и медленно пошла по дорожке, ведущей к саду. Эмма спустилась вниз по лестнице. Лучше промолчать. Лучше притвориться, что ничего не видела. Она спряталась в туалете на первом этаже, подождала, пока бабушка вернулась в дом и сбросила ботинки в прихожей. Затем Эмма услышала, как Мад, пройдя в библиотеку, зовет Фолли. Эмме было понятно, что последует за этим. Мад отдаст еду Фолли и никому об этом не скажет, так что Дотти подумает, что она пообедала. И Эмма угадала. Покинув укрытие и войдя в библиотеку, она увидела, что Мад ищет очки, а Фолли облизывается.

— А, вот и ты, дорогая, — сказала Мад. — Я тебя искала.

«Лгунья, — подумала Эмма. — Обманщица ведь, невыносимая лгунья, но любимая».

— Скажи Дотти, что мясо очень вкусное, но овощи съесть не смогла — я не слишком проголодалась.

«Я бы тоже не чувствовала голода, — подумала внучка, — только что похоронив растерзанную собаку».

— В новостях в тринадцать часов ничего интересного не было, — сказала Эмма, — повторили выступление адмирала. Мы переключили на новости из Лондона, но и там то же самое. Только выступал

главнокомандующий сухопутными войсками, генерал какой-то. Слова чуть другие, но в остальном точь-в-точь.

— Я знаю, — сказала Мад. — Я тоже смотрела.

— Может, в Лондоне вообще что-то безумное творится? Как ты думаешь, чем занят Папа?

— Ходит по коридорам власти. Если осталась какая-либо власть.

Эмме всегда было интересно, почему ее бабушка до последнего выгораживает своих приемных мальчишек, помогает им и покрывает все их проступки, но своего собственного сына нередко осуждает. Раньше она говорила, что Папа хвастун. И это свое тщеславие он унаследовал не от нее, часто повторяла она, и не от отца-драматурга, который всегда оставался веселым и оригинальным, а похоже, что от прадедушки-священника, который так и не дослужился до епископа. Мад всегда настаивала на том, что ее сын Виктор только делает вид, что знает всех в верхах, держит руку на пульсе всего мира и что самые высокопоставленные люди обращаются к нему за советом по всем вопросам от банковского дела до политики.

— Но, может, это и правда, — говорила Эмма; защищая отца.

— Чепуха, — отвечала Мад. — Если я прошу у Вика совета, он всегда неправильный. Как-то раз он заставил меня купить какие-то акции на бирже ценных бумаг — и они тут же упали в цене. С тех пор я его не слушаю.

— Но это же было так давно!

— Неважно. На его советы положиться нельзя.

Вдвоем они прошли в музыкальную комнату. Комнату называли музыкальной из-за рояля, на котором никто никогда не играл. Но это была любимая комната Мад, и она всегда держала в ней цветы, хотя бы засушенные гортензии. По комнате развешаны фотографии Мад в различных ролях, и Эмма в душе считала это тщеславием, но в старости, наверное, приятно вспомнить молодые годы, когда ты была знаменитостью.

— Послушай, что я тебе скажу, — произнесла Мад, бросая в камин полено, аккуратно распиленное Джо. — У меня такое чувство, что Папа знал, что что-то должно произойти.

— То есть? — спросила Эмма.

— Несколько дней тому назад у нас с ним был очень странный разговор по телефону, я сразу хотела тебе рассказать, но забыла. Он твердил, что нам с тобой надо на пару дней поехать в Лондон и погостить у него, так как много что нужно обсудить, а когда я предложила ему приехать сюда, он ответил, что это сделать тяжело, и он — хм, скажем так — что-то

скрывал. Я ответила, что об этом не может быть и речи: как оставить Дотти управляться со всей оравой, особенно во время каникул, и он сказал: «Черт с ней, с Дотти, и с детьми. Смотри, не пожалей об этом». Не пожалей — вот что было странно... А потом он повесил трубку.

Эмма задумалась.

— Не знаю, — медленно произнесла она. — Папа действительно иногда волнуется. Думает, что ты себя перетруждаешь. Ну и, конечно, ему неинтересно с мальчишками, вот почему он так редко сюда приезжает.

Над домом появились вертолеты. Один из них летел так низко, что из-за шума стало невозможно разговаривать дальше.

—Смотри, — сказала, точнее прокричала, Мад. — Кажется, он хочет приземлиться.

Вертолет, опустившись к вспаханному полю, пролетел над изгородью и завис над пастбищем, начинавшимся за садом вдоль дороги. Он опускался все ниже и ниже, паря будто ястреб, — винты крутились, шум стоял оглушающий, — а затем очень медленно опустился на землю в центре поля. Несколько минут лопасти вращались по инерции, затем остановились. Открылся люк, и из вертолета вышли шесть или семь человек.

— Они направляются к нам, — сказала Эмма.

Двое солдат пошли через поле к дороге. Они перелезли через проволоку и пересекли лужайку, направляясь к калитке. Эмма с беспокойством взглянула на бабушку. Хорошо еще, что она не в кепке, — по крайней мере сейчас она не так сильно напоминает Мао. Вообще-то сейчас, когда ее седые волосы зачесаны наверх, она выглядит очень даже неплохо. Даже внушительно. С другой стороны, лучше бы она оделась во что-нибудь, более подобающее своему преклонному возрасту, — скажем, в приличную юбку и шерстяную кофту, лучше голубую, а не в эту робингудовскую куртку с кожаными рукавами.

— Что будем делать? — спросила Эмма.

— Сыграем с листа, — сказала Мад.

Вдвоем они вышли на крыльцо, так же как утром, а двое солдат, пройдя через калитку, зашагали по дорожке.

—Офицеры, — прошептала Мад, — это сразу заметно. Солдаты, или офицеры, остановились и отдали честь. У одного из них, по мнению Эммы, была типичная внешность военного: лицо длинное, щеки впалые, под фуражкой видна седина. Спутник его был моложе — круглолицый, с улыбчивыми голубыми глазами. Он больше поглядывал на Эмму, чем на бабушку, и Эмма сочла это за должное. Заговорил тот, что постарше:

— Полковник Чизмер, мэм. Морская пехота США. Со мной лейтенант Шермен.

Мад не оценила церемонию представления гостей и не подумала назвать ни себя, ни Эмму. Она сразу взяла быка за рога:

— Полагаю, вы пришли извиниться за собаку? Полковник Чизмен ответил удивленным взглядом:

— Какую собаку, мэм?

— Отряд ваших людей, — сказала Мад (а Эмма подумала, что слово отряд подходит только к фильмам про ковбоев), — отряд ваших людей сегодня рано утром проходил по этому полю, и один из солдат намеренно выстрелил и убил исключительно ценную собаку — колли с соседней фермы, убегавшую от них со всех ног, насмерть перепуганную диким ревом вертолетов. Эту сцену наблюдали маленькие дети, живущие в моем доме. Они пережили глубокое потрясение.

Офицер выглядел немного растерянным.

— Займитесь этим происшествием, лейтенант, — сказал он своему спутнику. — Мне крайне печально слышать, мэм, о ваших неприятностях. Мы проведем разбирательство по поводу этого происшествия, о котором я ранее не был информирован. Но причина моего прихода совершенно иная.

— Слушаю вас, — произнесла Мад.

— Слышали ли вы сообщение по радио?

— Нет, я смотрела телевизор. Я хорошо знаю адмирала Джолифа. Он несколько раз приезжал сюда в гости.

— Хорошо, мэм, мне тогда легче попросить вас об одной услуге. К вашему дому примыкает конюшня, не так ли?

— Да, это так.

— Мы хотели бы, с вашего согласия разумеется, воспользоваться ею на двадцать четыре часа или, может быть, чуть дольше, в зависимости от ситуации, которая, без сомнения, должна стабилизироваться очень скоро.

Полковник Чизмен говорил очень вежливо, даже почтительно, но твердым тоном.

— Вы хотите сказать, что вам нужно реквизировать конюшню. Выбора у меня нет, я полагаю.

Полковник Чизмен кашлянул:

— Ну это вы перегибаете палку, мэм. Мы не доставим никаких неудобств ни вам, ни вашей семье. Это необходимо для обеспечения связи, и в этом здании будет временный пост, во главе с лейтенантом Шерменом.

— Понимаю.

Полковник явно не чувствовал в ее словах одобрения. Молодой

офицер извиняюще взглянул на Эмму, та нервно улыбнулась в ответ.

— В конюшне, конечно, нет телефона и только одна электрическая лампочка, — сказала Мад. — Рядом гараж, где я держу машину. В конюшне хранится навоз, так что, если ваши солдаты собираются там ночевать, им нужно быть осторожней. Спать на нем не очень удобно.

Эмме представилось вдруг, как десятки американцев начнут ходить к ним с просьбой пустить их в ванную или умолять Дотти постирать им белье.

— Не беспокойтесь, мэм, благодарю вас, — сказал полковник Чизмен. — У нас есть соответствующее снаряжение.

— Понимаю, — повторила Мад.

— Я уверен, — продолжал полковник Чизмен, впервые попробовав изобразить улыбку, получившуюся более похожей на гримасу, — что, услышав о вашей неоценимой помощи, ваш друг адмирал Джолиф будет вам, так же как и я, премного благодарен.

— Полагаю, адмиралу Джолифу, так же как и мне, придется сделать то, что ему скажут.

С полковника слетела вся любезность. «Мад, конечно, допускает непоправимую ошибку, припирая его к стене, из этого ничего не выйдет, кроме неловкости, — подумала Эмма, — ведь все было так вежливо, дружелюбно, а теперь они реквизируют дом, а нас переселят в конюшню».

— Мэм, у нас общее дело, — ответил полковник Чизмен. — Наши войска действуют совместно с вашими — вы же слышали сообщение по телевидению. Как только отпадет необходимость обеспечивать вашу безопасность, безопасность ваших сограждан, чрезвычайное положение мгновенно будет снято. Не буду вас более задерживать. До свидания.

Он отдал честь, то же сделал его спутник, но, когда они отвернулись, Мад сделала ужасную вещь — она всегда так вела себя с продавцами, с любителями автографов, со всеми, кто ее раздражал: она говорила о них вслух что-нибудь унижительное, не отойдя еще достаточно далеко, чтобы ее не слышали.

— Индюк надутый, — сказала Мад чересчур громко и отчетливо. Эмма покраснела и скрылась в доме, а бабушка осталась стоять у входной двери, пока американцы не прошли через калитку. Потом она вернулась в дом.

— Позови Джо, милая, — сказала она Эмме, — пусть он выведет машину и поставит ее под окнами кухни.

Эмма позвала Джо, который без усталости колол дрова в подвале. Джо поднялся по лесенке, ведущей в холл, за ним показался Терри. Мад кратко

рассказала о происшедшем, и Джо мигом отправился выполнять ее поручение. Байронический Терри остался стоять, глаза его возбужденно блестели.

— А мне что делать? — спросил он. — Давайте я вывинчу пробки в конюшне и перекрою там подачу воды?

— Нет, — задумчиво произнесла Мад. — Они разберутся что к чему. К тому же у них полное самообеспечение. Однако послушай, что я тебе скажу. После того как Джо перегонит машину, иди к конюшне, дождись их прихода и, подключив весь свой шарм, скажи, что готов оказать любую помощь. Но не переигрывай. Спокойно так. Попробуй узнать, что у них творится.

— Хорошо.

Терри исчез так же быстро, как и Джо, а Мад пошла на кухню, Эмма за ней.

— Дотти?

— Да, Мадам.

Бывшая костюмерша Мад, которая только что закончила убирать посуду в моечную машину и уже накрыла стол для следующей трапезы, повернула к ним раскрасневшееся усталое лицо.

— Дело идет к тому, что американские солдаты раскинут лагерь в конюшне, — объявила Мад. — Их вертолет только что приземлился на выпасе.

— Боже мой, — сказала Дотти. — Как нам управиться со всеми? Их надо будет чаем напоить? А одеяла? Наших не хватит.

— Дотти, что ты несешь! У них все свое. Неприкосновенный запас, или что там такое есть у солдат, матрасы, полевые телефоны, радио, все что угодно...

Мад размахивала руками, пожимала плечами. Можно было подумать, что она в полном восторге от такой ситуации. Все мальчишки разошлись по своим комнатам — все, кроме чернокожего Бена, разыскивавшего какие-то крошки под кухонным столом.

— Слава тебе, Господи, — сказала Дотти. — Мы бы не смогли накормить толпу солдат. Из-за этого чрезвычайного положения булочник так и не заехал, а у нас кончился хлеб. Что давать ребятам на полдник, и не знаю.

— Дай им бисквит, — сказала Мад.

«Призрак Марии Антуанетты», — подумала Эмма.

— Вот что, Дотти, милая, — сказала Мад, — иди и отдохни, ты выглядишь измученной. День ужасно утомительный, и он еще не

закончился, дальше, может, будет еще хуже. Я спеку мальчикам кекс и напою их чаем. Найди мне миску, побольше муки, масла и сахара, вот и все, что нужно. А яйца, у нас остались яйца?

Дотти подняла брови, взглянула на Эмму, и Эмма пожала плечами. Дело в том, что кексы у Мад либо полностью удавались, либо не получались совершенно, обычно второе, и в случае неудачи результат, по словам Папы, напоминал расплавленный свинец. Один-другой успех вскружил ей голову, но чаще всем грозило несварение желудка, и на следующий день кексы приходилось отдавать на корм птицам.

— Давай, давай, — нетерпеливо сказала Мад, — начнем, пожалуй. Если получится хорошо, то можно поступиться принципами и пригласить этого полковника Чизринга, или как там его зовут, к чаю, если он еще здесь. Что-то я не заметила, чтобы вертолет поднялся и улетел.

«Если так, то полковника ждет печальная участь», — подумала внучка. Она выглянула в кухонное окно. Очарование Терри действовало. Он мило беседовало с полковником Чизменом и лейтенантом Шерменом. Похоже, что они обсуждали жителей дома, потому что офицеры взглянули на окна и полковник сказал своим командным голосом что-то вроде: «Не может быть! Лицо показалось мне знакомым, но ее одежда сбивает меня с толку». Это могло означать только то, что Терри проговорился о Мад. Эмма не могла решить, хорошо это или плохо. Наверное, хорошо. Американцы любят знаменитостей. Должно помочь и знакомство с адмиралом Джолифом. Похоже также, что полковник забыл о том, что его обозвали «надутым индюком», а если и помнил, то списал это на преклонный возраст Мад.

— Судя по всему, получилось удачно, — сказала Мад позднее, обозревая свое творение, которое, выложенное на блюдо, оказалось похожим на спущенный воздушный шар цвета хаки и источало запах подгорелого миндаля и какао-бобов.

— По крайней мере, он поднялся. Что не всегда бывает. Скажу американскому полковнику, что это из дрожжевого теста. Они ведь на нем помешаны. Терри уже пошел звать его к чаю.

Эмма отнесла серебряный поднос в музыкальную комнату. Мад всегда пользовалась серебряным подносом, когда, как выражалась Дотти, у них собиралось общество.

— Где эти мальчишки? — спросила бабушка, накрыв мятой кружевной скатертью шаткий карточный столик. — Позови их, милая, пожалуйста.

Пока появилась только Фолли, которая, тоже на шатких ногах, вышла из библиотеки. Она почуяла кекс Мад. С мудростью старой собаки она предвидела, что большую его часть общество отправит на пол. Не успела

Эмма собрать весь выводок, как со стороны лужайки донесся щелчок открывающейся калитки. Терри вел американских офицеров к парадной двери. Он распахнул перед ними дверь в музыкальную комнату, раскрасневшийся, исполненный чувства собственной значимости.

— Полковник Чизмен, Мадам, — объявил он, — зашел проститься перед вылетом.

Полковник, позади которого стоял лейтенант, уже не выглядел таким грозным. Его зубы обнажились в улыбке. Терри явно сделал свое дело.

— Не задержу вас надолго, мэм, — сказал полковник. — Хочу только поблагодарить вас за помощь. Этот ваш парнишка очень нам помог.

— Я рада, — ответила Мад, и Эмма заметила, что она заговорила наигранным голосом — тем, которым она отвечает на телефонные звонки. — Выпейте перед отлетом чашку чая и попробуйте кусочек домашнего кекса.

Она любезно улыбнулась, жестом приглашая сестр в кресла, стоящие у столика.

— Что ж, мэм, просто невозможно вам отказать, — сказал полковник Чизмен, — думаю, мы сможем уделить пять минут на то, чтобы попробовать кекс.

Терри бросил быстрый взгляд на лежащий на столе воздушный шар и выскочил из комнаты.

— Куда же убежал парнишка? — воскликнул полковник. — Я не успел поблагодарить его.

— Не беспокойтесь, — сказала Мад, — он вернется. Наверное, пошел позвать к чаю всех остальных. Знаете, у нас довольно много домочадцев.

— Да, да, слышаны об этом, — полковник лукаво покачал головой, глядя на хозяйку. — Несколько минут назад, будучи во дворе конюшни, я сказал лейтенанту Шермену, что полученное нами задание, слава Богу, пойдет на пользу и британцам, и американцам, и это вдвойне приятно мне лично теперь, когда я знаю, кто владелица этого дома.

Он замолчал, вероятно ожидая, что Мад хотя бы кивнет ему. Ее в этот момент занимало только то, как отрезать кусочек кекса для своего поклонника.

— Да что ж такое, — сказала она, нахмурившись, — должно быть, нож тупой.

— Не знаю, как вы расцените это, — продолжал полковник, — но одно из самых ярких моих детских воспоминаний — это ваши ураганом пронесшиеся гастроли в Штатах. Они произвели на меня глубочайшее впечатление.

Эмма наблюдала, как попытки разрезать кекс наконец увенчались успехом. Кусок кекса, подобно фунту плоти для Шейлока, упал на тарелку. В то же время Эмма пыталась понять, что имеет в виду полковник, называя гастроли «пронесшимся ураганом». Ее бабушка бывала в Америке несколько раз, но, насколько Эмме известно, спектакли проходили только в Нью-Йорке.

— Это очень приятно, — сказала Мад, передавая тарелку своей жертве. Фолли подползла поближе к ногам полковника. — А какая была пьеса, не помните? Не одна ли из написанных моим покойным мужем?

— Нет, мэм, — ответил полковник Чизмен. — Я видел пьесу, написанную более чем три столетия назад Вильямом Шекспиром. Никогда не забуду ваше первое появление на сцене в качестве леди Макбет.

Боже, подумала Эмма, он попался, целиком и полностью. Мад никогда не была шекспировской актрисой и уж совершенно точно не играла леди Макбет ни у себя на родине, ни в США, хотя дома, для увеселения мальчишек, она частенько пародировала игру своих современниц в его пьесах. Эмма наблюдала за бабушкой, ожидая острого выпада. Но нет, Мад улыбнулась. Действительно искренне улыбнулась, непринужденно, словно приветствуя весь мир, а не только полковника.

— В таком случае это наше общее воспоминание, полковник Чизринг, — сказала она. — Я тоже никогда не забуду его. Попробуйте моего кекса.

Идиллия длилась недолго, потому что чаепитие нарушил поток ошеломляющих событий. Полковник предпринял две попытки вгрызться в выпеченный воздушный шар, а во время третьей у него изо рта выпал неизмельченный миндаль, и к нему на шатких ногах потянулась Фолли. Вдруг дверь распахнулась, и в комнате вновь появился Терри.

— Дотти только что сказала мне, что по радио сообщили: премьер-министр выступает по телевидению. Сейчас уже середина речи.

Все вскочили. Мад отошла от чайного столика.

— Пойдемте в библиотеку, — скомандовала она. — Все, все. Терри, беги включи телевизор.

Они собрались у телевизора, и, пока не появилась картинка, полковник вполголоса прошептал хозяйке:

— Если он скажет то, что я предполагаю, то это великий день для наших стран.

В этот момент, будто в ответ полковнику Чизмену, каскадом хлынула речь премьер-министра:

— ...у нас нет альтернативы, и мы и не просим альтернативы

предложенному нам союзу; именно он, принятый нами с радостью и благодарностью, принесет новые силы, новые надежды, новую уверенность в будущем не только для наших двух народов, но и для всего свободного человечества.

На экране появилось его лицо и плечи, а в голосе зазвучали торжественные нотки:

— Вы спросите, почему же мы молчали до сих пор, почему не ввели вас в курс дела за несколько дней, даже недель, до событий? Друзья, мы переживаем тревожные времена. Разрыв сотрудничества с Европейским сообществом, наш выход из него, не по нашей вине, привел к большим экономическим затруднениям, чего я в свое время боялся и о чем предупреждал; в опасности находится и наша политическая автономия, и наше военное превосходство.

Теперь, благодаря нашим старинным союзникам и новым партнерам, нам не угрожает ничего. Великому союзу Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, с этих пор называемому СШСК, бояться некого. У нас все общее. Мы великая и единая нация. С гордостью сообщу, что Ее Величество королева находится сейчас на пути в Вашингтон, где будет пребывать с президентом США в Белом доме, не только как гость, но и как сопresident СШСК. Президент, в свою очередь, будет иметь удовольствие в течение некоторого времени управлять из Букингемского дворца.

Почему же, спросите вы опять, народ великой страны не был извещен о таких серьезных переменах? Потому что, — его голос снова понизился, — это было необходимо для успеха нашего замысла. Ни одно слово об этом проекте не должно было распространиться, пока союз не начал действовать. Каждый лояльный гражданин приветствует такое сотрудничество как одно из самых значительных достижений во всей нашей истории. Но за последние несколько месяцев незначительному меньшинству — поддерживаемому влиятельными группировками из-за рубежа, чьи интересы противоположны нашим, — удалось создать серьезные помехи экономической стабильности и мирному ритму нашей повседневной жизни. Причиненный ущерб непропорционален незначительному количеству участвовавших, а их коварство заключается в том, что только немногие благонадежные граждане поняли, к каким бедствиям приведут страну такие действия. Мы не могли пойти на риск и позволить ничтожной кучке недовольных подвергнуть опасности великое начинание. Вот почему, проснувшись сегодняшним утром, вы увидели в Великобритании наших новых союзников. Прошу вас при встрече с

нашими военными, равно как и с американскими, действующими совместно или раздельно, оказывать им полное содействие. Более того, покажите им и нашу дружбу. Граждане СШСК! Да здравствует президент США, да здравствует королева, да здравствует наш великий и славный народ и наше общее наследие!

Голос премьер-министра поднялся на высокую ноту, он откинул голову, расправил плечи, и, когда его изображение растаяло, под аккомпанемент слитных воедино национальных гимнов появилось изображение двух флагов: «Юнион Джек» и «Звезды и полосы».

Тишина в библиотеке была полнейшая. Офицеры стояли по стойке «смирно», точнее, старались это делать, потому что оба они держали в руках, будто во время сбора денег на церковной службе, тарелки с несъеденными кусками кекса. Эмма не знала, плакать ей или смеяться, и, чтобы сориентироваться, посмотрела на бабушку. Пожалуй, впервые это не помогло. Лицо Мад было абсолютно бесстрастно. Она продолжала смотреть на экран телевизора, хотя изображение давно погасло и музыка затихла.

Напряжение снял возбужденный детский смех, донесшийся из холла. В комнату вбежал Колин, таща за руку Бена, ангельское личико которого сияло, а глаза сверкали как звезды.

— Бен заговорил! — закричал он. — Бен заговорил! Он услышал по телику гимны и сказал свое первое слово!

Мад раскрыла руки для объятия, но на этот раз дети не ответили на это приглашение.

— Я его научил, — объявил Колин. — Моя школа. Эмма повернулась к американцам.

— Ему три года, — торопливо объяснила она. — Мы боялись, что он так и не научится говорить, хотя он все понимает.

Полковник Чизмен улыбнулся:

— Похоже, что сегодняшние события вдвойне исторические, и я горд, что присутствую при этом. Подойди ко мне, приятель, покажи нам, что ты умеешь.

Бен скосил глаза на Колина, и тот кивнул. Бен вытер губы тыльной стороной ладони и медленно подошел к полковнику.

— Г... — начал он, — г... — Затем замолчал, как бы собираясь с силами.

— Давай, сынок, не бойся, — сказал полковник Чизмен. — Это самый прекрасный момент в твоей жизни, а может, и в нашей тоже.

— Говно! — сказал Бен.

Чрезвычайное положение официально действовало все долгие выходные: от четверга до вторника следующей недели. Иных объяснений, кроме тех, что упоминал премьер-министр: «ничтожная кучка недовольных» создала «серьезные помехи для нашей экономической стабильности», — не давалось. Эмма не могла не почувствовать, что это мрачное заявление звучит весьма расплывчато. Может быть, имелись в виду демонстрации на Трафальгарской площади или у парламента, но ведь никаких демонстраций не было уже много месяцев: после того как на референдуме об отделении от Европы подавляющее большинство проголосовало за нынешнее коалиционное правительство, вряд ли кто-то пойдет на демонстрацию — никто не захочет выглядеть двуличным. По-прежнему остро стояла проблема безработицы, цены росли непрерывно, но ведь и это уже привычно. Значит, союз с США все изменит и все будут счастливы? Если так, кто же эта «кучка недовольных» и зачем они будут этому мешать? Очень непонятно. Обсуждать ситуацию с Мад бесполезно, она не хочет об этом говорить.

— Я воздерживаюсь от комментариев, — сказала она ледяным тоном, — пока не окончится чрезвычайное положение.

Это означает, решила Эмма, что она все это осуждает. Считает, что это обман. Да, может быть, она и права. Но какой же это обман, если в конюшне живут морские пехотинцы, на дороге баррикады и не работает телефон? Остается только сидеть приклеенным к телевизору и ждать, что покажут что-нибудь кроме старых английских и американских фильмов. Конечно, были короткие выпуски новостей. Президент встречает королеву в Белом доме, старшая принцесса что-то там такое делает с девочками-скаутами в Австралии, принц Уэльский командует эсминцем в Индийском океане, герцог Йоркский временно откомандирован из своей части в конную полицию Канады, а принц Эдуард — на альпинистском маршруте в Шотландии.

Техникум Терри тоже закрылся на каникулы, и парень проводил время, шпионя за морскими пехотинцами на конюшне. Он пришел к мрачному заключению, что большую часть времени они слушают поп-музыку по радио на коротких волнах.

— Они сообщили мистеру Трембату о бедном Спрае, — рассказал он Эмме. — Тот, что приходил к нам пить чай, командир части, послал на

ферму капрала. Капрала Вэгга.

— А ты откуда знаешь? — спросила Эмма.

— Сам капрал мне и рассказал, когда приходил вернуть ведро.

Так что хождение — *было*, несмотря на запрет Мад. Еще немного, подумала Эмма, и они начнут наведываться по черной лестнице за чашкой чая.

— Капрал сказал, что на ферме его встретили приветливо, — продолжал Терри, — пригласили зайти. Еще он сказал, что если в Корнуолле все девчонки такие заводные, как Миртл, то он, после того как кончится эта заваруха, не тронется с места и пошлет к черту морскую пехоту.

— Вот болтун, — засмеялась Эмма, — а ты ему поверил?

— Кто его знает. Ну уж Миртл-то я знаю. Ей только подмигни, и она уже готова.

Помрачнев, он отправился в сад рубить сухие деревья. Мад поручила это им с Джо, чтобы «они были при деле». Сама же Мад или наблюдала за своими лесорубами, или уходила в подвал, где она с Энди и Сэмом создала некую ассоциацию, занимавшуюся очисткой и заточкой старых стрел и перетягиванием тетивы на луках.

— Но, милая, — попыталась урезонить ее Эмма, когда мальчишки убежали за новой партией наждачной бумаги, — зачем ты поощряешь их в таком опасном деле?

— А почему бы и нет? — спросила бабушка, оторвавшись от работы (оружие в ее руках, пожалуй, погрозней, чем копыта пигмеев). — Из Энди выйдет первоклассный стрелок. Интересно, где старая соломенная мишень, что когда-то здесь лежала. Держу пари, он будет попадать в самое яблочко.

Энди, с еще более, чем обычно, растрепанной шевелюрой, прибежал обратно и улыбнулся, услышав слова Мад.

— Я еще и не такое могу. Могу попасть в апельсин на шесте с расстояния пятидесяти ярдов. Честно, я уже пробовал оттуда, с моего поста на трубе.

— Это, конечно, хорошо, — сказала Мад, — но не трать зря стрелы.

Боже мой, подумала Эмма, с таким же успехом можно просить... Стоя на берегу, просить прилив умерить свой сердитый бег...^[3] Точно ли она помнит цитату? Тем не менее и так все понятно. Бабушка нестигаема. Эмма услышала на кухне голоса и поднялась туда, к большому своему изумлению застав Дотти за беседой с лейтенантом Шерменом. Эмма почувствовала, как щеки ее покраснели, и очень на себя из-за этого разозлилась.

— День добрый, — сказал лейтенант, улыбаясь.

— День добрый, — ответила Эмма. Она никогда так не говорила и почувствовала себя полной дурой.

— Лейтенант пришел сообщить нам, что завтра чрезвычайное положение будет снято, — сказала Дотти, — и мы снова сможем ходить куда захотим. Это очень здорово, правда, Эмма?

— Да, правда, — сказала Эмма. — Значит, и телефон заработает? А мальчишки смогут ходить в школу?

Лейтенант Шермен потрогал подбородок.

— Ну, на ваш первый вопрос отвечу «да»: телефон должен нормально работать с шести утра завтрашнего дня. А второй вопрос... Боюсь, я не имею информации. Но мне кажется, что школы будут закрыты до следующей недели.

— Как плохо. Если бы вы знали, как тяжело придумывать для них развлечения.

Лейтенант Шермен снова улыбнулся.

— Думаете? — спросил он. — Я бы не сказал. По-моему, так они находят себе массу занятий.

Он подмигнул, и, как подумала Эмма, это получилось весьма забавно — хотя она искренне надеялась, что лейтенант подразумевал Джо и Терри в кустарнике, а не Энди с луком и стрелами на крыше. А у него есть чувство юмора, хотя тогда, когда Бен произнес свое первое слово, это не было слишком заметно, — кстати, Бен с тех пор больше не говорил, — но тогда присутствовал его начальник, и все были под впечатлением от заявления премьер-министра и этого ужасного кекса Мад. Эмме захотелось пригласить его прийти попозже и чего-нибудь выпить, но Мад бы это не понравилось, либо она стала бы угощать его сама и захватила бы нить разговора в свои руки.

— Заходите к нам еще, — непринужденно попросила Эмма.

— Надеюсь, что смогу, — ответил он. — Кстати, меня зовут Уоллес Шермен, а друзья называют меня Уолли. Передайте мои наилучшие пожелания вашей бабушке. Надеюсь, что она все-таки смогла за эти дни отдохнуть и мы ее не сильно побеспокоили.

Побеспокоили, ха-ха... Она сейчас в подвале затачивает стрелы. Эмма с сожалением наблюдала, как лейтенант ушел к конюшне, единственное, что ее несколько озадачило, — это имя Уолли^[4]. Даже трудно представить, что она говорит Мад: «Я сегодня иду гулять с Уолли...»

Вопрос о приглашении лейтенанта Шермена в дом или совместного вкушения армейских НЗ в конюшне отпал сам собой, потому что вечером

между конюшней и шоссе начали сновать машины. Появилась парочка джипов, и морские пехотинцы стали сворачивать оборудование, явно готовясь к переезду.

— Вот и хорошо, — сказал Терри, вглядываясь из окна кухни в наступающие сумерки. — Нечего им здесь болтаться.

— Далеко они не уедут, — тихо сказал Джо. — Только спустятся с холма. Капрал Вэгг сказал, что в этом районе две десантные части и они будут контролировать побережье Полдри и доки. Берег будет огорожен, а жить они будут в реквизированных пляжных домиках и автоприцепах.

— Какого черта? — взорвался Терри. — Ваш лейтенант Шермен сказал, что завтра чрезвычайное положение заканчивается.

— Откуда я знаю, — ответил Джо. — Капрал мне не сказал, да он и сам не в курсе, как пить дать.

— Это коммунисты виноваты, вот увидите, — сказала Дотти. — Их сбросят с русских аэропланов переодетыми в монахинь, как в прошлую войну.

— Я знаю, что сделают коммунисты, — сказал Колин, внезапно появляясь из игровой комнаты, где, судя по обнаруженному позже состоянию обоев, он учил Бена писать. — Они подплывут к Полдри, переодевшись русалками, а к хвостам привяжут ракеты с динамитом. Будь я коммунистом, я бы точно так и сделал.

Бен, как всегда ухватившись за руку Колина, в знак согласия яростно закивал головой и, чтобы убедить в серьезности своих намерений, сложил губы, намереваясь произнести ожидаемое всеми с ужасом «г...». Эмма успела выскочить из кухни, услышав позади гневный крик Дотти и громкий смех Терри!

Вечером, когда они с бабушкой уже подумывали лечь спать, вдруг зазвонил телефон.

— Я подойду, — быстро сказала Эмма.

— Может, звонят из конюшни, они, наверное, провели связь к нашему дому.

Так как больше думать было не о чем, мысли Эммы были заняты лейтенантом. Она бросилась в холл, где стоял телефонный аппарат. Звонил не лейтенант, а Папа.

— А, это ты! — воскликнула Эмма, не зная, радоваться или огорчаться. — А нам сказали, что телефон заработает только утром.

— У меня приоритет, — сказал Папа, — так что никаких проблем.

Это, конечно, похоже на него. Он любил чувствовать себя очень значительным.

— Ну, — спросил он, — как вы перенесли этот кризис? У нас здесь, скажу тебе, все бурлит.

— Охотно верю, — отвечала дочь. — Здесь тоже все бурлит. Над головой режут вертолеты, кругом американцы — даже у нас в конюшне, но оттуда они завтра уедут. Ходят слухи, что они заняли весь пляж у Полдри и доки.

— Правильно, правильно. При нынешних обстоятельствах это очень правильный шаг, никто не хочет, чтобы какая-то горстка хулиганов беспокоила всю страну. Хотя они, конечно, ничего не добьются. А новости-то какие хорошие!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Эмма.

— Как? То, что две страны объединились. Давно надо было так сделать. Многие из нас выступали за это еще с тех пор, как мы оплошали с Европейским сообществом. Сейчас надо всем приложить усилия, чтобы союз получился. Конечно, будут и такие, которым это не понравится, но, если они будут вредить, мы найдем способ заткнуть им рот. Скажи мне, Эмма, Мад ведет себя хорошо?

— Более или менее, — осторожно ответила Эмма. — То есть ничего ужасного она не делает. В самый первый день мы все страшно расстроились, потому что один из солдат застрелил Спрая, собаку мистера Трэмбата, она была не на привязи.

— Что ж, если это единственная неприятность, то считай, что вам повезло. Эти парни могут пострелять просто ради удовольствия, сама понимаешь, так что лучше им под руку не попадаться, когда они при исполнении служебных обязанностей. Надеюсь, ты следишь за своими разбойниками?

— Да, они ведут себя отлично.

— Так, если на меня не очень сильно будут давить, то, может быть, улучу денек и навещу вас, не знаю только когда.

Эмма представила себе, что это за давление: потоки денег, циркулирующие по артериям Английского банка, и Папа, держащий руку на его пульсе. В холл вошла бабушка.

— Вик? — сказала она, выхватив у Эммы трубку. Мать и сын заговорили одновременно, не слушая друг друга, оба убеждали, яростно спорили — так случалось во время каждого их разговора по телефону.

— Я тебе никогда этого не прощу, — говорила Мад. — Ты же знал обо всем, как и Джимми Джолиф. Кто-то из вас обязан был меня предупредить, ведь мы не были бы застигнуты врасплох. Чепуха, ты же меня знаешь, я не стала бы кричать об этом с колокольни или рассказывать в Полдри каждому

встречному. Что? Ничего не слышу, что ты говоришь. Нет, премьер-министр выглядел мрачно, но он всегда такой. А кто все эти люди, что будут чинить препятствия? Скажу честно, я буду в их первых рядах.

Так они сражались, выпад — защита, будто на ринге. Но время летело, и пять минут Папиного приоритета, очевидно, истекли, потому что Мад, швырнув трубку, отправилась в спальню.

— Вик слова сказать не дает, — бросила она на ходу, не понимая, что и она делает абсолютно то же самое. — Не могу понять, от кого у него такое, только не от меня, а его отец был всегда краток и говорил по существу. А Вик несет полную чушь. И это дурацкое название СШСК, над нами сейчас весь мир смеется. Правда, над нами смеются уже давно. Эм, если завтра уберут эти заграждения с дорог, то мы с тобой поедem по магазинам. Мне хочется узнать, что говорят обо всем этом люди.

На следующее утро, часов около десяти, Эмма подогнала машину к воротам и, к своему отчаянию, обнаружила, что бабушку окружили Энди, Колин и Бен.

— Они тоже поедут?

— Почему бы и нет?

Мад, в боевом наряде, в синем с ног до головы, вылитый Мао Цзэдун, велела мальчишкам залезать на заднее сиденье.

— Вижу, морская пехота нас покинула, — заметила она, поглядев на конюшню. — И то слава Богу. Надеюсь, навоз они не прихватили с собой.

Она уселась на водительское сиденье, и Эмме пришлось занять привычное место рядом. Обычно, сев за руль, Мад первым делом резко включала задний ход, мальчишки к этому привыкли и всегда готовились к рывку.

— У меня такое ощущение, что мы просидели взаперти многие месяцы, — объявила Мад, когда они вывернули с холма на шоссе. Поворот был исполнен как на соревнованиях по бобслею в Сен-Морице.

— Слава Богу, дорога свободна и мы поедem спокойно.

Со свободной дорогой их бобслейной команде повезло только до подножия холма, после чего Мад, с редким присутствием духа, затормозила у самого шлагбаума, перегораживающего дальнейший путь. У дороги была сооружена будка, около которой стоял постовой.

— Пожалуйста, покажите ваш пропуск, мэм, — сказал он.

— Какой еще пропуск? — гневно спросила Мад. — Меня здесь все знают. Пропуск мне не нужен.

Солдат, не из тех, кто жил в их конюшне, но тоже американец, принял извиняющийся вид.

— Извините, мэм, это правило, которое вступило в силу сегодня утром. Вы откуда?

— Я живу в трех минутах езды отсюда, на холме, мой дом называется Треванал. Ваши люди были расквартированы у меня на конюшне в течение пяти дней.

Постовой удивленно уставился на нее.

— Простите, мэм. Я же был там вчера, помогал упаковывать аппаратуру. Я не знал, что вы хозяйка того дома. Я выпишу вам пропуск.

Он скрылся в будке и появился обратно, неся желтую наклейку и два листка.

— Профилактические меры, мэм. Выдаются всем местным жителям. Это для машины. Наклею вам на ветровое стекло. Вот пропуска вам и вашей спутнице.

— А нам? — спросил Энди. Солдат улыбнулся и покачал головой:

— Сынок, тем, кому нет восемнадцати, пропуска не дают. Но если вы в сопровождении взрослых, то все в порядке. Спасибо, мэм.

Он поднял шлагбаум, и, первый раз на памяти Эммы, Мад включила нужную передачу и нажала на газ, чуть не наехав на солдата. Тот быстро скрылся в будке.

— Никогда в жизни не слышала такой нелепицы, — взорвалась Мад. — Кто они такие, чтобы распоряжаться, как нам ездить по нашему собственному шоссе.

— Смотрите, — возбужденно сказал Колин, показывая на пляж, — там тоже шлагбаум, и проволока вокруг, и полно солдат.

Он был прав. Пляж Полдри, любимое место туристов летом и убежище для местных жителей зимой, где они выгуливали собак, за эти выходные превратился в военный лагерь, везде виднелись таблички: «Морская пехота США. Вход воспрещен».

Мад остановила машину у входа в супермаркет Полдри. Она вышла из машины и скрылась во вращающихся дверях, Эмма и мальчишки последовали за ней. В супермаркете было полно народа, стоял оглушительный шум и грохот, будто в птичьем вольере в зоопарке. Разумеется, что, как и в дни любого кризиса, все жаждали поделиться впечатлениями о пережитом.

— Только мы сели пить чай и я сказал отцу...

— Спала? Я не могла глаз сомкнуть. А какой стоял рев...

— Как в годы войны. Так я сказала Джиму, глядя на всю эту ораву, и, говорят, они здесь надолго. Джим говорит, что если они уедут, то всякое может случиться. Джим говорит...

Мад шла, кидая в корзинку покупку за покупкой, пока не увидела продавца, нарезавшего ветчину, — а она всегда говорила, что в тяжелое время можно прожить на холодной ветчине. Она окинула его холодным взглядом. Он был не местный, приехал из Бристоля, когда открыли супермаркет.

— Что вы скажете о вторжении? — спросила она.

— Вторжении? — переспросил продавец, затем улыбнулся. — Ну, я бы так не сказал. И жене говорю, что они спасут нашу страну. Давно надо было это сделать, месяцами, даже годами раньше.

— Да? — спросила Мад. — Почему?

— Ну... — он помедлил с ответом, нарезая ветчину. — Ведь это и есть смысл? Они такие же люди, как мы. Мы все говорим по-английски. Вот и отлично, если все англоязычные страны будут вместе. Америка, Австралия, Южная Африка, мы... Тогда иностранцы не смогут нами помыкать.

— А сейчас нами, что, не помыкают? Вот выдали мне пропуск, когда я ехала в Полдри. И никто не может ездить без пропуска.

— Безопасность, — сказал продавец-бристолец и, оглянувшись, понизил голос до шепота: — Вы не поверите, что творится. К нам ведь не только с континента проникают вредители, а еще и здесь обычные люди, как я, как вы, поджидают своего часа, чтобы помешать коалиционному правительству или навредить американцам. Мы все должны быть начеку.

— Да, — сказала Мад, — мне кажется, это так.

Эмма, все время внимательно наблюдавшая за мальчишками, чтобы они не положили что-нибудь вместо корзины в карман, последовала за бабушкой к выходу. Мад выглядела довольно мрачной.

— Куда теперь? — спросила Эмма.

— Хочу переговорить с Томом, — сказала Мад. Том торговал рыбой и ловил ее в водах Полдри уже лет пятьдесят.

— Ну что, Том? — Глаза Мад на сей раз не были так холодны. Она любила Тома. — Как тебе нравится жить в засаде?

— Нисколько не нравится, — последовал ответ седовласого шкипера с «Мегги Мэй». — Всю страну они нам перевернули. Больше того, думают хозяйничать над нами. Я им не помощник. И чего им надо в бухте — пескороек, что ли, копают?

Мад улыбнулась:

— Мы это делали с полвека тому назад. Называлось «показывать флаг». Производит впечатление на местное население.

Том покачал головой:

— Может, это подействует на кого-нибудь. Только не на меня. Я

прожил слишком долгую жизнь. — Он взглянул на свой неказистый товар, разложенный на прилавке. — Да, милая, привлечь вас и нечем. Поймана в среду и с тех пор пролежала в морозилке. Потеряли задор эти рыбы, будто деятели с Уайтхолла. А вы идете на собрание?

— Какое собрание?

— По городу развешаны объявления. В семь часов собрание в городской ратуше. На вопросы публики отвечает наш депутат парламента и этот янки-полковник, что здесь главный.

— Ага! — сказала Мад и повернулась к внучке. — У меня большое желание туда пойти.

Сердце у Эммы упало. Она точно знала, что произойдет. Все время, пока будут задавать вопросы, Мад шепотом, или не совсем шепотом, будет их комментировать. Ну а депутат парламента от этого округа действовал на нее, как красная тряпка на быка. Во-первых, это была женщина, кроме того, несколько лет тому назад, перед выборами, она заезжала в Треванал в полной уверенности, что Мад поддержит партию щедрым пожертвованием. Она благополучно прошла на выборах, но убедить Мад прийти на избирательный участок ей не удалось.

— Еще два места, — сказал председатель Мао своим спутникам. — Почта и «Приют моряка».

Перед почтой выстроилась очередь, почти такая же, как в супермаркет, но Мад очередей не пугалась. Она говорила, что в них рождается чувство солидарности. Еще она обожала получать пенсию. «Я чувствую себя богатой», — говорила она Эмме, а деньги держала в свинье-копилке, по субботам выдавая оттуда мальчишкам на мелкие расходы.

На почте тоже выявились разные мнения о происшедших за выходные событиях. Некоторые стоявшие в очереди, как и продавец ветчины из супермаркета, считали, что это к лучшему, другие с сомнением качали головами. Районная фельдшерица, свояченица мистера Трембата, соседа Мад, примкнула к сомневающимся. Более того, она была весьма недовольна.

— Они отключили мне телефон, — сказала она Мад, — а миссис Эллис должна была родить, и когда я в субботу ночью пошла через долину навестить ее, меня не пропустили. Сегодня утром извинялись, конечно. Дали пропуск. Хорошо, она еще не родила, ну а если...

— Ребенок мог родиться о двух головах, — сказал Колин, имевший привычку влезать в разговоры взрослых.

— А вы говорили с мужем вашей сестры? — спросила Мад, проигнорировав Колина.

— Да, — кивнула фельдшер и понизила голос: — Они так горюют о бедном Спрае.

— Знаю. Мы тоже.

Получив свое богатство, Мад вышла с почты, и они поехали в «Приют моряка». Этот паб построили около ста лет тому назад для моряков, докеров, добытчиков глины, ну а теперь он превратился в модное заведение для богатых, подъезжавших по вечерам поменяться женами. С тех пор как смягчились правила торговли спиртным, дела хозяина, мистера Либби, пошли в гору; когда они подъехали к пабу, чтобы пополнить свои запасы сидра, Мад заметила, что было бы интересно разузнать мнение мистера Либби, потому что заведение его стоит у самого берега. В пабе уже было полно американских морских пехотинцев, которые, как один, повернулись и уставились на Эмму, так что она не пожалела, что бабушка осталась сидеть в машине. Стоявший за стойкой хозяин, судя по всему, пребывал в хорошем настроении.

— За сидром приехала, милая? — спросил он. — Извини, придется чуть подождать, я очень занят. Пришлите ко мне Джо попозже.

— Нам нужно сейчас, — твердо произнесла Эмма и повернулась на каблуках.

Она с трудом узнала собственный голос. Говорила в точности как Мад. Когда она выходила, один из американцев присвистнул. Через некоторое время появился мистер Либби с ящиком сидра. Мад высунула голову в окно автомобиля.

— Дела идут? — спросила она.

— Это точно, — подмигнул он. — Пока эти парни здесь толкуются, торговля идет бешено, лучше, чем когда-либо с туристами. Хорошо бы они остались тут навсегда.

Он погрузил ящик в багажник и помахал рукой.

— Хм, — сказала Мад, разворачивая машину по направлению к холму. — Полностью на нашей стороне двое: добрый старый Том Бейт и районная фельдшерица.

— На нашей стороне? — спросила Эмма.

— О, ведь это абсолютно очевидно. Скоро все поделится на «наших» и «ненаших».

Здание ратуши было набито народом. Табличка у входа извещала, что на собрание допускаются только домовладельцы, — сия дальновидная мера позволила организаторам исключить присутствие всех, кто мог бы учинить скандал, и, конечно же, людей младших возрастных групп, которые с мрачным видом поворачивали назад. Мгновенно оценив происходящее, Мад оперлась на руку Эммы и двинулась, прихрамывая.

— Мне семьдесят девять, — объяснила она не узнавшему ее контролеру — похоже, одному из прихлебателей депутата парламента из Труро. — Я не могу обойтись без помощи внучки.

Контролер уважительно отступил, пропуская их в зал, и Мад, с каждым шагом хромя все меньше и меньше, двинулась к центральному проходу, где мелькнули знакомые лица мистера и миссис Трембат. Вот Мад уже окликнула фермера.

— Давайте сядем рядом. Мне нужно с вами поговорить, — сказала она.

Джек Трембат, крупный плечистый мужчина, в молодые годы занимался борьбой и выступал за команду Корнуолла против Бретани. Ему еще нет пятидесяти, и он и сейчас еще любого молодого положит на лопатки. Они сели вчетвером в центре зала. Эмма по одну сторону от Мад, фермер — по другую.

— Что ж они нам скажут? — прошептала Мад так громко, что люди начали оборачиваться.

— Да знаю я, что они скажут, — ответил Джек Трембат, — ведите себя, мол, прилично, делайте, что вам говорят.

— Иначе? — подсказала Мад.

— Иначе, — повторил он, на секунду задумался, затем прошептал ей на ухо: — Знаете, что застрелили беднягу Спрая?

— Я видела собственными глазами. Хочу вам сказать, мистер, он умер мгновенно. Я похоронила его сразу за живой изгородью.

Он внимательно посмотрел на Мад.

— Жаль, я не знал об этом, а то бы не пришлось вам браться за такую работу. Ну ничего, долг платежом красен, я этого не забуду. Думаю я, что впереди еще много неприятностей. Вообще они так быстро все провернули, что, мне кажется, не к добру это, хотя, может, я и не прав, дай-то Бог.

— Мне тоже это все не нравится, — ответила Мад и ущипнула Эмму

за локоть. — Итого, нас трое, кто так думает — вы, ваша свояченица и Том Бейт.

Джек улыбнулся:

— А, Том. Вот человек, которого хорошо иметь рядом в заварухе. Здоров старик.

Гул голосов стих. На трибуну выходили докладчики. Эмма подумала, что, может быть, следует подняться, как в церкви, но никто не встал, что было к лучшему, потому что Мад в последнюю минуту перед отъездом уступила уговорам и надела под легкое твидовое пальто платье, но почему-то нашла более удобным надеть его задом наперед, ну а молния при выходе из машины сломалась, открыв взорам старую майку Терри. Уж депутатша, конечно, не вырядилась в обноски. Миссис Хонор Морхаус была привлекательной женщиной и знала об этом. Она появилась в сопровождении полковника Чизмена, подтянутого и элегантного в военной форме, и еще одной женщины, которую ни Эмма, ни ее бабушка никогда раньше не видели.

Заседание открыл сам командующий морской пехотой.

— Дорогие друзья, все и каждый из вас в отдельности, — начал он. — Я поднялся на трибуну не затем, чтобы задержать вас дольше, чем необходимо. — (Эмма заметила, что он все время старается никого не задерживать, — то же самое он говорил Мад, когда прилетел на вертолете.) — Я пришел сказать вам спасибо за выдержку и сотрудничество, продемонстрированные в течение этих шести дней. Вам было нелегко, мы понимали это заранее, но мы должны были выполнить наше дело и, благодаря вашей помощи, довели это дело до конца. Да, мы еще пробудем здесь некоторое время — из соображений безопасности это необходимо; но я знаю, что это время мы с вами проведем прекрасно. К моему стыду, я только сегодня узнал девиз Корнуолла: «Все, как один». Скажу вам, что это один из самых прекрасных девизов, которые я когда-либо слышал, и он отлично подходит к нам всем сейчас, здесь, в этом прекрасном уголке западной Англии. Друзья, думаю, что эта очаровательная леди не нуждается в представлении. Ваш депутат, миссис Хонор Морхаус!

Галантный командующий морской пехотой отступил в сторону, и вперед шагнула депутат парламента. В руке она сжимала пачку бумаг, но не заглядывала в них. Без сомнения, она хорошо подготовилась, ведь в свое время именно эта уверенная манера и удачное использование статистики помогли ей завоевать место в парламенте.

— Уважаемые дамы и господа, земляки-корнуолльцы! Мы живем в волнующее время...

— Боже! — зашептала Мад своим соседям. — Я наперед знаю каждую фразу, что она скажет.

Почетный депутат от Среднекорнуолльского округа описала события прошедших выходных и развила тему о необходимости ввода американских войск и образования союза двух государств. Конечно, все уже слышали это от премьер-министра по радио и телевидению, но, вероятно, потому, что говорила женщина, свой депутат в родной ратуше Полдри, слова звучали более доверительно, будто СШСК созданы специально на благо местного населения. В конце концов, Лондон далеко, путь туда не близок, даже при современных автострадах, и никому на самом деле нет дела до того, что происходит на севере, востоке или в соседнем графстве, — важно только, чтобы люди оттуда продолжали ездить на запад в отпуск. Теперь, когда пляжи огорожены, на главной дороге шлагбаумы, они чувствовали себя в центре внимания. В ее изложении события выглядели ново, сенсационно, придавали им важность. Во время речи миссис Морхаус мужчины расправили плечи, женщины, подняв головы, гадали, где это она купила такой модный светло-зеленый костюм джерси, и — пока депутат говорила — отточенные фразы так и слетали с ее языка — об апатии, в которую погрузилась страна, о бесхребетности молодежи, вялости среднего поколения, о плачевном положении стариков — о том, что все это можно изменить, втянуть людей в водоворот новой жизни, при новом союзе с «нашими братьями за Атлантическим океаном» (Эмме это напомнило фразу из Библии, кажется — из посланий святого апостола Павла: «и изменились мы в мгновение ока»^[5]1); восторженные крики то и дело раздавались в зале, а молодая женщина, сидевшая впереди Эммы, заплакала.

— Подожди минутку, — шепнула Мад. — Сейчас она начнет об англоязычных народах, о врагах в наших рядах, которые разрушают вековые традиции, чувства и все прочее, за что боролись наши предки, отцы-пилигримы, отплывавшие на крохотном «Мейфлауэре»^[6]2 .

Эмма подождала, — и точно, она начала. Даже про «отцов-пилигримов».

— Итак, — продолжала миссис Морхаус, повышая голос ближе к заключению речи, — перед тем как представить вам нашего доброго друга Марту Хаббард — вот она, рядом со мной на трибуне, — специально прилетевшую из Новой Англии, чтобы поговорить с вами, — хочу снова напомнить о том, что сказал премьер-министр на прошлой неделе: для того чтобы выжить, мы должны оказывать присутствующим здесь

американским войскам полную поддержку и, более того, доброжелательный прием. Более того, будем настороже против ведущих подрывную деятельность и все, как один, приложим руку к делу укрепления СШСК.

Она замолчала, и первые ряды зрителей взорвались аплодисментами. Средние ряды выразили энтузиазм скромнее, ну а задние ряды затопали ногами, что можно было расценивать как угодно. Аплодисменты затихли, и депутат, бодро улыбаясь, посмотрела на своих избирателей и сказала: «Вопросы, пожалуйста».

Эмма с ужасом ощутила, что бабушка зашевелилась, и не успела она схватить Мад за полурасстегнутое платье, как та уже была на ногах.

— Миссис Морхаус, мы, несомненно, благодарны вам за выступление на собрании, но мне хотелось бы узнать, — не сочтите дерзостью с моей стороны, — когда вы в последний раз прикладывали к чему-либо руку и конкретно к чему?

По залу пробежал шепот; кто-то крикнул: «Позор!», а голос с задних рядов, довольно похожий на голос Тома Бейта из рыбной лавки, громко произнес: «Давай, давай, старушка».

Депутат от Среднекорнуолльского округа, поднаторевшая в отражении нападок, не потеряла спокойствия. Сначала она не узнала странную пожилую женщину, обращавшуюся к ней из середины зала. Какая-то эксцентричная особа, подумалось ей, зашла на собрание, основательно набравшись в пабе.

— Это образное выражение, — ответила она, приветливо улыбаясь, — может, не слишком оригинальное, но, как мне кажется, всем понятное.

В задних рядах развеселились, послышался смех, что явно шло вразрез с планами организаторов собрания. Как ни говори, но повод для сбора достаточно серьезный. Эмма, покраснев от смущения, недвижно уставилась в спину сидящего перед ней мужчины. Миссис Морхаус, пожав слегка плечами и приподняв брови, повернулась к полковнику Чизмену. Полковник Чизмен смутился еще больше, чем Эмма, так как узнал в задавшей из середины зала вопрос фигуре черты той леди Макбет, что приглашала его к чаю. Он зашептал на ухо депутату парламента. Та понимающе кивнула, и улыбка исчезла с ее лица.

— Позволю напомнить спрашивавшему, — сказала она, — что я призвана отвечать на серьезные вопросы практического характера и что здесь не театр и не мюзик-холл.

— Я знаю, — ответила Мад. — Если бы было так, как говорите вы, то на сцене находилась бы я, а вы, вероятно, хотя и не обязательно, сидели бы

в зале.

Раздались поощрительные крики Тома Бейта и нескольких его дружков.

— Однако, — продолжала Мад, — я как раз хочу задать серьезный вопрос практического характера. Если мы окажем полную поддержку дружественной армии США, предоставят ли они взамен гарантии, что они **не** будут стрелять в наших собак и разрешат всем нам: мужчинам, женщинам, детям — свободный доступ к дорогам, пляжам и городам, которые нам принадлежат?

На этот раз задние ряды разразились оглушительными аплодисментами. Миссис Морхаус обреченно махнула рукой и повернулась к полковнику.

Всем своим видом выражая дружелюбие, тот встал и сказал:

— Уважаемая леди!

Полковник обращался к Мад снисходительным тоном, подразумевавшим, что он, как и все присутствовавшие, знал, что женщина, задавшая вопрос, всеми любима и уважаема, но ей уже под восемьдесят и у нее свои странности, а сейчас она еще не пришла в себя от недавно пережитых волнений.

— Уважаемая леди, я помню ваше гостеприимство, и, как я, будучи у вас в гостях на прошлой неделе, вам уже говорил, я не был информирован о печальном случае с собакой. Позже мне доложили о происшедшем, были приняты необходимые меры, а владельцу выплачена компенсация. Но — повторяю это еще раз — наши действия направлены, направлены нашим правительством, на сохранение законности и правопорядка во всем Соединенном Королевстве. Никто в Корнуолле, как и во всех других частях вашей замечательной страны, не хочет повторения насилия, которое захлестнуло многие уголки планеты, и за это придется временно пожертвовать малой толикой свободы. Поверьте мне, все делается только на пользу вам и вашим соседям. Никто не причинит вреда людям, которые будут мирно и организованно заниматься своими делами. Мы прибыли сюда не подавлять, а помогать. Нужно обеспечить жизнеспособность СШСК здесь, чтобы на западе Англии, как и повсюду, все было в порядке на сто процентов. Надеюсь, уважаемая леди, я ответил на ваш вопрос.

Мад ответила ему не сразу. Может быть, она вспомнила о давно прошедших днях, когда, стоя в центре сцены, она готовилась произнести заключительную фразу, а вслед за этим должен был упасть занавес. На ее губах медленно появилась насмешливая улыбка. Она обвела глазами зал и затем обратила взор на полковника:

— Да, вы ответили исчерпывающе, более того, я утвердилась во мнении, которое зародилось в тот четверг, когда над моим домом пролетел первый вертолет. Проводимые маневры спланированы нашим и вашим правительством много-много месяцев тому назад, при поддержке наших и американских финансистов, — и назвать их можно не иначе как самой крупной в мире сделкой, благодаря которой одна страна завладела другой. Что из этого получится, покажет будущее.

Она тронула Джека Трембата за рукав, и он поднялся на ноги, быстро сориентировавшись, как партнер на сцене. Поднялась и его жена, и Эмма, и вчетвером они двинулись к выходу, в полной тишине, какая бывала только в давние времена в Королевском театре. Только когда они вышли из здания, тишину сменили приветственные и осуждающие крики, свист, аплодисменты, призывы к порядку, заглушаемые топотом ног.

— Этот вечер ему, да и ей, испорчен как следует, — с удовлетворением сказала Мад. — Теперь можно ехать домой.

Она подождала, пока шум стихнет, затем двинулась к машине. Трембаты последовали за ней. Из здания начали выходить и другие люди, среди них Том Бейт.

— Отлично сыграно, дорогая, — сказал он Мад. — Лучше, чем в театре.

Тем временем в зале был восстановлен порядок, поднялся на ноги тот продавец из супермаркета, что нарезал Мад ветчину. Он спросил, как повлияет на летний туристский сезон то, что все кабинки и прицепные домики на пляже в Полдри заняты морскими пехотинцами.

Войдя на следующее утро в комнату бабушки, Эмма застала ее внимательно изучающей местную газету, разложенную на кровати.

— Вот, — восторженно сказала Мад, — в середине второго листа. «Известная актриса берет слово на собрании местных жителей. Задан дерзкий вопрос. Не продана ли страна более богатому владельцу?» Кое-что мне удалось, и это просто здорово.

Она победно откинулась на подушки. Эмме вспомнились детские годы в Лондоне, когда она заходила в бабушкину спальню и заставляла ее ликующей над рецензиями о новом спектакле, в котором она играла предыдущим вечером. На рубеже восьмидесятилетия подобным же триумфом стала известность в Полдри.

— Что еще пишут? — спросила Эмма, заглядывая в газету.

— Почитай, а я пока приму ванну. Но про наше участие больше ничего не пишут — в конце концов, мы люди маленькие, да и Полдри невелик, — но прочитай передовицу о состоянии страны в целом и что может произойти в ближайшем будущем. Свобода слова, держи карман шире. Редактор продался.

Бабушка ушла в ванную, и Эмма устроилась на кровати. Действительно, о собрании в ратуше рассказывалось в крохотном абзаце, но заголовок бросался в глаза: «Сенсационное заявление известной актрисы». Если каким-нибудь образом это попадет в центральную прессу, то опять будет сюда звонить Папа. Эмма перевернула страницу и обратилась к передовице. О Мад здесь, конечно, ни слова, только восторженные славословия СШСК, которые, как утверждал автор, спасут нашу страну, потерпевшую фиаско в Европейском экономическом сообществе. «Наконец мы сможем поднять голову... не крохотный остров у континента, а часть мощного союза англоязычных народов». И так далее, и так далее. Эмма очень быстро просмотрела передовицу, и ей показалось, что такие статьи ей приходится видеть все время, с тех пор как она начала читать газеты в тринадцать лет, — и это все такая скука.

Эмма перешла к разделу новостей и обнаружила, что вести о СШСК заполнили все; очевидно, что войска США несут вахту повсеместно: у электростанций, телефонных станций, телевизионных вышек — а английская армия и полиция им помогают, на случай, как было написано, беспорядков, вызванных некими таинственными подрывными элементами,

о которых предупреждали все. При этом во всех слоях населения радостно приветствовали перемены. «Наконец, наконец...» — говорил народ, от финансистов Сити (Папа, подумала Эмма) до пожилых пенсионеров (не Мад). Много писали о свободе передвижения между странами, единой нации, о рабочих местах для молодежи, об общей культуре; в газете давалось понять, что Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка тоже кровно заинтересованы в СШСК, — не пояснялось только почему, — хотя имелся довольно мрачный намек на ядерное сдерживание и описывалось, как СШСК смогут целиком контролировать ситуацию. В таком случае Австралия, Южная и Центральная Африка, США и Великобритания будут иметь ядерное превосходство от Атлантики до Индийского океана.

— Что-то я не поняла, что здесь пишут про ядерное оружие, — крикнула Эмма бабушке. — А ты?

— Помнишь, — ответила из ванной бабушка, — что хотели сделать в Европе? Создать третью силу и так далее. Идея провалилась, кто обвинял правых, кто левых. Но, в конце концов, сами европейцы были против. Теперь же между строк проскальзывает, что ядерное сдерживание у нас обеспечено, вместе с США, ЮАР и Австралией. Разрушительные силы на четырех сторонах света. Прекрасно.

Эмма пожала плечами и принялась убирать постель Мад. Слова «ядерное сдерживание» были знакомы Эмме с самого детства — это те устройства, что запускают из шахт ракеты на многие тысячи миль, ракеты, способные стереть с лица земли целые области вместе с жителями. Бороться с этим невозможно, разве что изобрести антиракеты, правда, тогда кто-нибудь еще должен придумать анти-антиракеты. И так без конца. Может, американцы огородили пляж в Полдри, чтобы там установить анти-анти-антиракеты...

Мад появилась из ванной, сегодня одетая как дореволюционный сибирский крестьянин. Мешковатые шаровары она похитила много лет назад — они входили в гардероб для провинциальных гастролей с «Вишневым садом». Мад с удовлетворением оценила свое отражение в зеркале. Как завершающий штрих крепостного обличия, вокруг талии была повязана тяжелая цепь. (Когда-то Мад разрешила Джо держать коз, оттуда и цепь, но однажды самая большая коза забралась к ней в кровать, — и Мад их всех раздала.) Алексей Владавич готов к сражению.

— Мадам?

В дверях спальни появилась Дотти, как всегда после завтрака, измотанная и издерганная.

— Что, Дотти?

— Неожиданно объявился лейтенант Шермен, с ним дама-американка, он представил ее как миссис Хаббард. Пришлось проводить их в музыкальную комнату, но я сказала, что пойду узнаю, проснулись ли вы. Могу передать, что вы еще в постели.

— Давайте я спущусь к ним, — быстро сказала Эмма. — Я разберусь.

— Ерунда, пойдем вместе, — ответила Мад. — Миссис Хаббард... Не та ли это женщина, что на вчерашнем собрании сидела между полковником Чизрингом и депутатом?

— Да, — сказала Эмма, — по-моему, ее так звали.

— Хм... — произнесла Мад, покручивая цепь. — От нее мы быстро избавимся.

Мад решительно направилась вниз и в сопровождении Эммы вошла в музыкальную комнату. Лейтенант Шермен при ее появлении принял стойку «смирно». Миссис Хаббард, симпатичная женщина лет сорока пяти, с широкой улыбкой была занята восторженным рассматриванием сухих цветов гортензии, стоявших во всех вазах. Она повернулась к вошедшему русскому крепостному и протянула Мад обе руки.

— Марта Хаббард, — провозгласила она, как делают люди, обедающие за капитанским столиком на туристском теплоходе. — Мне так неудобно, что я вторглась в ваш дом, примите, пожалуйста, извинения еще и еще раз. Я очарована вашими сухими букетами. Боже, какой у вас прекрасный дом! А эта милая пятнистая собачка, наверное, ваша любимица?

Из библиотеки в комнату прихромала Фолли и, приблизившись к незнакомке, обнюхала ее чулки. Судя по всему, при этом Фолли постигло разочарование, так как она опустила хвост и отошла в сторону, намереваясь занять ближайшее кресло.

— Ей пятнадцать лет, — сказала Мад, — слепа и глуха, я, наверное, тоже стану такой через несколько лет. А это моя внучка — Эмма.

— Как поживаете, милая? — улыбнулась Марта Хаббард. Она вновь повернулась к Мад. — Не хочу отнимать у вас время понапрасну, но скажу, что мне очень, очень жаль, что вы не остались на вчерашнем собрании до конца. Я понимаю ваши чувства и всем сердцем сочувствую вам. Вы тот человек, которым, если позволите сказать, я восхищаюсь много лет, и сейчас я только хочу попробовать завоевать ваше расположение и объяснить нашу программу.

— Программу? — спросила Мад, принимая озадаченный вид. — Вооруженные силы приготовили нам какие-то развлечения?

Боже мой, подумала Эмма, она начала уклоняться от прямого

разговора, намеренно неправильно истолковывая слова американки! Эмма взглянула на лейтенанта Шермена, который, слегка покраснев, продолжал стоять по стойке «смирно».

— Садитесь, пожалуйста, — торопливо предложила она. В конце концов, нужно быть гостеприимными.

Марта Хаббард улыбнулась до ушей, обнажив целый ряд зубов.

— Не знаю, что готовят вооруженные силы, — сказала она, слегка кивнув в сторону лейтенанта Шермена. — Я не представляю какие-либо их службы или политическую партию. Я только член КСН, ассоциации, имеющей в Великобритании особые задачи. Мы хотим открыть отделения по всей стране, и тут вы можете нам помочь.

— КСН? — повторила Мад, на сей раз действительно озадаченная. — Знакомое сочетание, но только как-то не так оно звучит. Несколько лет тому назад у нас, по-моему, были НКС. Народные команды скаутов? Не помню, чем они занимались, что-то связанное с лесными лагерями для девочек?

Марта Хаббард не прекратила улыбаться. По крайней мере, ее рот продолжал изображать нечто, напоминающее лицо актера из французского фильма «Человек, который смеется».

— Нет, милочка, — сказала она, и Эмма почувствовала, что «милочка» звучит не совсем уместно, хотя люди часто обращаются так к пожилым, — нет, милочка, не НКС, а КСН, нечто совершенно иное. Расшифровывается как «культурное сотрудничество народов». Народов США и Соединенного Королевства. Ассоциация создана для того, чтобы все мы вместе и каждый в отдельности жили в гармоничном и полном сотрудничестве.

Она перевела дух.

— Культурное сотрудничество народов, — задумчиво произнесла Мад. — Что ж, звучит привлекательно. Похоже, наверное, на Женский институт? Обмен кулинарными рецептами и просмотр слайдов? В шкафу на кухне хранятся очень интересные рецепты, а от мужа остались какие-то слайды.

— Нет, нет, — поспешила объяснить Марта Хаббард. — Конечно, подобные вещи, как мне кажется, тоже будут интересны членам Ассоциации, но я намечаю более интеллектуальный подход. Чтение пьес, книг, стихов, драматические постановки, философские дискуссии, совместное обсуждение важнейших проблем, которые занимают наши умы и мотивируют нашу жизнь.

— Мотивируют, мотивируют, — прошептала Мад и затем сказала: — А, вы хотите сказать, определяют? Проблемы, которые определяют нашу жизнь? — Озадаченное выражение не сходило с ее лица.

— Ваш великий драматический талант и ваше знание театра, — продолжала Марта Хаббард, — могли бы очень помочь нашему движению. Плюс проблема досуга. Не знаю, известно ли уже, что наши правительства, действуя совместно, готовятся к созданию министерства досуга, очень важного для жителей запада Англии.

— Да? — сказала Мад. — Это потому, что у нас высокая безработица? То есть безработные не знают, как провести время? Я бы не стала называть это проблемой досуга.

— Для вас подготовлены замечательные планы, — улыбнулась Марта Хаббард. — Нам известно, что вы все больше и больше зависите от объема туризма, и КСН хочет помочь и в этом вопросе. Вот этот небольшой район в Корнуолле — вы еще не начали использовать его исторический потенциал. У нас многие загорелись идеей посмотреть эти места, узнав, что они связаны с Тристаном и Изольдой, ну и, конечно, королем Артуром. Живые картины, шествия, местные жители в костюмах тех времен, — а вы могли бы поставить сцену прибытия Тристана из Ирландии с невестой своего дяди прямо здесь, на пляже в Полдри.

Мад выглядела все такой же задумчивой, и Марта Хаббард приняла это за знак одобрения. Похоже, что ее рассказ произвел впечатление на престарелую актрису.

— Видите ли, — продолжала она развивать тему, — здесь, в Британии, лучше предлагать не солнце или пляжи, а историческое наследие. Более того, — она обернулась к Эмме и лейтенанту, — все западное побережье от северного Уэльса до Корнуолла можно превратить в огромный курортный массив. Когда старые добрые валлийцы, одетые в старинные наряды, высокие шляпы и плащи, будут встречать туристов из Штатов картофельными пирожками, мы забудем о безработице.

Так же будет и в Корнуолле. Тогда Штатам не нужно будет покупать вашу глину, мы лучше поможем создать в ваших белоснежных горах маленькую Швейцарию, обучим безработных профессиям инструкторов по горным лыжам и бобслею...

— Извините, пожалуйста, — прервала ее Мад, — что это вы такое сказали?

— Бобслей, милочка, это такие сани на коньках, очень зрелищный спорт. Короче говоря, я полна идеями относительно «культурного сотрудничества народов» СШСК, и с вашей помощью как президента здешнего отделения...

Она остановилась посреди фразы, так как дверь распахнулась и в комнату ворвались Колин и Бен.

— Бен выучил новое слово, — заорал Колин.

— Нет, нет, — быстро проговорила Эмма, — не сейчас. Пойдемте, ребята, я отведу вас в игровую комнату. Мадам занята, так что не мешайте ей здесь.

При виде златовласого херувима, держащего за руку маленького негритенка, Марта Хаббард замерла, очарованная, затем привстала из кресла и позвала их к себе.

— Что, мои милые крошки, — сказала она, — хотите леденец? Разрешает вам бабушка кушать леденцы?

Колин нахмурился. Ни разу в жизни он не слышал слово «леденец». Может, тетя с большими зубами говорит про лед? Он глянул на Эмму, явно засмущавшуюся, затем на Мадам, которая, подмигнув, подбодрила его кивком головы.

— Мадам бабушка Эмме, а не мне, — сказал он. — Лед есть у нас в холодильнике, но я никогда не пробовал его кушать.

Марта Хаббард засмеялась, запрокинув голову.

— Лед! — воскликнула она. — Какая прелесть. Леденец — это сладкая конфета на палочке. Смотри, — она достала из сумочки два бело-розовых леденца. — Я знала, что встречу здесь мальчишек, и подготовилась.

Она протянула Колину и Бену по леденцу, затем опять полезла в свою вместительную сумку.

— У меня для вас еще кое-что есть. Честно говоря, у меня припасена целая коллекция, их можно прикрепить на машину или взять на прогулку. Я их дарю всем детишкам в округе.

Она вытащила целый пук флажков и помахала им перед носом у Колина. Сначала Эмма подумала, что это набор из «Звезд и полос» и «Юниор Джеков», но, когда Марта Хаббард развернула их, Эмма поняла, что флажки какие-то новомодные: «Юнион Джек» и «Звезды и полосы» на одном флаге рядышком. Зрелище потрясающее, хотя далеко не гармоничное.

— Доставлены вчера вечером из Штатов, — гордо объявила Хаббард, — их целые тысячи. Такие же флаги, но побольше размером, взовьются на всех общественных зданиях и у вас, и у нас.

— Боже милостивый! — сказала Мад.

К счастью, это было сказано шепотом, а Марта Хаббард увлеченно пыталась всучить мальчишкам флаги и не услышала восклицания. Услышал его лейтенант Шермен. Он почувствовал себя неловко и поднялся.

— Не буду вас задерживать, — сказал он. — Знаю, у вас много дел.

Передаю наилучшие пожелания от полковника Чизмена. Он просил еще передать, что ему очень жаль, что местные детишки из-за чрезвычайного положения лишились очередного праздника Гая Фокса^[7] и торжественного костра. Он выражает по этому поводу сожаление и приглашает всех местных ребятишек на костер, который мы устраиваем сегодня вечером. Обещаем еще и фейерверк.

— Большое спасибо полковнику Чизмену, — ответила Эмма. — Уверена, что бабушка...

Она с тревогой взглянула на Мад, не имея ни малейшего представления, как она отреагирует на это предложение. К ее удивлению, а также и облегчению, Мад улыбнулась лейтенанту:

— Весьма предусмотрительно, спасибо полковнику Чизрингу. Так как вы обеспечиваете фейерверк, то я и мои ребята позаботимся о чучеле.

Боже, подумала Эмма, что еще она придумала, но лейтенант Шермен остался доволен ответом и принялся тепло благодарить Мад.

Марта Хаббард все еще возилась с Беном, который устался на нее поверх бело-розового леденца. Ей хотелось показать, что она, родившаяся в Бостоне Марта Хаббард, чужда расовых предрассудков, что бы ни думали британцы.

— Детка, ты не сказал мне спасибо за леденец, — обратилась она к Бену, — но сначала обними меня вот так, обними меня ручками за шею...

Бен закатил глаза и набрал в легкие воздуху.

— Ж... — начал он, — ж...

Эмма рванулась вперед и схватила его на руки.

— Он очень застенчивый мальчик, — быстро произнесла она, — я вам скажу спасибо вместо него.

Пока Бен не успел что-нибудь выговорить, она вынесла его из комнаты на кухню, где поджидали Энди и Терри.

— Он сказал слово? — смеясь, спросил Терри.

— Нет, — крикнула Эмма, — не сказал. И будешь себя так вести, я пойду и расскажу Мадам, чему вы учите Бена, как только уйдут гости.

— Не беспокойся, — улыбнулся Терри. — Она знает. Эмма с шумом захлопнула дверь на кухню и увидела, что лейтенант Шермен ждет ее в вестибюле.

— Ваша бабушка очень гостеприимна и решила показать миссис Хаббард дом и представить ей остальных ребят.

«Что я могу сделать, — подумала Эмма. — Ни одна из кроватей не убрана. Дотти опять не в духе, ну а если самые маленькие не скажут что-нибудь ужасное, так это сделают средние».

— В таком случае, — сказала она, — я ей не нужна. Хотите посмотреть сад?

— С удовольствием, — ответил лейтенант, так же как и Эмма, с великим облегчением покинувший компанию женщин в музыкальной комнате. Как только они удалились на достаточное расстояние, он добавил: — Называйте меня Уолли. Это звучит приветливее, чем лейтенант Шермен.

— Хорошо, — сказала Эмма, открывая боковую дверь, ведущую к кустарнику. В этот момент они буквально столкнулись с Джо, катившим полную поленьев тележку.

— Здорово, — сказал лейтенант.

— Здравсте, — кивнул Джо.

«Он не одобряет, — подумала Эмма, — можно подумать, я виновата в том, что в доме морские пехотинцы».

— Хочу показать лейтенанту вид, открывающийся из нашего сада, — стала зачем-то объяснять она.

Глупо, ведь он сто раз наблюдал окрестности с вертолета. Джон ничего не ответил и направил тележку к огороду.

— Что-нибудь случилось? — спросил лейтенант. — Он выглядит огорченным.

— Джо всегда необщительный, — ответила Эмма, — совсем не такой, как Терри.

— Может быть, — лукаво предположил лейтенант, — ему не по душе, что вы пошли гулять со мной?

— Джо? — Эмма посмотрела на Шермена, затем засмеялась. — Послушайте, мы выросли вместе. Вы уже, наверное, заметили, что у нас необычная семья.

Они вышли на тропинку, открывавшую глазу вспаханное поле, связанное с такими неприятными воспоминаниями. В бухте, у военного корабля, продолжалось какое-то движение.

— Я заметил также, — сказал Уолли, — что ваша бабушка не слишком рада нашему появлению. Она очень ясно дала всем это понять вчера вечером в Полдри.

— О, это не так уж серьезно, — торопливо сказала Эмма. — Вы ведь знаете, какими становятся люди в старости, они уже не способны менять привычки, а вы ведь сами понимаете, насколько все было внезапно и как тревожна вся эта история с СШСК. Не стоит ее винить.

— Я ее и не виню. Мне жаль, что она так к нам относится. Ведь мы прибыли сюда помочь союзу, чтобы все шло гладко. А ваша бабушка в этом районе человек очень известный, ее доброжелательность помогла бы нам в

работе. Люди здесь прислушиваются к ее мнению.

Эмма задумалась.

— Не знаю, не знаю. То есть, на самом деле, она не такой человек, к которому прислушиваются. Последнее время ее жизнь посвящена исключительно мальчикам.

— И вам?

— И мне. Лейтенант улыбнулся.

— Наверное, ваша бабушка в молодости была очень похожа на вас.

— Спасибо. Для меня это самый большой комплимент.

Они повернули обратно к парадному входу и остановились там, ожидая окончания обхода дома.

— Скажите, — сказала Эмма, — не выдавая никаких секретов или чего-то такого, так ли уж нужны все эти посты на дорогах, пропуска и этот корабль, ревущие вертолеты и столько ваших военных повсюду? Я хочу сказать, если мы объединились, зачем все это?

Лейтенант Шермен принял серьезный вид.

— Только для того, чтобы обеспечить с самого начала прочность союза. Мы не можем допустить, чтобы было иначе. За последние пять лет в отношениях между странами было принято слишком много полумер. Посмотрите, что творится в Европе, сплошной разлад, — хорошо, что до войны еще не дошло.

— Разлад у них только в экономике, — сказала Эмма, — вот почему, думаю, мы и сбежали от них.

— Я бы не сказал, что вы от них сбежали, если вы уж так это называете, только из-за экономики. У вас были опасения стратегического характера, точнее, у вашего правительства. Насколько я понимаю, у вас одна надежда на СШСК. Мы можем прожить самостоятельно, а вот вы не можете.

Эмма замолчала. Он говорил, как будто читал вслух сегодняшнюю газету. Она внезапно почувствовала себя абсолютно сбитой с толку, ни в чем не уверенной. Как его слова напомнили сказанное вчера в Полдри мистером Трембатом: «Мы должны вести себя как полагается, а иначе...»

— Как бы то ни было, — сказал с улыбкой лейтенант Шермен, — вы слишком молоды и красивы, чтобы задумываться о таких неприятных вещах, тем более, ничего плохого еще не случилось. Вы придете на фейерверк на пляже? Обещаю, будет очень красиво.

— Да, — ответила Эмма, — я приду. Хотя бы для того, чтобы присмотреть за бабушкой.

Из дома на дорожку вышли Мад и леди из Бостона, и Эмме

показалось, что после инспекции миссис Хаббард улыбается уже не так широко, как раньше. Она выглядела уставшей и что-то записывала в блокнот.

— Последний вопрос, — сказала она Мад. — Ваш дом называется Треванал. Вы сказали, что «тре» означает дом, что же тогда значит «ванал»?

— Церковная десятина^[8], — с готовностью объяснила Мад, — амбар, где хранится церковная десятина, — это скиберванал, но слово «скибер» мне показалось таким некрасивым — остался только «ванал». Так что в старину здесь был амбар, конечно.

— Но, — проговорила Марта Хаббард, продолжая записывать в блокнот, — если я не ошибаюсь, вы говорили, что в вашей комнате для гостей спал король Марк, а в алькове стояла брачная постель Изольды?

— Совершенно верно, но это было до того, как этот дом превратили в амбар. Когда я купила его двадцать лет назад, альков был набит мешками с зерном. Зерно было повсюду... А, ты здесь, дорогая...

Мад с вызовом посмотрела на внучку. Она, как и Эмма, знала, что леди из Бостона принимает ее откровения за чистую монету.

— Я верю и надеюсь, — сказала Марта Хаббард, пожимая руку хозяйке дома, — что мы установили полное взаимопонимание, и, если вам нужна дополнительная информация о нашей организации и ее работе в СШСК, непременно сообщите мне.

— Не забудьте привести мальчишек и Эмму на фейерверк! — напомнил лейтенант. — Не говоря уже о чучеле!

Мад улыбнулась, провожая их к джипу:

— О чучеле не забудем.

Как только машина скрылась из виду, Мад позвала:

— Терри! Где ты?

— Зачем тебе Терри? — с подозрением спросила Эмма. — Сейчас он должен на кухне помогать Джо.

— Пусть поможет мне, — ответила Мад, — и все остальные ребята тоже. Ты слышала, лейтенант Шермен просил принести чучело.

Она вдруг задумалась, глядя, как в холл вошел Бен, держа в руке пучок флажков и жуя остаток розового леденца. Похоже, что Марта Хаббард выдала ему немало подарков, так как в другой руке он сжимал бенгальский огонь, шипящий и разбрасывающий искры.

— Хм, — сказала Мад.

Эмма посмотрела на бабушку. За этими «хм» всегда стоял какой-то смысл. Иногда это означало, что она уносилась куда-то мыслями, была

застигнута в середине воспоминаний, либо имело практический смысл — скажем, угаданное слово в кроссворде или отгадка к акrostиху.

— О чем ты думаешь? — спросила Эмма.

Мад смотрела, как самый младший из ее выводка идет к ней с сияющим от радости лицом.

— Этого ребенка можно научить всему, что угодно, — сказала она.

Морские пехотинцы расчистили часть пустыря между болотом и проволочной оградой, окружавшей их лагерь на пляже. В центре площадки лежала куча плавника и хвороста. Уже целые толпы народа собрались посмотреть щедро обещанные военными развлечения. Родители с детьми, мальчишки и девчонки постарше, местные лавочники, рабочие с глиняных карьеров, докеры, жители ближних деревень и, конечно, сами морские пехотинцы — они приветливо улыбались, гладили детишек по голове, болтали с девушками, — всем своим видом, излучавшим добродушие, они показывали, как должно выглядеть «сотрудничество», хотя бы и не такое «культурное», как ассоциация Марты Хаббард. Повсюду мелькали флаги СШСК — мистер Либби, хозяин «Приюта моряка», водрузил такой флаг на мачту около паба, и в этот ясный, тихий и довольно теплый для ноября вечер он даже вынес на газон столы и стулья для клиентов, чтобы те могли, попивая пиво, наслаждаться фейерверком.

Вокруг царила атмосфера ожидания. Даже Эмма перед выходом из дома ощутила себя слишком взрослой и, чуть было не оставшаяся с Джо и Дотти, которые твердо отказались идти, почувствовала необычность происходящего, словно она внезапно перенеслась куда-нибудь в Италию или Францию. В лицах, одежде и поведении морских пехотинцев, сновавших в толпе местных, было что-то иностранное — нет, тут уже не итальянское или испанское, скорее из старого кинофильма, вестерна, в котором говорится о пограничных фортах, о переселенцах, а «Приют моряка» превратился в салун с вращающейся дверью. Казалось, что в любую секунду оттуда выйдет кто-нибудь в ковбойской шляпе, с двумя пистолетами и кобурах на поясе. Местные ребята, приятели Джо и Терри, проходя мимо, говорили ей: «Привет!» — и она отвечала им: «Привет!», к ним она привыкла, это всего лишь местная молодежь, а вот морские пехотинцы — эти оглядывали ее, в их взгляде чувствовалась какая-то уверенность, и взгляд, и небрежная походка, смешки и подталкивание друг друга локтями, странный акцент — все это было непривычно, не похоже на поведение туристов, приехавших посмотреть Корнуолл, это была уверенная поступь завоевателей, оккупантов. И как это ни странно, в этом было что-то привлекательное.

Кто-то коснулся ее плеча, и она увидела Уолли Шермена, лейтенанта, — теперь Уолли звучало менее абсурдно, — и он взял ее под руку.

— Отлично поработали ребята, ведь правда? — спросил он, указывая на кучу хвороста.

На какую-то секунду Эмма не поняла, о чем речь, подумала, что он говорит об их ребятах, мальчишках Мад, но он, конечно, имел в виду морских пехотинцев.

— Потрясающе, — ответила она. — Только бы чучело не развалилось. Бабушка и Терри трудились над ним целый день. Само собой разумеется, я не была допущена и результат не видела. Думаю, оно наряжено в старые одежды мальчишек, да и бабушкины.

— А где ваша бабушка? Я не видел ни ее, ни ребятишек.

Он осмотрелся по сторонам, выискивая их в толпе, Эмма — тоже.

— Она только что стояла у паба, — сказала ему Эмма, — ждала Трембатов — это наши друзья-фермеры. Терри и мистер Трембат должны были привезти чучело на «лендровере» с фермы. Судя по всему, оно такое большое, что не поместилось в багажник нашей машины.

Лейтенант рассмеялся.

— Вот так чучело, — сказал он и затем, выводя Эмму из толпы, туда, где начинался спуск к пляжу, тихо прошептал: — И вот так девушка.

Вот, подумала Эмма, если он хочет что-то начать, а так, без сомнения, и есть, то настал момент либо оставить его в дураках, либо не задерживать, и вперед... Вопрос в том, чего же хочу я? Несколько влажных поцелуев и взаимная неловкость, и так при каждой встрече, к чему, в конце концов... Она посмотрела налево и в тени нависшего утеса различила две фигуры, — очень удобная там пещерка, — которые в этой вселенской игре продвинулись на шаг дальше них. Что ж, почему бы и нет; Уолли обнял ее обеими руками, и они прильнули друг к другу. Это добавило новизны к ощущениям, вызванным сегодняшним вечером, толпой, всеобщим возбуждением. И затем грохот, взрыв — первая ракета взметнулась в воздух, расколов небо и осветив окружающий мир: все, как один, замерли и произнесли: «Ах!...»

Лейтенант ослабил объятия, две фигуры слева расцепились, и, пока падал фейерверк, Эмма заметила, что это Миртл Трембат, подружка Терри, и капрал Сэгг, один из подчиненных Уолли. Все четверо одновременно пережили ужас узнавания, но сделали вид, что не знакомы; капрал весьма тактично, опираясь на свой богатый опыт, повлек свою жертву, отвечавшую смехом и протестами, в глубь пещеры, а Эмма, засунув обе руки в карманы

куртки, вдруг ощутила в себе нежелание, отвращение. То, чему она позволила произойти, оказалось неинтересным, разочаровывающим, дешевым, и она не могла понять, возникло ли это отвращение оттого, что она и Миртл делают одно и то же, — Эмма знала, что такая реакция — проявление снобизма, — или оттого, что капрал Вэгг и лейтенант Шермен приняли девушек как нечто само собой разумеющееся, расценили их как одно из дополнительных удобств, предоставляемых оккупацией.

— Пойдем, — сказала Эмма, — пойдем лучше к моим.

Она начала выбираться на более твердую почву, лейтенант же молчал, только спотыкался где-то позади, и все это время над их головами вспыхивали огни фейерверка.

Фейерверк безусловно удался — морские пехотинцы постарались на славу. Синие, красные, зеленые, белые звезды дождем сыпались с неба навстречу обращенным вверх лицам зрителей. Фейерверк продолжался целых двадцать минут, потом медленно стих, и взгляды толпы обратились на праздничный костер, обещавший стать грандиозным финалом этого вечера.

— Вот и ваша бабушка, — сказал лейтенант, — стоит вон там с ребятишками.

Он понял, что в чем-то сплеховал, и спешил это загладить.

— Да, — ответила Эмма с облегчением и, чтобы показать, что она не держит зла, взяла своего спутника под руку. — А вот и Терри, — добавила она, — и Энди, и их друзья из техникума. Несут что-то огромное, должно быть, это и есть чучело.

События разворачивались стремительно. Вот полдюжины ребят идут со своей ношей по пустырю, а в следующую секунду набитая соломой фигура водружена на верхушку горы из плавника и хвороста и твердо укреплена на шесте. Шестифутовое чучело обряжено не в старые одежды Терри или Джо, а одето, как солдат, в защитный китель и каску, игрушечная винтовка в положении наизготовку, и Эмма с удивлением вспомнила о сундуке с одеждой, многие годы хранившем в подвале реликвии Бог знает какого давнего прошлого.

— На этот раз ваша бабушка превзошла себя, — произнес Уолли, полууважительно, полуугрожающе. — Где, прости Господи, она выкопала этот наряд, и что собирается делать малыш?

К костру маршевым шагом приближался Бен. В левой руке он нес осветительную ракету. Он на секунду остановился и отдал честь. Затем нагнулся, положил ракету в приготовленный костер и отступил на шесть шагов. По толпе пронесся вздох восхищения, скорее всего среди местных

жителей, и женские возгласы: «Какой смелый, милый малыш!» Американцы, столпившись у края, хранили молчание, готовые схватить ребенка, если на него начнут сыпаться искры. Что до чучела, то, если это английский юмор, ничего не поделаешь. Однако это были только цветочки. Никто еще не заметил, что из тыловой части чучела солдата высовывался флаг СШСК, и, когда языки пламени добрались до его брюк, флаг явился в полной красе. Раздался треск, затем взрыв, и, когда флаг упал в огонь, из штанов чучела с громадной скоростью вылетела ракета, а само оно, перевернувшись, рухнуло в пламя.

Громогласный смех, поднявшийся при появлении флага и взрыве ракеты, потряс, как потом выразился Джек Трембат, все Корнуолльское побережье, но самым смешным было видеть эту маленькую черную фигурку, застывшую по стойке «смирно», — точь-в-точь генерал на параде, — ну а затем выражение лица командующего морской пехотой, как раз прибывшего к финалу представления.

Позже, когда родители с детьми и люди среднего возраста, все еще вытирая слезы от смеха, начали уходить, направляясь кто к машинам, оставленным у «Приюта моряка», кто пешком по дороге вдоль берега, в воздухе прогремела новая серия взрывов. Не так громко, как до этого, но эффектно. Какой-то шутник подбросил зажженные петарды в штабную машину полковника Чизмена, — водитель в это время отвлекся, глядя на праздничный костер, — раздалось шипение и треск, запахло горелым.

— Так, — сказал лейтенант Шермен, — это уже не смешно, совсем не смешно.

Он побежал к машине, несколько морских пехотинцев последовали за ним. Потасовка началась, когда один из американцев увидел, что молодой парнишка нагнулся завязать шнурок на ботинке, — солдату показалось, что парень хочет зажечь новую шутиху. Последовал удар ногой в живот, друзья парнишки закричали, кто-то поднял камень и наугад бросил. К несчастью, камень разбил окно штабной машины. Морские пехотинцы перешли в атаку, расшвыривая людей направо и налево. Завизжали женщины, какой-то старик был сбит с ног, полетели во все стороны столы и стулья, выставленные перед «Приютом моряка». Бледный как смерть мистер Либби пытался в пабе укрыть своих клиентов от опасности.

— Вот хулиганы чертовы, эти мальчишки, — все время повторял он. — Моряки не виноваты. Вот ведь паршивцы, расстрелять их мало, ей-Богу.

Мужчины хватали в охапку жен и детей. Собаки, и так напуганные фейерверком, лаяли и носились по дороге. Крики, свист, сердитые голоса,

потасовки и стычки между морскими пехотинцами и группами подростков, потом вместо камней полетел песок, мелкий коричневатого-серый песок пляжа Полдри. Через мгновение в воздухе летали тучи песка, попадая в глаза, в нос, в горло. Хаос. Настоящий ад.

— Мад, — крикнула Эмма. — Мад! — И пригнула голову, прячась от песка, брошенного каким-то мальчишкой. — Энди, — звала она, — Колин, Бен...

Ни их, ни бабушку нигде не было видно. Вокруг толпа мечущихся, ошарашенных, обозленных людей, никто из которых не понимал, на что злится, только слышал от кого-то, что сбили с ног старика, задавили ребенка, переехали машиной собаку... А в это время трещали и искрили остатки праздничного костра, закопченная каска чучела болталась на железном пруте, когда-то служившем ему стержнем.

— Как ты, Эмма?

Это мистер Трембат обнял Эмму, волосы его были растрепаны, на левой щеке грязная полоса, плащ разорван; он протянул ей носовой платок — прочистить глаза от песка.

— Слава Богу, вы нашлись, — сказала Эмма, сжимая его руку. — Где бабушка, где мальчишки?

— Не волнуйся. Они в вашей машине за «Приютом моряка». Я отвезу вас домой, а потом вернусь за моими.

Он повел Эмму мимо кучки зевак к стоянке машин. На переднем сиденье расположилась Мад, а Энди, Сэм, Колин и Бен втиснулись на заднее. Мад курила сигарету. Последние двадцать лет она не курила. Как только Мад увидела Эмму, она выбросила сигарету в открытое окно машины.

— О, бабушка, — чуть не расплакалась Эмма, — я так волновалась. Звала и звала, но тебя нигде не было видно.

— Мы тоже тебя искали, — коротко ответила Мад, — а когда кто-то крикнул, что сбили девушку, я испугалась за тебя. Хорошо, все позади. Садись, тебе придется устроиться у меня на коленях, как много-много лет тому назад. Благодарю вас еще раз, мистер Трембат. Поедем?

Все забыли про шлагбаум на дороге, а вместо одного постового их встретили сразу четверо, да еще и с офицером во главе. Шум на пляже затих, но никто не мог уехать, не пройдя тщательную проверку пропусков. Мужчины и подростки должны были выворачивать карманы, женщины и девушки показывали содержимое сумочек.

Офицер проверил желтый пропуск на ветровом стекле машины. Потом попросил пропуска взрослых. Затем имена и адреса всех сидящих в

машине. На сей раз Мад позволила Джеку Трембату отвечать на все вопросы.

— Пожалуйста, выйдите из машины, — скомандовал офицер. — Нужно сделать обыск.

Молча они вылезли из машины. Офицер стоял рядом, а двое его подчиненных подняли сиденья, проверили карманы, подняли коврики с пола, напоследок открыли багажник.

— Что вы ищете? — спросил Джек Трембат.

— Взрывчатку, — ответил офицер. — О'кей, вы можете ехать.

Они залезли в машину, и фермер включил зажигание.

— Взрывчатку! — воскликнул он. — Где ж мы найдем взрывчатку? Они же сами пригласили нас на свой чертов фейерверк!

— Может быть, — сказала Мад, — они считают, что петарды — это тоже взрывчатка. Им можно, а нам нельзя.

— Похоже на то, — ответил Джек. — Что я могу сказать. Сейчас, когда все так некрасиво обернулось, мы все, конечно, струхнули, но зато, когда взорвалось заднее место у чучела, я посмеялся от души. А янки и это не пришлось по нраву.

Он опять рассмеялся, повернул с дороги на проселок, а когда вся компания выгрузилась у дома, сказал Мад:

— Не беспокойтесь о Терри. Он любитель розыгрышей. Я заберу его, когда поеду за Миртл. Пусть переночует у меня, а утром пригонит вашу машину.

Машина уже скрылась из виду, когда Эмма вспомнила, что на пляже Миртл была не с Терри, а с капралом. После начала фейерверка они скрылись в направлении пещеры, а во время последующего переполоха все могло случиться. Стоит ли рассказать об этом Мад, или это ее не касается? Мад скрылась в прихожей: снимала уличную обувь, а мальчишки со всех ног убежали на кухню рассказывать о случившемся Джо и Дотти. Все, кроме Энди, оставшегося стоять в задумчивости.

— О чем задумался? — спросила Эмма.

Энди взглянул на нее, в его нежных карих глазах мелькнул озорной огонек.

— Я знаю, почему они обыскивали нашу машину.

— Почему, расскажи, умоляю тебя.

Эмма знала, что слово «умоляю», особенно произнесенное строгим тоном, нередко помогало добыче сведений.

— Они искали гелигнит^[9], а не петарды.

— Но у нас нет гелигнита.

— Да, но Терри знает, где его можно раздобыть. Кто-то из его друзей работает на глиняном карьере, и они знают, где его хранят.

Энди засунул руки в карманы, улыбнулся и вышел на кухню вслед за младшими. Эмма подождала, пока из прихожей выйдет бабушка. Мад выглядела измученной, что неудивительно.

— Ты, — твердо произнесла Эмма, — сейчас отправишься спать.

— Да, да, — Мад потянулась и направилась к лестнице. — Мы сегодня поработали вполне удовлетворительно, разве что финал все испортил. Эти морские пехотинцы потеряли голову, стоило кому-то подбросить парочку шутих в машину полковника Чизринга. Что еще от них ждать? Никакого чувства юмора.

— Но дело ведь не только в машине, — запротестовала Эмма. — Кто-то начал бросать камни, потом песок и гравий. Нельзя говорить, что виновата только морская пехота.

Бабушка задержалась на середине лестницы.

— Жаль лишь, что, когда из зада чучела вылетела сделанная Терри ракета, на пляже вместе со мной и полковником не было Марты Хаббард. Она бы поинтересовалась, что мотивирует сие действие.

Она удалилась в спальню, мурлыкая мелодию как минимум тридцатилетней давности. Эмма пошла на кухню. Протестующие крики из спальни малышей означали, что Дотти отскребает с них грязь, прежде чем уложить их спать. Энди скрылся в своем логове. Оставались Джо и Сэм — Сэм продолжал описывать Джо сегодняшние перипетии...

— Мадам так волновалась за Эмму, но Колин ей сказал, что не надо беспокоиться, он видел, как Эмма ушла с лейтенантом задолго до начала фейерверка.

Эмма вошла на кухню, и они оба посмотрели в ее сторону. Косые глаза Сэма, как казалось, изучали потолок над ее головой.

— В это время ты должен быть в кровати, не так ли? — спросила она.

— Да, — ответил Сэм. — Я уже иду в спальню. Хотел только поблагодарить Джо за то, что он присматривал за голубем и белкой.

Почему же Джо так странно, обвиняюще смотрит на нее? Почему его чистые серые глаза заставляют Эмму чувствовать себя младше, хотя она старше его на два года? Вместо того чтобы оставаться здесь с Дотти, Джо мог бы и поехать со всеми остальными на пляж Полдри и приглядывать за Терри. Как правило, перед тем как отправиться спать, Джо и Эмма вместе смотрели вечерние передачи или сидели, обсуждая события прошедшего дня, смеялись над проделками малышей, планировали утренние работы по дому. Так было до прихода морских пехотинцев и до чрезвычайного

положения. Все теперь изменилось, и вот сегодня...

— Все, я ушла, — сказала она. — Не забудь потушить свет.

Выходя из кухни, Эмма чувствовала, что Джо неподвижно застыл, глядя ей вслед недоуменными обиженными глазами. «Можно подумать... можно подумать... что? Это же абсурдно, — решила она, — он лишь один из мальчишек, ставший мне вместо брата, которого у меня нет».

Эмма спала плохо, погруженная в омут дурных снов. Вот она под руку, затем в обнимку, но не с Уолли Шерменом и не с Джо, а с чучелом в каске. Рано проснувшись, она спустилась вниз, чтобы сделать себе чашку кофе. Наверняка было не больше семи, только-только начинало светать, и вдруг в прихожей зазвонил телефон. Эмма побежала, чтобы поскорее снять трубку, потому что в спальне Мад тоже звонил параллельный аппарат, а бабушка не любила отвечать на звонки, не зная, кто звонит, особенно когда она толком еще не проснулась.

— Алло, — сказала Эмма.

— Эмма? — прозвучал голос в трубке. — Это Джек Трембат. Слушай, милая, не хочу волновать понапрасну твою бабушку, но Терри так и не нашелся. Миртл ждала меня на пляже, она говорит, что не видела его в тот вечер, разве что когда он с приятелями водружал на костер чучело. Мы приехали домой, думали, Терри объявится, — ты знаешь, когда молодые встречаются, у них это само собой разумеется, — но он так и не пришел. Он у вас?

— Не знаю. По-моему, все еще спят. Я пойду посмотрю.

Она подошла к комнате старших и постучала в дверь. Ответа не последовало. Комната была пуста. Она выглянула в окно: Джо уже принялся за работу, дай Бог ему здоровья, хотя было еще так темно, что она с трудом могла разглядеть дрова, которые он грузил на тележку. Кровать Терри стояла нетронутой. Эмма вернулась в прихожую. Когда она поднесла к уху трубку, то услышала голоса и, с замеревшим сердцем, поняла, что звонок все-таки разбудил Мад и она беседует с мистером Трембатов.

— Он мог пойти ночевать к кому-нибудь из ребят из техникума, — говорила Мад, — я видела двоих или троих вчера вечером на пляже. Или он спит себе в собственной постели. Эмма уже пошла проверить?

— Его там нет, — вмешалась в разговор Эмма, — и постель нетронута.

— Что ж, волноваться не надо, — сказала бабушка, — Терри сам о себе позаботится. Должен скоро объявиться.

— Надеюсь, что так, — последовал ответ, но в голосе фермера сквозило беспокойство.

На параллельном телефоне положили трубку, и Джек Трембат

спросил:

— Алло? Ты слушаешь?

— Да, — ответила Эмма, — я внизу. Бабушка повесила трубку.

— Я, собственно, звоню потому, — сказал он, понизив голос, — что я слушал местные новости в семь утра. Довольно много рассказывали о вчерашней драке между местными подростками и морской пехотой. Моряки расставили на всех дорогах посты, арестовали, кажется, несколько подростков, но где их держат, не сказали. Надеюсь, что среди них нет Терри.

— О, нет...

— Ни за что на свете не хотел бы волновать твою бабушку, но ведь если она включит радио, то в восемь новости повторят. Вашу машину пригонит Пегги. У меня тут телка приболела, так я должен за ней смотреть. Надеемся, что Терри скоро объявится.

Эмма положила трубку. Мад обязательно включит в восемь часов радио, и что тогда? Если морские пехотинцы поймали Терри, что они с ним сделают? Она поднялась к себе в спальню, торопливо оделась, потом сбежала вниз в сад, чтобы рассказать об услышанном Джо. Джо бросил на землю мотыгу.

— Мадам не должна об этом знать, — сказал он. — Я пойду искать Терри.

— Но мистер Трембат сказал, что на всех дорогах посты, а у тебя нет пропуска. Они и тебя заберут.

— Не заберут, я пойду через скалы. Может, Терри почувствовал облаву и прячется где-нибудь в пещере на берегу.

— Но зачем ему там прятаться? Он же мог пойти на ферму или вернуться домой.

Джо покачал головой:

— Не думаю. Может быть, кто-то из них засек его на пляже и ему пришлось спрятаться. А скалы эти он знает. Может там ходить с завязанными глазами. А те не могут.

Они вернулись в дом. Начинался дождь. Эмма выглянула на море и увидела, что с юго-запада идут темные облака и тучи. Военный корабль, стоявший на якоре в бухте, почти и не было видно.

— Не надо, — попросила она. — Пожалуйста, Джо, не ходи. Мы же не знаем, что происходит на самом деле. Если они арестовали Терри, то могут арестовать и тебя. Что мы тогда будем делать? Мы не можем оставаться в доме одни, без тебя.

Упрямое выражение сошло с лица Джо, уступая место

спокойствию, — какие бы тяжести ни легли ему на плечи, он должен справиться. И нет такой ноши, которой бы он не выдержал.

— Я никогда вас с Мад не брошу, — сказал он. — Вы ведь все, что у меня есть.

Они немного постояли на крыльце, молча решая, идти ему или нет, а дождь стучал по стеклянной крыше над их головами. «И это одно из мгновений, которое я буду долго помнить, — подумала Эмма, — что бы ни случилось, и, когда мне будет под восемьдесят, как Мад сейчас, я буду вспоминать, как Джо стоял здесь, а будущее его было неясно и навсегда ограничено тем, что он не может читать и писать, а мы полагались на него и он на нас. Это союз, это — любовь, доверие, мы выросли вместе, без кровных уз, но с общей верой и общим домом».

— Эмма?

Это Дотти, уже на кухне, уже на ногах; смех и болтовня малышей — началась суматоха долгого дня.

— Подожди, — сказала Джо Эмма. — Я узнаю, что делает Мад, она, наверное, уже звонила, просила свой сок.

Когда она вошла на кухню, радио уже было включено на полную громкость.

— Несколько юношей и подростков, — говорил диктор, — задержаны по подозрению в участии во вчерашних беспорядках во время фейерверка на пляже Полдри. Полковник Чизмен заявил, что он берет на себя полную ответственность за расследование этого инцидента. Все подозреваемые будут содержаться под арестом, пока не будет доказана их невиновность. Родители или родственники пропавших должны обратиться письменно или явиться лично к полковнику Чизмену, и им будет представлена полная информация.

Дотти, не зная ничего об отсутствии Терри, протянула Эмме поднос для Мад.

— Это им хороший урок, — сказала она. — Это все, конечно, хулиганы из Сент-Остелла. Пусть познакомятся с военной дисциплиной, им будет полезно.

Эмма не ответила. Она быстро взбежала по лестнице вверх, неся поднос в спальню бабушки. Мад была уже одета и держала в руке телефонную трубку.

— Мне нужен главнокомандующий, контр-адмирал сэр Джеймс Джолиф, Девонпорт.

Мад замолчала, кивнув Эмме, чтобы та поставила поднос на столик у кровати.

— Я как услышала восьмичасовые новости, позвонила сначала в полицию. Они ничего не знают. Я спросила, как мне связаться с командующим силами США. Мне дали телефон, я позвонила, и голос с американским акцентом ответил, что лично командующий на звонки не отвечает, и если я хочу узнать о чем-нибудь, то должна обратиться письменно или явиться лично. Так что я решила попробовать связаться с Джимми Джолифом. Он хотя бы посоветует, что делать.

Ждать ей пришлось долго. Сначала какой-то младший чин пытался ответить за адмирала. Наконец к телефону подошел он сам.

— Алло, — сказала Мад так громко, что было, наверно, слышно во всем девонпортском штабе, — это я. Разве вам не сказали? Слушайте, не исключено, что одного из моих ребят, Терри, вчера вечером задержали морские пехотинцы. Мы все поехали на пляж Полдри, а там, как вы, наверное, слышали, произошла потасовка между местными ребятами и военными. В штабе американцев ничего вразумительного не говорят. Вы не можете узнать у них про Терри? Что значит, я не имею к этому отношения? У вас разве нет связи с их командующим? Серьезное преступление? Подбросить пару шутих — серьезное преступление? Это же просто смешно! Вы хотите сказать, что адмирал сэр Джеймс Джолиф не может поговорить один на один с выскочкой-американцем и поставить его на место? Что? Не могу в это поверить!

На лице ее появилось изумление, и она отчаянно пыталась что-то знаками объяснить Эмме.

— Полковник Чизринг командует этим округом, и было бы невежливо и неправильно обсуждать его действия? Да, я тоже бы извинилась на вашем месте, понимаю. Более того, я бы чувствовала, что меня ни в грош не ставят. Как же, СШСК! Ладно, все ясно. Желаю удачи. До свидания.

Она бросила трубку.

— Теперь понятно, до чего мы дожили. Нас не просто продали, это капитуляция. Нас бросили. Слава Богу, силы и здоровье при мне, хоть мне и под восемьдесят. Эмма, дай мне листок бумаги, карандаш и очки. Начнем действовать организованно.

Военный совет проводили в библиотеке. Мад настояла, чтобы присутствовали все от Дотти до Бена.

— Не верю я, — сказала она Эмме, — что детей нужно отправлять играть, когда происходят такие серьезные события. Они должны участвовать в принятии решений. Даже при том, что ум у них незрелый, они часто понимают происходящее лучше нас.

Все собрались вокруг Мад: кто сел на подоконник, младшие на пол, Дотти в свое неизменное кресло с прямой спинкой; Мад кратко рассказала о случившемся. Это было не трудно, так как все слышали новости по радио, и то, что речь шла о Полдри, об их земле, то, что они сами были свидетелями описываемых событий, привело к полному единству мнений Энди, Сэма и Колина. Они были в ярости. Так же как и Дотти, мгновенно переметнувшаяся, как только узнала, что в этом замешан Терри. Когда Терри досаждал Дотти, а так бывало частенько, она называла его «этот мальчишка»; но если он попадал в какую-нибудь другую передрыгу, она ласково называла его «мой мальчик».

— Если они что-нибудь сделают моему мальчику, — пригрозила она, — я пошлю телеграмму королеве, даже если она будет в Белом доме.

Бен кивнул и зашевелил губами:

— С... ее...

Эмма схватила кусок сахара, предназначенный для старых зубов Фолли, и сунула его Бену в рот.

— Милая Дотти, я не думаю, что мы добьемся чего-нибудь, обращаясь к королеве, — сказала Мад. — Скорее всего, она сама в положении заложницы. Да, Энди?

Энди резким движением стряхнул с глаз копну каштановых волос, потом опустил взметнувшуюся в воздух руку. Он соображал быстро, но любил говорить степенно:

— Касательно заложников. Почему бы нам не захватить одного и заставить его говорить? Выбираем из двух возможных. Лейтенант Шермен или капрал Вэгг. Стоит только заманить кого-нибудь из них сюда и... — Он сделал рубящий жест, затем чиркнул большим пальцем по горлу.

— О, Энди! — воскликнула испуганная Дотти. — Что за предложение!

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнесла Мад. — Не такая уж и плохая идея. Перерезать ему горло мы не будем, а вот небольшое мягкое

внушение... — Она посмотрела на внучку. — Вчера ты пробыла с ним некоторое время на пляже, — продолжала она. — С лейтенантом Шерменом. Как ты считаешь, тебе удастся у него что-нибудь выведать?

— Вряд ли, — ответила Эмма, краснея — и когда она избавится от этой ужасной привычки? — Я хочу сказать, все зависит от обстоятельств, от того, что будет происходить вокруг. Он довольно приятный человек, если просто болтать об обычных вещах, но вчера, когда в машину полковника Чизмена подбросили шутихи, он разозлился не на шутку.

— Кстати, — вмешалась бабушка, — кто это сделал? Ответа не последовало.

— Хм, так я и думала, — произнесла Мад, и ее взгляд остановился на Колине. На лице последнего сохранялось выражение простодушного неведения.

— А ты что скажешь? Я имею в виду не историю с машиной, а вообще наши дела.

— Энди предложил очень хорошую идею, — ответил Колин, — но лучше доставить сюда капрала Вэгга, а не лейтенанта. Если появится лейтенант, то Эмма нас выдаст, покраснеет. Кроме того, капрал Вэгг пониже лейтенанта ростом, с ним будет легче справиться. Значит, так: Дотти приглашает капрала к чаю...

— Ничего такого я делать не буду, — прервала его Дотти.

— Приглашает его к чаю, — продолжал Колин, — а в чай добавит немножко виски, чтобы у него развязался язык. Затем она возьмет его под руку и скажет: «Дорогой, пойдем погуляем в саду», — Колин удачно скопировал голос Дотти, — а в это время Джо выкапывает яму — как братья в Библии — там, у края кустарника, где Мадам складывает засохшие цветы. И бац! Капрал Вэгг полетит вниз на самое дно, и никто его не услышит. Просидев там ночку, он живо заговорит.

Бен покончил с сахаром и приветственно заорал. Может быть, речь его еще не сформировалась, но с легкими у парня все в порядке.

— Простите, — сказал Сэм, сидевший рядом с Джо на подоконнике, — но я не очень понимаю, что нам нужно узнать от капрала или от лейтенанта. Если они забрали Терри, то будут его держать. Под охраной, как и всех остальных. Может быть, лучше, если Мадам сама поедет в Полдри к ним в лагерь и все узнает?

Это же так очевидно, подумала Эмма. В конце концов, диктор в новостях объявил то же самое. То же самое сказали Мад по телефону. Может, — а даже подумать об этом кажется предательством, — Мад слишком горда и чувствует, что поездка ее унижит, и что ей, может,

придется стоять в очереди вместе с остальными встревоженными родителями, заполнять анкеты, ожидать сведений от какого-нибудь служки в штабе командующего?

— Нет, — твердо сказал Джо, — если Мадам поедет в Полдри и напишет, что Терри пропал, то, если его нет среди задержанных, военные поймут, что его нет у нас. Это будет выглядеть очень подозрительно. Если же мы ничего не сообщим, то морские пехотинцы никогда и не узнают, что он не приходил домой.

Все замолчали.

— Совершенно точно одно, — объявил Колин. — Они плохие, а мы хорошие, и так тому и быть, надо помнить об этом. Пойдем, Бен, я научу тебя слову, которое Иосиф сказал братьям, пришедшим поклониться перед ним колени¹[\[10\]](#)

— Мад, — вдруг сказала Эмма, — может быть, мне лучше сходить на ферму и поговорить с Миртл? Она может знать о Терри что-нибудь, что не рассказала отцу. В конце концов, я почти ее ровесница. И, — Эмма замялась, — вчера на пляже я видела ее с капралом Вэггом. Возможно, она даже назначила ему сегодня свидание.

— Тогда она может помочь заманить его сюда в заложники, — предложил Энди.

Мад поднялась из кресла:

— Совет закончен, на сегодня все. Ребята пойдут в сад с Джо и займутся там работой. Эм, сходи на ферму и попробуй что-нибудь разузнать. Я позвоню Бевилу. Бевил — это ее врач и старый друг семьи.

— Что такое, бабушка? — спросила Эмма, встревожась. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Я здорова как никогда, — ответила Мад, — но если я скажу, что чувствую боли в левом боку, он наверняка придет. Врач — хороший источник надежной информации. Лучше нам и не найти.

«Как плохо, — думала Эмма, шагая по тропинке через поле к ферме, — что эти события заставляют нас прибегать к уловкам и к обману, нам уже не отличить друга от врага. Например, адмирал Джолиф, от которого можно было ожидать и симпатии, и хотя бы полезного совета, оказался абсолютно беспомощен, он, вероятно, вынужден в качестве главнокомандующего Девонпорта помогать американцам. Он сказал, что проект совместный, и ему ничего без американцев не сделать. То же и с Папой в Лондоне. Если Терри действительно арестован, то Папа отреагировал бы так: „Хороший урок для юного выскочки. Он слишком много о себе думает“. Эмма втайне чувствовала, что Папа немного ревнует

Мад к Терри. Мад была на вершине актерской карьеры, когда Папа был ребенком, ходил в школу. Он, наверное, считает, что, выйдя на пенсию, Мад слишком много времени и заботы уделяет Терри — чего никогда не доставалось ему.

Причины, двигающие людьми, всегда двойственны, решила Эмма. Люди принимают ту или иную сторону, в зависимости от того, что им удобно, как это может повлиять на их жизнь. Мистер Либби из «Приюта моряка» приветствовал появление в Полдри военных только потому, что они заходят к нему пить пиво. Если бы они переоборудовали трактир в штаб, а хозяина выставили, то он первым бы захотел взорвать весь пляж. Продавцу, что нарезает ветчину в супермаркете, мерещатся на прилавках горы и горы свинины, предназначенные для американцев. А вот старик Том Бейт... Старик Том Бейт не мечтает продавать пойманную рыбу морякам на берегу или на борту корабля. «Пусть оставят нас в покое, — сказал бы он, — нам здесь указчики не нужны». Старики ехидничают, молодежь бросает песок и камни. Лишь люди среднего возраста или приезжие сотрудничают с оккупантами.

Дождь хлестал Эмме в лицо, когда она перелезала через забор во двор фермы и шла к кухне. Пегги Трембат раскатывала тесто для пирожков. У этой веселой, яркой сорокалетней женщины были такие же мягкие зеленые глаза, как у Миртл.

— Привет, милая, — сказала она. — Пришла забрать машину? Джек час назад сказал мне, чтобы я ее перегнала. Извини.

— Честно говоря, я и забыла про машину, — призналась Эмма. — Я пришла сказать, что от Терри по-прежнему никаких новостей. А вы или Миртл ничего не слышали?

Миссис Трембат покачала головой:

— К сожалению, ничего. Бога молю, чтобы Терри не оказался под арестом. Джек, как и я, тоже в недоумении. Никак не можем понять, почему, если мы в едином союзе, наши, так сказать, друзья американцы хватают горячих ребят и упрятывают их неизвестно куда. Чушь какая-то. Садись-ка, Эм, выпей чашечку чая. Снимай плащ — пусть высохнет.

— А где Миртл?

— Наверху. Сейчас позову ее. — Она направилась к лестнице, затем добавила доверительно: — Она, как и мы, очень расстроена. Этот вчерашний скандал на пляже сильно повлиял на нее. Когда мы ехали на машине домой, она была бледна как полотно и не сказала ни слова. Не пойму, это из-за шума и крика или она волновалась за Терри.

— Лучше я схожу к ней, — быстро сказала Эмма. — Правда, я не хочу

чаю. Может, она захочет поговорить со мной.

— Хорошо, милочка. Но чайник я все равно поставлю. Джек и Мик вот-вот вернутся.

Миртл лежала на кровати, рядом стоял транзистор. Она вздрогнула, увидев на пороге Эмму, и сразу его выключила.

— Думала, передадут что-нибудь новое, но ничего нет. Терри вернулся?

— Нет, — ответила Эмма. — И никто из нас его не видел с того времени, как он поставил чучело на костер, — он будто растворился в толпе. Это было незадолго до того, как подбросили шутихи в штабную машину и военные разозлились. А что произошло с тобой? Я видела тебя до этого на берегу.

Миртл откинулась на кровать, крутя приемник в руках.

— Я тоже тебя видела. Ты хорошо провела время?

— Скорее наоборот, — сказала Эмма. — А ты? Миртл пожала плечами:

— Нормально.

Повисло молчание, только транзистор шумел. Миртл не настроила его как следует, и голос певца звучал искаженно. Затем она сказала:

— Ты рассказала моей маме о том, что видела меня на пляже с...? Понимаешь?

— Нет, конечно. С какой стати?

— Дело в том, что Остин — так зовут капрала Вэгга — частенько захаживает сюда с тех пор, как приходил в первый раз извиняться за Спрая, а маме с папой это не нравится, так что, когда он сказал о фейерверке, мы решили, что встретимся там на берегу.

— Что же, это вполне нормально.

— Думаю, и ты с лейтенантом Шерменом сделала так же. Понимаешь, они другие, ведь правда? Повидали много в жизни. Местные ребята поднадоели.

— Даже Терри?

Угрюмое, почти вызывающее выражение лица Миртл внезапно изменилось. Вдруг она показалась взволнованной и обеспокоенной. Миртл выключила радио, слезла с кровати и закрыла дверь. Повернувшись, она посмотрела Эмме в глаза.

— Послушай, даже не знаю, рассказывать тебе или нет...

— Но ты уже начала.

Глаза Миртл наполнились слезами.

— Все пошло кувырком, я не знаю, что делать. Не хочу подводить

Терри, да и Остина тоже. Понимаешь... — она зарыдала по-настоящему. — Я соврала маме и папе: я видела Терри вчера вечером. Он, наверно, догадался, куда я ушла, потому что, когда начались все эти крики и бросание песком, он подошел к пещере и застал меня с Остином, с капралом Вэггом.

— И?

— Ну, он просто взбесился. Начал меня обзывать по-всякому и Остина тоже. Потом и Остин разозлился, я даже не успела вмешаться, как они стали драться, не просто толкаться, а по-настоящему драться. У Остина из носа кровь пошла, а потом он обхватил Терри и собрался его избивать, но Терри схватил его за ноги и повалил. Они оба ругались на чем свет стоит, это было ужасно.

Она полезла в манжету за платочком, и Эмма обняла ее за плечи.

— Что было дальше?

— Вот и все, дальше не знаю. Остин свистнул в свисток, наверно, чтобы созвать своих приятелей, а Терри побежал от него вдоль берега. И вдруг отовсюду появились морские пехотинцы, можешь себе представить, а Остин обо мне совершенно забыл, все, что он хотел, — это догнать Терри и побить его, наверно, с помощью своих дружков. Я испугалась до смерти и кое-как добралась до стоянки у «Приюта моряка». Там должны были ждать мама с папой. Мы вернулись домой, и я не спала всю ночь, переживала.

Они сидели вместе на кровати, Миртл вытирала слезы, пытаясь успокоиться.

— Если Терри схватили, то в этом я виновата, — всхлипнула она.

— Ну что ты, — ответила Эмма, — не только ты. Мы все виноваты.

Она вдруг вспомнила, как Мад, Терри и остальные ребята делали чучело. Ведь это чучело вызвало смех, смех привел к обиде, а обида к конфликту между захватчиками и захваченными. Ведь чучело было издевкой со стороны Мад, а высмеивание разъяряет противника и отсекает мирный путь. В свою очередь Мад разозлилась из-за убитой собаки, которая, повинувшись древнему инстинкту, пыталась защитить свою территорию. И капрал Вэгг подрался с Терри тоже из-за территории.

— Миртл, — сказала Эмма, — ты и раньше выбрасывала Терри такие номера с другими. Он сам об этом говорил. Но он ни разу ведь из-за тебя не дрался?

— Да он и не стал бы драться. То есть, понимаешь, те ребята были местные, ему хорошо знакомые. Капрал Вэгг — Остин — хоть он и говорит по-английски, но все равно иностранец. Он не из наших. Поэтому я и подумала, что с ним будет интересно. Лучше бы я этого не делала. А если

он сегодня зайдет сюда, то ума не приложу, что ему сказать.

— Спроси у него, чем кончилась драка и арестовали ли его дружки Терри.

— Но я не могу — там будут мама и папа, если только его вообще впустят в дом. Видеться с ним с глазу на глаз я после вчерашнего не хочу. Дело не только в драке... Все не так...

Да, подумала Эмма, все не так. Она представила себя на месте Миртл — в пещере на берегу вместе с лейтенантом Уолли Шерменом. Вдруг кто-то из ее близких, скажем Джо, проходит мимо и замечает их. И Джо с лейтенантом начинают драться.

— Этот союз, — сказала Эмма. — Ты в него тоже не веришь, правда?

— Что таким людям, как мы, этот союз. Папа говорит, что это последний фокус коалиционного правительства. Но если это означает, что американцы приехали бить наших парней, то они могут убираться обратно, так я думаю.

— Правильно, — сказала Эмма, — но ты так не думала, когда назначала капралу Вэггу свидание на пляже?

На самом деле Эмма вспомнила лейтенанта Шермена.

— Да, — ответила Миртл, — не думала, но ведь не будешь об этом думать, когда ты на полных парах, а парень совсем новый?

С первого этажа донесся голос матери Миртл, зовущей их пить чай — чайник вскипел. Миртл еще раз промокнула глаза платком и причесалась.

— Только никому ни слова, — предупредила она, — даже твоей бабушке.

— Хорошо. Но если ты увидишь Остина — капрала Вэгга, — попробуй все-таки разузнать, не известно ли ему, что произошло с Терри.

Они спустились по лестнице на первый этаж. Джек Трембат и его сын Мик, мальчишка примерно возраста Энди, только что вошли на кухню и развешивали на дверях мокрые куртки.

— Ну как, Эмма, — сказал мистер Трембат, — о Терри ничего не слышать?

Эмма покачала головой.

— Боюсь, что не остается иного выхода, — озабоченно сказал фермер, — кроме как отправить твою бабушку к командующему морской пехотой, чтобы она лично все разузнала. Я отвезу ее. Может быть, поможет, если рядом будет мужчина.

— Спасибо вам большое, мистер Трембат, но мы не уверены, что это нужно делать. Если они не задержали Терри, то и не узнают, что он пропал. Иначе это даст им повод искать его, особенно если... — Эмма

заколебалась, — он замешан в чем-нибудь, сцепился с кем-то или что-то в этом роде.

Было похоже, что это не убедило Джека Трембата.

— Может, ты и права, но если он не у них, то как вы его найдете? Вот что я скажу. Если этот капрал опять придет к Миртл, я уж. заставлю его рассказать, что он знает.

Он посмотрел на дочь, которая сильно побледнела.

— Так, — сказала Эмма, вскочив на ноги, — спасибо за чай, но мне пора домой. Кто знает, может, какие новости появились.

— Вот что я скажу, — Джек Трембат также поднялся со стула. — Я отвезу тебя в вашей машине и переговорю с твоей бабушкой, может, смогу чем помочь. Ей не стоит ехать в Полдри одной, когда на постах продолжают допрашивать всех проезжающих, куда и зачем кто едет. Я фермер и могу объяснить все делами, а бабушке твоей труднее. Тем более что мне так или иначе нужно съездить в город: заехать к ветеринару, забрать лекарство для Зорьки. — (Так звали больную телку.)

— Как там Зорька?

— Вытянет... Вытянет...

Эмма попрощалась с миссис Трембат и Миртл, села в машину, но на полдороге ей внезапно пришла в голову одна мысль.

— Не могли бы вы отогнать машину без меня? — спросила она. — Я только что вспомнила, что обронила на поле шарф, и, пока он окончательно не промок, хорошо бы его найти.

— Как хочешь, милая, — ответил Джек Трембат, — смотри только сама не промокни.

Эмма выскочила из машины, и фермер уехал. Опять ложь и уловки, подумала Эмма, которая вовсе не роняла шарф, а вспомнила слова Миртл о том, что Терри, преследуемый морскими пехотинцами, убегал вдоль берега. А если они его избили? Если он лежит в какой-нибудь пещере или между прибрежных скал, не в состоянии передвигаться, и опасается громко звать на помощь?

Она дождалась, пока машина скроется из виду, затем повернула направо, уходя через холм от фермы туда, где пастбища круто спускались к скалам. На Эмме были джинсы и сапоги, но ее легкий плащ плохо защищал от резкого дождя и порывов юго-восточного ветра. Ветер гнал в залив белые гребешки волн, которые, шипя, исчезали на песках пляжа Полдри. Эмма увидела, что на берегу там и тут стоят небольшие группы военных, слоняются между занятыми ими пляжными домиками и автомобильными домами-прицепами. В доках не подымался дым из труб, не было видно

кораблей. Только в гавани стояли военные катера, а военный корабль, казалось, еще более отдалился, еще различимый в бурном море. Мало приятного стоять в море, когда за кормой луга и поля, подумала Эмма, интересно, там ли Уолли Шермен, — наверное, мучается от морской болезни — так ему и надо, — или уютно расположился в одной из контор на берегу, сидит за столом, расспрашивая родителей пропавших подростков.

Эмма добралась до заброшенной тропинки вдоль скал, сделанной еще береговой охраной, и посмотрела вниз, на бурлящий котел волн. Прилив дошел до половины, полоска пляжа, где она и ребята купались летом, была совершенно пустынна. Скалы, идущие от этого места до Полдри, не слишком высоки, так что любой хорошо знающий их человек, вроде Терри, в отлив мог легко перелезть через них, даже ночью, и благополучно избежать преследования. Эмма спустилась на пляж и пошла дальше. Там была пещера, где они, наплававшись, иногда отдыхали и ели и где нависшие скалы защищали от брызг прибоя. Сегодня, однако, дождь захлестывал внутрь. На пляже не удалось найти ничего, кроме водорослей и битых бутылок, да еще мертвую чайку, измазанную мазутом. Путь был проделан напрасно.

Эмма взобралась на тропинку и пошла по ней, перешагнула через ступеньки, отделявшие скалы от очередного выпаса мистера Трембата. В этом месте было много крутых склонов и подъемов. Мистер Трембат рассказывал, что при жизни его дедушки здесь пытались разрабатывать шахты, что завершилось неудачей, но земля разрыхлилась, и зимой, во время сильных дождей, у обрыва ходить опасно: почва может осыпаться под ногами, и тогда свалишься на берег прямо вниз головой. Эмма отошла от края туда, где повыше. Дождь хлестал прямо в лицо, и не хотелось в бесплодных поисках промокнуть до нитки, а тем более мистер Трембат сейчас беседует с Мад и, наверное, сказал ей, что Эмма задержалась только, чтобы подобрать шарф.

Тут в струях дождя она увидела бегущую к ней крошечную фигурку. Фигурка появилась из леса, примыкавшего к скалам с востока, леса, который когда-то стоял на земле фермы, а сейчас превратился в ничейную землю, больше того, даже в яблоко раздора между Джеком Трембатом и дачником, купившим три заброшенных домика на опушке и желавшим начать обрабатывать землю. Пока адвокаты спорили, так до сих пор и не придя к окончательному решению, странный тип, которого они с мальчишками звали бродяжкой, незаконно вселился в домик, построенный на поляне у дальнего края леса. Дачник о его существовании не знал, а

Джек Трембат отнесся к появлению нового соседа спокойно: «Пусть живет, если ему нравится, меня это не касается. Да и за овцами приглядит, коли отобьются от стада».

Эмма застыла на месте, а фигурка внезапно остановилась, прервав отчаянный бег, и, заметив Эмму, спряталась за кустом можжевельника, очевидно не желая попадаться на глаза. Эмма ждала. Человечек не двигался. Эмма была уверена, что это кто-то из ее мальчишек. Слишком велик для Колина. Слишком мал для Энди. Что он может делать здесь один, под дождем, без остальных, без Джо? Она быстро взбежала по холму к кустам, и — она была права — перед ней, скорчившись, сидел мокрый от дождя Сэм.

— Сэм, — сказала Эмма, — что ты тут делаешь? Тебе нельзя ходить сюда одному, особенно после всех этих событий, да еще и в такую погоду.

Она подняла его на ноги и взяла за руку. Сэм, несмотря на свою дружбу с Энди и благоговение перед Джо, временами казался среди них лишним. Привязанность к животным, к птицам была сильнее его чувств к человеческим собратьям. Может, из-за косоглазия, он иногда казался не таким, как все в семье; а может, таким его сделали подсознательные воспоминания о тех детских годах, когда его постоянно били.

Сэм ответил не сразу. Руки он не отдернул, не пытался вырваться. Глаза его, куда бы они ни были сейчас направлены, казалось, пронизывали насквозь.

— Я знаю, где Терри, — сказал он.

Эмма проглотила комок в горле. «Только бы не испугать его, — подумала она. — Я не должна ничего говорить второпях и не подумав. Надо помнить то, о чем всегда говорит Мад: Сэм очень чувствительный, нужно взвешивать каждое слово, иначе он замкнется в себе».

— Вот хорошо, — медленно произнесла Эмма. — Я искала его на пляже, но не нашла. Надеюсь, он надежно спрятался?

Сэм кивнул.

— Он сломал ногу, но скоро будет в полном порядке.

Нельзя его торопить, нельзя засыпать вопросами. Джо бы сюда, он знает, как с ним обращаться. Эмма помедлила, затем снова заговорила:

— Сломал ногу? Он может ходить?

— Нет, потому я и бегу домой. Хотел взять аспирин из аптечки Дотти, чтобы снять боль. Дотти не скажу, для чего он мне понадобился.

— Почему? Мы все так беспокоимся о Терри. Нужно сказать Мадам, что он сломал ногу.

— Да Мадам и Дотти-то ладно, я вот не хочу, чтобы солдаты узнали.

Они могут прийти и забрать Терри. Или застрелить, как бедняжку Спрая.

«Что мне делать, — спросила сама себя Эмма, — попробовать его разговорить? Вдруг Терри лежит где-нибудь в скалах и у него не только нога сломана, но, может, он еще и болен, опасно болен».

— Слушай, Сэм, ты ухаживал за белкой, за голубем, за разными животными и знаешь, что они должны содержаться в тепле, нельзя их бросать под дождем со сломанной конечностью или крылом. Надо срочно зафиксировать перелом.

Сэм посмотрел на нее; скорее, поверх нее, куда-то в небо.

— Мистер Уиллис зафиксировал перелом, — ответил он. — Он знает, как оказывать первую помощь, хотя говорит, что подзабыл. И он тоже не хочет выдавать солдатам, где Терри. Он их ненавидит, так же как и я.

Мистер Уиллис... Мистер Уиллис?.. Эмма никогда не слышала о таком человеке.

— Ну, знаешь, — неожиданно нетерпеливо сказал Сэм, — бродяжка. Я сразу о нем подумал, только кончился наш разговор о Терри. Он мой друг. Я пошел все ему рассказать. А Терри там, у него в домике. Вчера вечером мистер Уиллис нашел его на берегу и принес к себе. Пойдем, сама увидишь.

Домик в лесу, построенный перед первой мировой войной, первоначально служил летней беседкой для бывшего помещика, жившего в Треванале и увлекавшегося наблюдением птиц. Во время войны с Гитлером войска местной обороны использовали его как наблюдательный пункт. Позже он был предан забвению, обшивка начала гнить, и все сооружение рухнуло бы, не пояись бродяжка, незаконно в него вселившийся и превративший беседку в сравнительно уютный, сухой и теплый домик. Пока Сэм вел ее через лес, Эмма узнала, что он и Энди нередко заходили к бродяжке, но хранили это в тайне.

— Он не слишком любит людей, — признался Сэм, — говорит, они любопытные, и я с ним согласен. Чем он только не занимался за свою жизнь. Был плотником на корабле, работал на ферме, в зоопарке, в магазине электротоваров — у него есть радио, которое он сам смастерил!

Эмму не интересовала история жизни бродяжки, все, что она хотела узнать, — как Терри умудрился сломать ногу и сильно ли он сейчас страдает.

— Будь вежлива, — попросил Сэм, когда за деревьями показалась крыша домика. — Он не любит девушек и женщин, говорит, они еще любопытнее мужчин.

Эмма представляла себе темное полуразрушенное самодельное жилище, под нависшими ветвями деревьев. Она ошиблась. Бродяжка расчистил вокруг домика порядочно места и вскопал позади него грядку для овощей. Источником воды служил ручеек, бегущий по склону скалы; когда Эмма и Сэм приблизились, они увидели, что хозяин наполняет водой ведро. Обернувшись в их сторону, он узнал Сэма и облегченно вздохнул.

— Это Эмма, — сказал Сэм. — Мы встретились на поле. Она искала Терри, и мне пришлось ей рассказать. Доверять ей можно.

— Здравствуйте, — сказала Эмма.

До этого она видела бродяжку только издали. Из своего логова он пробирался на берег особым путем: по тропинке, вырубленной в скалах им самим; каждый раз, когда она с мальчишками замечала его на пляже, он, согнувшись в три погибели, собирал выброшенные на берег доски и водоросли. Зимой и летом он одевался одинаково: позеленевшая от времени куртка, фланелевые брюки, заправленные в сапоги, и кепи, надвинутое на изрезанный морщинами лоб. Как-то прошлым летом, когда

все они были на пляже и вдали появился этот отшельник, Колин имел наглость заявить, что бродяжка похож на Мад.

— Понял, — восторженно заорал он тогда, — это брат Мадам, и она разрешила ему поселиться в лесной хижине под большим секретом.

Эта история периодически всплывала в их доме, развлекая Мад. Она называла это своей «тайной виной», но прошло лето, они все реже и реже ходили на пляж, незаконный поселенец, бродяжка, он же и скрывающийся брат, понемногу был всеми забыт, кроме, как сейчас обнаружилось, Энди и Сэма. То, что его зовут мистер Уиллис, выяснилось только теперь.

Без своего привычного кепи он выглядел не так внушительно. Мягкий взгляд сквозь очки. Копна седых волос — должно быть, ему за семьдесят. Он пристально посмотрел на Эмму и сказал:

— Вы хотите повидать мальчика?

— Да.

— Тогда входите.

Он повел их в хижину. Эмму поразил его голос. Он говорил напевно (наверное, он из Уэльса?). Эмма вошла в дом, быстро окинула взглядом комнату — чисто и сухо, поленья горят в камине, — и все ее внимание обратилось на Терри. Он лежал на походной койке у стены, рядом с камином. Эмма подбежала и склонилась к Терри. На его белом лице, казалось, остались только огромные глаза.

— Терри, дорогой, — сказала она, — что с тобой? Мы так волновались. Слава Богу, ты нашелся... — Она посмотрела на бродяжку, оставшегося стоять в дверях: — Мы боялись, что его арестовали американцы.

Терри попытался улыбнуться, но она видела, что он борется с болью. Счастливчик Терри — он никогда не болел — внезапно показался таким беззащитным, юным, намного младше ее и Джо.

— Я бы загнулся, если бы не мистер Уиллис, — сказал Терри. — Уж не знаю, как ему это удалось, но он притащил меня сюда на своем горбу, по крайней мере, он так говорит. Похоже, что я был без сознания почти все время.

— Ничего особенного, — вставил его спаситель. — Я нашивал грузы и потяжелей и еще потаскаю.

Да, *это* валлийский акцент. Характерная певучесть, подъем интонации к концу предложения. Эмма снова повернулась к Терри:

— Я виделась с Миртл. Только что была на ферме. Она рассказала мне, как ты дрался с капралом Вэггом. Об этом никто больше не знает. Там ты и сломал ногу?

— Нет, не там, — прошептал Терри. Из-за боли он говорил медленно. — Он погнался за мной, он и еще четверо, и я быстро, как только мог, побежал. Начинался прилив, это меня и спасло, потому что они стали спотыкаться в воде, а я ускользнул, забравшись на Адский утес, и там спрятался в расщелине, так что они меня потеряли и, наверное, ушли обратно на пляж Полдри. Тут я, как дурак, поскользнулся и пролетел футов двадцать к подножию утеса. Даже двинуться не мог, и такая боль, что я понял, что ногу сломал. Я пролежал там, как мне казалось, около часа. Потом появился мистер Уиллис.

Мистер Уиллис продолжил рассказ сам.

— Нет, парень, не час, минут тридцать, скорее всего. Я с обрыва наблюдал за неразберихой на пляже и увидел, как они за тобой погнались. Я уж решил сам спуститься вниз и разобраться с ними, но они повернули обратно. Тут я подумал, что ты смотался от них, и пошел домой. Я храню плавник у ущелья, поэтому и решил повернуть туда, и вдруг вижу: ты лежишь, а вода уже к тебе приливает. Не мог же я тебя бросить, правда? — Он приподнял одеяло и показал, что на левую ногу Терри наложены лубки. — В свое время я работал санитаром в военно-морском госпитале. Конечно, я сделал только самое необходимое, и мальчишку нужно доставить в больницу. Вопрос в том, как это сделать. Кругом на дорогах посты. Они опять передавали сообщение, полчаса не прошло. Задерживают молодых парней, говорят, до выяснения некоторых обстоятельств.

К консилиуму у постели больного присоединился Сэм:

— У мистера Уиллиса Терри даже лучше, чем дома. К нам все время заходят морские пехотинцы. А этот лейтенант Шермен — приятель Эммы.

— Ничего подобного, — горячо запротестовала Эмма, — вовсе нет. — Она повернулась к мистеру Уиллису: — Приходится вежливо встречать офицеров, если уж они заходят в дом. Они на неделю заняли нашу конюшню, мы не могли отказать. Правда, моя бабушка не только встретила их без радости, а даже... ну... можно сказать, чуть ли не оскорбляла. Она говорит, что этот союз — сплошной обман, а на самом деле правительство продало нас американцам, или, еще хуже того, это полная оккупация.

Мистер Уиллис с интересом взглянул на Эмму:

— Так говорит твоя бабушка?

— Да.

Он почесал седую голову и улыбнулся:

— Я уже сорок лет не был в театре, но ее помню хорошо. Здорово она тогда играла. Я смотрел комедию, только названия не вспомню... Слушай, парень, что же все-таки с тобой делать? Можешь оставаться тут, пока нога

не заживет, но ведь надо наложить гипс.

— Подождите, — воскликнула Эмма. — Сегодня должен приехать наш доктор посмотреть бабушку. Придется ему рассказать.

— Она что, заболела? — встревоженно перебил ее Терри.

— Нет, она хочет разузнать, что известно доктору, какие слухи в округе, что правда, что ложь. Он же не только врач, но и друг. Мистер Уиллис, вы ведь знаете Энди? Родители Энди до того, как погибнуть в авиакатастрофе, были дружны с доктором Саммерсом, вот почему бабушка взяла Энди. Доктор знает Терри, знает нас всех.

Мистер Уиллис задумчиво произнес:

— Хотя он вам и друг, но как он поведет себя в нынешних обстоятельствах? Посты, пропуска и все такое. Всюду же хозяйничают американские войска. Они, может быть, и за больницами наблюдают. Сюда же, даю вам слово, никто не явится искать Терри. А если явится... — Он взглянул на стену. Над койкой Терри висел старый охотничий дробовик. — Ни один американский солдат не ступит за порог.

Да, он мог быть Мад братом, подумала Эмма, та же решимость, та же хозяйская гордость. Она сжала ладонь Терри, и он, поняв вдруг ее мысли, вернул пожатие и улыбнулся, невзирая на боль.

— Мистер Уиллис, — сказал Терри. — Не хочу, чтобы у вас были неприятности. Мы и так причинили немало хлопот. Уверен, что доктору Саммерсу можно доверять. Но последнее слово за вами. Это ваш дом, а не наш.

Мистер Уиллис поочередно оглядел каждого из них. Потом опустил глаза на ногу в лубке.

— Как бы то ни было, ты еще несколько недель будешь в гипсе. Никаких драк и праздничных костров. Похоже, что лучше показать тебя этому доктору.

Было решено, что Эмма и Сэм вернутся в Треванал и Эмма расскажет бабушке о том, что Терри у мистера Уиллиса.

— Идите осторожно, — предупредил ее валлиец уже на пороге домика. — Кто его знает, что у них на уме, могут быть и где-нибудь поблизости. У меня греется бульон, сейчас дам его мальчишке, — правда, аппетит у него неважный.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказала ему Эмма. — Терри — первый из тех, кого бабушка называет своими отпрысками. Он так много значит для нее.

— Это говорит в ее пользу, — сказал бродяжка. — Терри крепкий парень. И сил у него хватит не на одну такую потасовку.

Эмма и Сэм пробрались через лес на вспаханное поле и вскоре оказались дома. Шел дождь, и по-прежнему дул сильный ветер. Они оставили сапоги и плащи на крыльце, и Эмма услышала, как часы в столовой пробили одиннадцать. С тех пор как в семь утра позвонил Джек Трембат, произошло так много событий, что, казалось, уже полдня позади.

В библиотеке был включен телевизор — необычно для Мад — должно быть, она хотела послушать последний выпуск новостей. Бабушка стояла перед телевизором и выключила его, когда появилась Эмма.

— Положение осложняется, — сказала Мад. — Два взрыва в районе Фалмута. Очевидно, и там расположилась морская пехота. Всю вину они, конечно, возлагают на докеров. Где ты пропадаешь? Джек Трембат давным-давно пригнал машину и отправился назад на ферму за своим «лендровером» — он собирается прокатиться в Полдри и разузнать новости. Он сказал, что ты потеряла шарф или что-то такое.

— Я нашла Терри, — сказала Эмма.

Бабушка застыла на месте. Затем внезапно будто бы сжалась, глаза ее затуманились. Она протянула к Эмме руку.

— Слава Богу, — проговорила она.

Они вдвоем присели на диван, и через минуту Мад пришла в себя.

— По правде, говоря, все сделал Сэм, — объяснила Эмма. — Он догадался, и очень удачно, где надо искать.

Она начала рассказывать все по порядку, и вскоре Мад заходила по комнате взад-вперед, что она всегда делала, серьезно что-нибудь обдумывая.

— Должно быть, предчувствие заставило меня позвонить Бевилу, — сказала она. — Вряд ли он доберется сюда до полудня, но на это я и не рассчитывала. Как ты думаешь, Терри выдержит до его приезда? Сильно у него болит?

— Наверное, не очень, — неуверенно произнесла Эмма. — Он держится молодцом, и мистер Уиллис наложил на ногу лубки, но, конечно, Терри нужно показать врачу.

— Мистер Уиллис, — сказала Мад. — Необычное имя для бродяжки. Совершенно ему не подходит. Валлиец, говоришь? Буду звать его Таффи.

— Мад, не надо... Он вполне почтенный пожилой мужчина, особенно без кепки и у себя дома. Кстати, хижина очень опрятная.

— Какое это имеет значение? Валлиец Таффи, жулик и вор, зашел к нам в дом, украл патефон... Ему это понравится, он примет это за комплимент.

Эмма вовсе так не считала и молила Бога, чтобы бабушка не

упоминала при мистере Уиллисе эти оскорбительные детские стишки. Теперь, когда нашелся Терри, пусть и со сломанной ногой, настроение Мад достигло обычного подъема.

— Знаешь что? — объявила она, вглядываясь в потоки дождя за окном. — Схожу-ка я до обеда в хижину, прямо сейчас. Ты останешься здесь командовать обороной. Сэм уже там был, так что возьму с собой Энди.

— Но, Мад...

Она уже вышла из комнаты и прокричала на весь дом, что Терри нашелся. Нельзя этого делать, думала Эмма, до приезда доктора надо молчать и дожидаться его совета.

— ...очень приятный человек, — говорила Мад Дотти. — Вовсе и не ненормальный, учился на санитаря в больнице, любит ходить сам по себе, всего-навсего. Что? А, на пенсии, я думаю. Он валлийский бард или что-то в этом роде.

Эмма вошла на кухню.

— Мад, об этом лучше помолчать. Никто не должен знать, что Терри там, что он сломал ногу. На всех дорогах посты, ты ведь слушала новости, а морская пехота продолжает искать подростков и молодых людей, которые могли быть замешаны во вчерашнем переполохе на пляже Полдри. А после взрывов они будут бдительны вдвойне.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказала Мад. — Позови Энди, и мы пойдем.

Мад с полчаса как ушла, и Эмма, не придумав себе другого занятия, подметала в музыкальной комнате, когда услышала звук приближающегося автомобиля. Она выглянула в окно, и сердце ее сжалось. Это была штабная машина морской пехоты, и за рулем сидел лейтенант Шермен. Нет... Только не это... Он остановил машину, открыл калитку и быстро двинулся по тропинке через сад. Эмма стояла в холле, не зная, что предпринять. Придется встречать его самой. Дотти может растеряться.

— Здравствуйте, — произнесла Эмма, но довольно холодно и без особого энтузиазма.

— Привет, — сказал он. Затем улыбнулся и отдал честь. Он выглядел очень по-военному. — Узнал, что вашей бабушке нездоровится, очень жаль. Заехал, чтобы узнать, как она.

— Бабушка? — спросила Эмма. Что он имеет в виду?

— Слухами земля полнится, да и распространяются они в этих краях очень быстро. Надеюсь, вчерашние события не слишком сильно на нее повлияли. Надо сказать, мы задержали немало хулиганов.

— Она вовсе не была потрясена случившимся, — ответила Эмма. — Мистер Трембат отвез нас всех домой, и она была в прекрасном настроении.

— Да, — удивился он, — значит, сердечный приступ случился позже? Что ж, надеюсь, это не слишком серьезно, и в этом нет нашей вины.

Эмма продолжала удивленно смотреть на него. Уж не сходит ли она с ума?

— Давайте я все объясню, — сказал лейтенант. — Дело в том, что на всех дорогах расставлены посты; так как в стране произошло несколько неприятных случаев, мы останавливаем все машины и проверяем пропуски. Я командую постом в пяти милях отсюда, на шоссе Полдри, и доктор Саммерс предъявил мне пропуск и сказал, что через некоторое время поедет к вам, потому что ваша бабушка его вызвала, у нее что-то с сердцем. Так как вскорости я сменился, то решил просто из вежливости заехать к вам и узнать, как дела. Доктор уже приезжал?

— Нет, — ответила Эмма, — еще нет.

Что, если наш Мао Цзэдун, одетый в дождевик, появится сейчас со вспаханного поля за садом?

— Думаю, он скоро приедет, — заботливо произнес лейтенант. — Вы и сами неважно выглядите.

— Да, плохо себя чувствую, — сказала Эмма. Она оперлась о дверь.

— Эй, да вам совсем плохо, — продолжал лейтенант. — Надеюсь, ничего серьезного. Бабушке нужно лежать, а ей, скорее всего, это придется не по нраву.

— Да, — сказала Эмма.

На улице продолжал хлестать дождь. Уолли явно надеялся, что его пригласят в дом.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Эмма, — но мы буквально сбиваемся с ног со всеми этими... этими событиями... Бабушка очень требовательна. Я должна сидеть у ее постели. — Она на шаг отошла от двери.

— Понимаю. — Он выглядел разочарованным. — Еще только один вопрос. Вы не злитесь на меня за вчерашнее? Боюсь, я... может быть, позволил себе лишнее.

— Нет, нет, что вы. — (Боже, что она несет.)

— Спасибо... Я зайду как-нибудь в другой раз, узнать о здоровье вашей бабушки... — Он улыбнулся. — И вас повидать. — Уверенность вернулась на его простоватое лицо, улыбка намекала, что он с Эммой заодно. — Мы подружimsя и будем отлично проводить время.

Тут он еще раз отдал честь и зашагал к штабной машине. «Самодовольный осел, — подумала Эмма, — отлично проводить время, как же... Он что, надеется, я буду обниматься с ним где-нибудь в подвале?»

Он ей не нравится, совершенно точно. И никогда не нравился. Слава Богу, что Мад и Энди не вернулись, когда здесь был Уолли Шермен. И имя у него идиотское.

Машина лейтенанта только-только скрылась из виду, как на дороге появился «пежо» доктора Саммерса.

Очевидно, он серьезно воспринял телефонный звонок Мад, потому что по утрам после операции он выезжал только на экстренные вызовы. Он будет очень недоволен, подумала Эмма, и я даже не знаю, что ему сказать. Доктор Саммерс не стал звонить. Он вошел в холл и сбросил плащ. Это был мужчина лет шестидесяти, плотный, с густой шевелюрой. При первом знакомстве пациенты часто считали его манеру бесцеремонной, но вскоре начинали ему доверять.

— Здравствуйте, Эмма, — сказал он. — Как больная? Мне идти к ней, наверх? Я велел ей лежать в постели.

— Знаете, — сказала Эмма, — нам лучше пройти в музыкальную комнату. — Она закрыла двери и, собравшись с духом, продолжила: — Мад вас вызвала под фальшивым предлогом, но вы нам действительно очень нужны.

Доктор и глазом не моргнул. Он прошелся по комнате и остановился у камина.

— Под фальшивым предлогом? — повторил он слова Эммы. — Что ж, не в первый раз. Но она могла бы выбрать и более подходящий момент. Что она затевает на этот раз?

— Терри, — сказала Эмма. — Терри сломал ногу.

— Понятно. Почему же она об этом не сказала? У меня в саквояже есть кое-что от сердца, но ничего — для лечения перелома. Плохо.

— Все не так просто. Когда она вам звонила, то еще не знала, что Терри сломал ногу. Дело в том... — Эмма сделала паузу — стоит ли сейчас выкладывать историю целиком? — Дело в том, — продолжала она, — что началось это все на вчерашнем фейерверке.

— А, — улыбнулся доктор Саммерс, — слышал я об этом. Догадываюсь, что это ваша компания притащила чучело. А шутихи в машину командующего тоже вы подбросили?

— Не знаю...

— Послушай меня, Эмма. — Он взглянул на часы. — У меня мало времени. Твоя бабушка хочет со мной увидеться или нет? И где Терри? В

своей комнате? Откуда ты знаешь, что нога у него сломана?

— Его нет дома, так же как и Мад. Они в лесной хижине у бродяжки.

Доктор Саммерс внимательно посмотрел на Эмму:

— В свое время мне приходилось помогать решать ваши семейные неурядицы, но это что-то новенькое.

Эмма принялась рассказывать историю болезни и приближалась к окончанию, когда доктор Саммерс, взглянув в окно, заметил:

— Вот и она, но идет одна. Удивительно, что она не тащит Терри на спине, как этот ваш валлиец.

Они вышли в холл, чтобы встретить ее. Мад сняла кепку и отряхнулась, как мокрая собака.

— Привет, Бевил, не думала, что ты так быстро приедешь, спасибо. Эм, этот валлиец — настоящее чудо. Он рассказывал мне, как когда-то пел в хоре в Абернети. У него прекрасный голос. Я спросила, почему он не пошел учиться, но, судя по всему, у него была несчастная любовь и он ушел в море. Дотти! Давайте начнем обед. Я умираю от голода. И доктор Саммерс с нами пообедает.

— Извините, но у доктора Саммерса иные планы. — Доктор положил руку Мад на плечо и повел ее в музыкальную комнату. — Для почти восьмидесятилетней женщины с сердечным приступом вы выглядите замечательно. Если б вы хоть на минутку прекратили болтать, мы смогли бы обсудить дела. Терри разбился, так? Ваш валлийский хормейстер с разбитым сердцем наложил ему лубки, так? Он не сказал вам, какой у Терри перелом, да, видно, и не смог определить, а на машине в эти джунгли не проехать, поэтому Терри нужно нести на носилках. Наконец, — и это, по-моему, самая большая трудность, — вы опасаетесь, что из-за вчерашних событий американские командос могут разыскивать Терри, потому и эта романтическая таинственность. Пусть Дотти подает обед, а мы с Джо отправимся в хижину. Скажите Джо, чтобы он пошел со мной, у него больше здравого смысла, чем у всех вас вместе взятых. Я посмотрю Терри и тогда решу, что делать.

Мад улыбнулась Эмме:

— Что я тебе говорила? Хорошо я сделала, что вызвала Бевила?

— Когда-нибудь, — сказал ее врач, — я вас не послушаюсь. Тогда сами будете разбираться с вашими проблемами.

Уже минуло два, когда Эмма и бабушка садились обедать, и Мад включила радио, чтобы послушать краткую сводку новостей. Голос диктора звучал взволнованно новостях говорилось об их районе.

— Вслед за взрывами в окрестностях Фалмута прогремели еще два:

один у Камборна, второй на глиняных карьерах в миле от Нанпина. Сообщается также о волнениях в Южном Уэльсе. Можно предположить, что кельтская часть населения воспользовалась возможностью и дает выход недовольству коалиционным правительством и образованием СШСК. В других регионах страны спокойно. Вчера президент США, извините, СШСК, дал торжественный ужин и устроил прием в Белом доме в честь ее Величества королевы... Футбол. Из-за плохой погоды отложен матч между командами университета Эксетер и Плимут. Следующий выпуск новостей в три часа.

Нанпин... Эмма вспомнила, что приятель Терри по техникуму живет в Нанпине. Что говорил вчера Энди о каких-то друзьях Терри, которые знают, где достать гелигнит? Лучше не думать об этом. Так или иначе, Терри в этом не замешан. Сломанная нога в результате может защитить его от неприятностей. Хотя, конечно, если вдуматься, говорить так бессердечно.

Они уже поднялись из-за стола, когда раздались шаги — видимо, вернулся доктор.

— Пойдем, готовься к худшему.

Бабушка направилась к ступенькам, ведущим в холл, Эмма за ней. Доктор Саммерс уже стоял в прихожей, у телефона. Он кивнул вошедшим.

— Да, нога сломана, — сообщил он. — Я должен поговорить со старшей сестрой больницы. Она подберет ему место в палате.

— А как мы довезем его до больницы? — спросила Эмма.

— Предоставьте это дело мне. Кстати, я привел Энди обратно, он горит жаждой мести и готов сразиться с первым встречным морским пехотинцем. Найдите ему какое-нибудь дело. Алло, сестра?

Эмма нашла Энди и повела его через кухню к игровой комнате.

— Иди помоги Сэму, голубь потерялся, — приказала она ему.

— Голубь не главное, — злобно молвил Энди. — Мне нужно заточить стрелы.

— Не будь идиотом. Какие тренировки в такую погоду?

— А я и не говорю о тренировке! Знаешь, Эмма, у бродяжки есть самодельный коротковолновый приемник, и он ловит станции, которые нам не слышны. Он рассказывал о передачах мне и Терри, после того как ушла Мадам. А Терри рассказал мне, как он дрался. Здорово он отделал этого капрала Вэгга.

— Очень может быть. Но добром для Терри это не кончилось, правда? Ну, беги.

Когда Эмма вернулась в холл, доктор Саммерс уже направился к машине.

— Куда он? — спросила Эмма.

— Он должен сделать Терри укол, — ответила Мад, — но у него нет с собой нужного лекарства, он сказал, что вернется скоро, не позже, чем через четверть часа,

— Как он доставит Терри к машине?

— О, они с бродяжкой все обсудили. Кстати, я называла его Таффи, и он пришел в восторг. Сейчас они с Джо сооружают носилки.

Кажется, я начинаю понимать Дотти, подумала Эмма. В этом доме все делается чересчур быстро. Дождь почти перестал, и это было хорошо, хотя продолжал дуть сильный ветер. Она раздумывала, стоит ли надеть плащ и сапоги и отправиться в лес помочь с носилками, но только она решила это сделать, как увидела маленькую процессию,двигающуюся к изгороди со стороны распаханного поля.

— Таффи — настоящий гений, — заявила Мад, — золотые руки.

Укрытый одеялом и непромокаемым плащом мистера Уиллиса, Терри возлежал на куске ограды — или это часть от старой кровати? Джо шел впереди, бродяжка сзади. Они остановились передохнуть под раскидистыми липами у дороги, и Эмма с бабушкой пошли им навстречу. Мистер Уиллис был с непокрытой головой, так же как и Мад, и, глядя на развевавшиеся на ветру седые шевелюры, Эмма подумала, что они действительно похожи на брата и сестру, и с облегчением вспомнила, что Колин остался в игровой комнате.

— Чай, не умаялся, парень? — сказал мистер Уиллис. — Уж не очень мы тебя растрясли?

Терри попытался улыбнуться. Он был бледен как полотно. Джо молчал. Он поправил одеяло так, чтобы оно не давило Терри на ногу. Мистер Уиллис критически оглядел их дом, и Эмма поняла, что, несмотря на то что он жил всего лишь за лесом, он, вероятно, первый раз его видит.

— Как здесь дует! — сказал он. — Поди, у меня-то место поуютнее.

— Ну, сейчас еще ничего, — ответила Мад. — Вот когда дует по-настоящему, нам приходится задраивать окна, будто на корабле в море. Тогда даже дом качается.

— Охотно верю, — произнес он, не то удивленно, не то уважительно уставившись на Мад.

Интересно, подумала Эмма, сравнивает ли он ее сейчас с актрисой, виденной им сорок лет назад. Скорее бы приехал доктор Саммерс. Сгрудившись под липами, они, наверно, выглядели весьма странно. На лице Джо отражалось неодобрение, а Терри побледнел еще больше.

— В старину, — сказала Мад, — здесь, конечно, был притон

контрабандистов. У нас есть подвал, где когда-то прятали бочки с ромом. — Есть очень старинная каменная ограда, ее отсюда не видно... — Она потянула бродяжку за рукав, привлекая его внимание. Ну, подумала Эмма, ее понесло, не остановить теперь никакими силами. К счастью, дальнейшие откровения были прерваны появлением машины доктора.

— Ага, — сказал доктор, — доставлен в целости и сохранности. Ну, Терри, покажи, на что ты способен. Отойдите все.

Прихватив свой саквояж, доктор нагнулся над самодельными носилками.

— Я прорвался через пост, — продолжал он, поглядывая на Мад, — сказав дежурному, что мне нужно вернуться за сильным успокоительным для пожилой леди, с которой у меня много хлопот. В некотором роде я и не соврал. Кстати, от моей сестры я услышал, что американцы задерживают для допроса всех юношей от семнадцати до двадцати одного, хоть как-то связанных с техникумом. У двоих из них нашли гелигнит. Так что, Терри, мой мальчик, прошлую ночь ты мирно спал дома, но, к несчастью, когда ты открывал мне сейчас ворота, а я ведь мчался на полной скорости, чтоб доставить лекарство твоей умирающей приемной родительнице, мне каким-то образом удалось тебя сбить. Уж так я провинился, что буду сам ухаживать за тобой в местной больнице, чтобы тебя не перевели в Труро, где, могу поспорить, над твоим изголовьем будут сидеть военные с ручками и блокнотами наизготовку. Теперь укол, это совсем не больно.

Пока он делал инъекцию, Эмма, в принципе не выносившая уколов, смотрела в сторону. Однако это не помогло. Она почувствовала звон в ушах, и свет в ее глазах померк. Когда она очнулась, она сидела на земле, а Мад держала ее голову на коленях.

— Я и забыла, — говорила бабушка, — она всегда не выносила уколов.

Эмма подняла голову и увидела, что все закончено. Доктор и мистер Уиллис уже подняли Терри на заднее сиденье машины, и доктор похлопывает мистера Уиллиса по плечу. «Хорошая работа», — бросил он. Бродяжка поднял носилки и двинулся к фруктовому саду.

— Таффи, — закричала Мад, — вернись. Я ведь даже не успела поблагодарить тебя за помощь.

Мистер Уиллис не обратил внимания на крики. Как и у Фолли, слух у него был уж не тот, что раньше.

Удобно устроив Терри, доктор Саммерс посмотрел на Эмму:

— Когда тебе было десять лет, ты говорила, что будешь медсестрой. Пока что твои успехи на этом поприще весьма незначительны. А вы, — он повернулся к бабушке, — сказали мне, что у вас серьезный сердечный

приступ, так что предупреждаю, что, если от вас поступит очередной SOS, я проигнорирую вызов. Присматривай за ними, Джо. До свидания.

Когда машина отъехала от дома, зазвонил телефон. Эмма, немного обиженная словами доктора о детских своих мечтах, пошла ответить, несмотря на слабость в коленях. Звонила Миртл Трембат.

— Эмма, — сказала она, — у нас только что был капрал Вэгг, он сегодня в увольнении. — Миртл говорила взволнованно и почти шепотом. — Он все спрашивал про Терри, но я не сказала, что он пропал. Я только сказал, что не видела Терри со вчерашнего вечера и он, должно быть, дома.

— Не волнуйся, — ответила Эмма. — С Терри все в порядке. Мы знаем, где он. Не могу рассказать по телефону. Я зайду к вам завтра утром.

— О, слава Тебе, Господи... Но, Эмма, беда в том, что капрал Вэгг мне поверил и пошел к вам повидать Терри.

— Да, хорошего мало. Он его не найдет.

— Я подумала, что стоит вас предупредить... Кстати, он вел себя очень достойно, сказал, что ему стыдно за вчерашнее и он надеется, что никого серьезно не обидел. Я думаю, что он не собирается арестовывать Терри или что-нибудь в этом роде, кажется, он хочет просто извиниться.

— Хорошо, Миртл. Спасибо тебе.

Извиниться! Поздновато что-то, да и Терри в больнице со сломанной ногой. Хотя то, что он сорвался со скалы, не вина капрала, разве что косвенная. Эмма решила оставить при себе то, что она услышала от Миртл. Когда появится капрал, она с ним все уладит, и уж, конечно, не откажет себе в удовольствии сказать ему, что Терри в больнице под наблюдением врачей.

Возможно, капрал Вэгг передумал и благие свои намерения в жизнь не воплотил, потому что он так и не появился. Дождь кончился, и тусклый ноябрьский день угасал. Закрыв глаза, Эмма лежала на диване в музыкальной комнате. Доктор Саммерс уже позвонил и доложил, что Терри «комфортабельно» устроен в больнице, что само по себе замечательно, но Эмма чувствовала, что без него дом опустел.

Зажгли камин, опустили занавески. В половине шестого в комнату вошел Джо. Он был мертвенно-бледен.

— Эмма, — сказал он, — пойдем со мной.

— Что случилось?

Джо затряс головой. Говорить он не мог. Он тихо отворил входную дверь и позвал Эмму за собой. Дождь кончился, облака рассеялись, вечер стоял ясный. Он взял ее за руку и повел к смотровой площадке, затем к

распаханному полю. Впереди в нескольких ярдах Эмма увидела что-то темное, распростертое на земле.

Джо, по-прежнему держа ее за руку, подвел ее к телу. Это был капрал Вэгг. Мертвый, он лежал на спине, а между глаз у него торчала смертоносная стрела.

Они стояли бок о бок, уставившись в землю. Джо не выпускал ее руку. Должно быть, наконечник стрелы пронзил какую-то важную область, потому что правый глаз капрала частично вылез из орбиты — ужасное зрелище, — а вытекшая кровь уже запеклась. Они хранили молчание. Эмма пыталась вспомнить, когда звонила Миртл. В половине четвертого или в четыре? Капрал Вэгг, покинув ферму, направлялся сюда. Может быть, он сначала прогулялся по полю, потом, наверное, вышел по тропинке с фермы на шоссе и снова срезал путь полем. Он был в увольнении. Время не поджимало.

Эмма оторвала глаза от трупа и посмотрела на Джо. Она чувствовала странное спокойствие.

— Он шел к нашему дому, — сказала она. — Хотел извиниться за драку перед Терри.

— Откуда ты знаешь?

— Миртл рассказала. Это она звонила. Я никому не говорила, думала, что это ни к чему. Когда капрал так и не появился, я решила, что он передумал. Это казалось не столь уж важным.

— Могла бы рассказать мне. Я бы вышел его встретить. Может, тогда бы не произошло вот это.

— Ты прав, об этом я и не подумала. — Сначала Эмма ничего не почувствовала. Теперь ее начал охватывать ужас.

Уже стемнело, но когда дождь кончился, видимость улучшилась. Сияли огни военного корабля, стоящего на якоре, и теперь он не казался таким далеким. На другом берегу бухты светились яркие огни Мевагисси, всегда видимые в ясные вечера. Сверкнул луч маяка, погас, затем появился вновь.

— Если он не вернется в лагерь, его отсутствие заметят, — сказал Джо.

— Да.

— Кто-нибудь из его дружков мог знать, куда он направлялся. Он мог сказать им, что хочет зайти на ферму к Миртл. — Джо наклонился и аккуратно, очень бережно обхватил стрелу и попросил вытащить ее, но она не вынималась. — Не могу сдвинуть ее с места, — шепнул он, — очень глубоко вошла.

— Боже, — произнесла Эмма, — что нам теперь делать?

Вечер все прояснялся, огни военного корабля, казалось, становились

все ярче. С первым проблеском утра распаханное поле ляжет перед пилотом вертолета, как развернутая карта.

— Нужно убрать его отсюда, — сказал Джо, — и вообще от трупа избавиться. Можно вырыть в кустах яму, там, где разбросан хворост. — Он посмотрел на Эмму. Джо выглядел усталым и изможденным.

— Нет, — ответила Эмма. — Бесполезно. Узнав о его исчезновении, они отправятся на розыски и приведут собак. Они проследят его до этого места, а потом и до кустов, как бы глубоко ты его ни закопал.

— Может быть, и так... Не знаю, — сказал Джо и в отчаянии добавил: — Придется кому-нибудь рассказать. Нужен разумный совет. Может, позвонить доктору Саммерсу?

— Нет, Джо... Нельзя. Сколько он сделал сегодня для Терри: все устроил, принял вину на себя. Кроме того, как он может помочь с... с этим?

Мало времени... Мад уже удивляется, куда это она ушла, где Джо. И впереди еще проблема. Что делать с Энди? Энди должен стать их основной заботой.

— Джо, — прошептала она, — как это случилось? Могло быть такое, что он выстрелил наугад и попал в капрала случайно?

Джо покачал головой.

— Нет, — мрачно ответил он, — Энди слишком хорошо стреляет. Без всякого сомнения, он сделал это сознательно. По-моему, он вышел к пленнице, наверно, чтобы поупражняться, и заметил, что через поле идет капрал Вэгг, прицелился — и все.

— Боже, — прошептала Эмма. — О, Боже...

Ей казалось, что события сегодняшнего вечера, как и вчерашнего и всех предшествующих дней, были predetermined. Они начались с панического выстрела, сделанного неизвестным морским пехотинцем, испугавшимся Спрая. С этого фатального момента мир, окружающий их, безопасный, удобный, превратился в угрозу всем мальчишкам: Терри, Энди, даже Джо; оказавшись беззащитными, они получили любовь и заботу, а теперь снова почувствовали, как вокруг них сжимается кольцо мрачных теней. И Мад, при всей своей власти над ними, не смогла помочь. Она поощряла фантазию, развивала их воображение — и это, для Энди уж точно, оказалось ошибкой. Как может ребенок отличить правду от лжи, реальность от выдумки, когда она с малолетства питала его созданными ею образами, фантомами из загримированного мира? Разыгрываемое ею завораживающее кукольное представление довело Терри до бравады и ложной доблести, а Энди до убийства.

— Это Мад виновата, — сказала Эмма. — Нельзя винить Энди.

Джо бросил на нее гневный взгляд:

— Она даже не знает об этом, с какой стати ее винить?

Эмма развела руками, и, делая этот произвольный жест, поняла, что точно так же делает ее бабушка, когда пытается что-нибудь втолковать, — даже поза точно такая: ноги чуть расставлены, подбородок выдвинут вперед; похоже, что и она попала в сеть — или в смертельную ловушку, — из которой уже не вырваться. Ей, по крайней мере, а мальчишкам?

— Она так нас воспитала, — сказала Эмма, — меня, тебя, всех нас. Теперь мы начинаем за это расплачиваться, сначала Терри, потом Энди.

Гнев в глазах Джо сменился жалостью, затем отвращением:

— Есть такая поговорка, ведь правда, насчет того, что нельзя платить черной неблагодарностью. Никто не думал, что ты скажешь такое. Страшную мы сделали находку, и она потрясла нас обоих, тебя в особенности, я тебя не виню, но сваливать вину на нее...

Он еще раз наклонился и, взяв тело капрала за ноги, оттащил его со вспаханного поля в заросшую ежевикой канаву под каменной оградой. Непокрытая голова капрала подскакивала при движении, стрела, торчавшая между глаз, дергалась взад-вперед, и Эмма смотрела, загипнотизированная, думая, что когда-то это было человеком — дышащим, улыбающимся. Вчера вечером он обнимал Миртл и занимался с ней любовью на пляже Полдри. Тошнота подступила к горлу, Эмму вырвало, и она вдруг почувствовала, что не испытывает больше ни злости, ни страха. Мы боимся живых, а не мертвых, тело, лежащее в канаве, — ничто, шелуха, как бы мы над ним ни надругались, ему это уже не важно — огонь погас.

— Я знаю, что делать, — сказала Эмма. — Придется сказать мистеру Трембату. Если морские пехотинцы придут завтра на ферму и начнут задавать вопросы, он все равно будет впутан в это дело из-за Миртл. Но она не должна знать, что произошло и что капрал Вэгг мертв. На допросе Миртл мгновенно все выложит.

Джо на секунду-другую задумался, потом кивнул:

— У него есть «лендровер». Для начала мы можем погрузить тело в машину. Может быть, завалить навозом. А потом окончательно решим, что предпринять. Думаю, ты права. — Он взглянул на дом. — Который час?

Эмма посмотрела на часы.

— Ровно шесть.

— Пойду на ферму, — сказал Джо. — Они сейчас садятся пить чай, уже подоили. Я вызову мистера Трембата, скажу, например, что случайная овца отбилась от стада или что-нибудь такое. Потом приведу его сюда. А ты

лучше прокрадись домой, а если Мадам спросит, где я, Расскажи ей эту же историю с овцой.

Он тут же унесся вдоль живой ограды, что шла по границе Треванала. Эмма смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида, и, переведя взгляд на труп в канаве, попыталась представить, что бы она чувствовала, если бы перед ней лежал не малознакомый капрал Вэгг, а Джо или Терри. Человек не страдает, пока судьба его самого не ударит, или страдает, но при этом приучает себя терпеть — вот почему врачи умеют сохранять спокойствие и медсестры тоже; но если бы они не приучали себя, то не выдержали бы. Потому и Мад держится храбро в напряженных ситуациях и выглядит молодцом — она играет роль, обучена быть кем-то другим, и скрытую ее сердцевину не затронуть. Войдя в дом, Эмма столкнулась с Колином и Беном, направлявшимся из библиотеки мыться и ужинать.

— Привет, — сказал Колин. — Ты где была?

— Подышала воздухом. Чем заняты Энди и Сэм, не знаешь?

— По-моему, они в игровой комнате. По крайней мере, Сэм там был. Он сел писать письмо Терри в больницу, чтобы подбодрить его. Иду, иду. Дотти!

Колин тяжело вздохнул, как будто нетерпение пожилых взрослых — это обуза, смиренно несомая им всю жизнь, пожал плечами, закатил глаза к небу и, как девяностолетний старик, двинулся вслед за Беном на кухню. Хорошо хотя бы, что он ничего не знает, ведь он ни за что не смог бы сохранить это в тайне, подумала Эмма. Она вошла в библиотеку. Бабушка смотрела новости.

— И зачем он только носит этот отвратительный пятнистый галстук! — воскликнула она. — Хотя бы кто-нибудь сказал ему, что такой галстук не подходит к его цвету волос. Опять рассказывают о взрывах, так я и знала. Выключи телевизор, Эмми. Не могу больше. — Она откинулась на спинку кресла и сняла очки. Затем посмотрела на Эмму: — Что-нибудь случилось, милая?

— Нет... — Голос ее выдает. Неубедительный.

— Случилось. Тебе опять плохо?

— Нет, что ты. Устала немного.

Джо скоро будет на ферме. А что делать, если мистер Трембат уехал в Полдри и дверь откроет Миртл?

— Все-таки что-то случилось, — проговорила Мад, откинувшись в кресле. — Эмма, в чем дело?

Ну, что ж.

— Случилось ужасное, — сказала Эмма. — Мы с Джо только что

нашли труп на поле у каменной ограды. Это тело капрала Вэгга. Он убит — стрела вошла между глаз. Стрела осталась там, так же как и тело. Джо отправился на ферму, чтобы позвать мистера Трембата.

Эмма почувствовала дрожь во всем теле, но голос ее звучал твердо. То, что она высказалась, помогло ей избавиться от напряжения. Мад выглядела озадаченной. Выражение лица будто у глуховатого человека, который толком не расслышал. На сей раз это не наигранно, по-настоящему.

— Капрал Вэгг? — повторила она. — Тот военный, что жил в конюшне, когда они все там квартировались? Ты хочешь сказать, что он мертв?

— Да, — ответила Эмма. На этот раз она говорила медленнее. — Он лежит на поле мертвый, убитый одной из стрел, что ты дала Энди.

На этот раз до Мад дошло. Недоумение сменилось удивлением, удивление пониманием. Но не ужасом. Вот что ужасно.

— Значит, это сделал Энди, — сказала Мад. — Очень неосторожно с его стороны не забрать стрелу. И почему он не пришел ко мне и не рассказал?

Эмма взглянула на бабушку, ушам своим не веря. Может, потрясения плохо на нее подействовали? Или старость свое берет?

— Мад, капрал убит, убит ребенком, которому еще нет двенадцати лет. Ты понимаешь, что это означает?

Мад нетерпеливо развела руками:

— Конечно, понимаю. За кого ты меня принимаешь? Не надо мелодрам. Мы не должны терять хладнокровия, Джо, слава Богу, не растерялся. С его стороны было весьма разумно пойти на ферму и разыскать Джека Трембата.

— Вообще говоря, — сказала Эмма, — это была моя идея.

— Вот и хорошо. Жалко, что нет Бевила, он бы что-нибудь придумал. Он и бродяжка. Если Джеку Трембату понадобится дополнительная помощь, а это вполне возможно, мы всегда можем обратиться к Таффи. Не так-то просто избавиться от тела. — Она поднялась из кресла и заходила взад-вперед по комнате. — Сбросить его с утеса, будто бы он свалился сам, нельзя из-за раны от стрелы — выстрел между глаз, так ты сказала? Ужасно выглядит, да?

Эмма не ответила. Она все смотрела на бабушку.

— Эм, дорогая... — Ласковая ладонь на голове, тепло в голосе полны любви и сочувствия, но почему-то нет настоящей близости. — Может, выпьешь чего-нибудь крепкого? Есть бренди — в шкафчике в столовой. Может, и я выпью, но не сейчас, попозже.

Эмма машинально прошла в столовую и налила в бокал неразбавленного бренди. Вкус отвратительный. Ей ужасно не понравился. Тем не менее бренди помогло, прибавило сил. Эмма вернулась в библиотеку.

— Что теперь? — спросила она.

— Иди позови Энди. Малыши должны уже быть в ванной.

Кроме силы бренди добавило и храбрости. Если мы начнем расспрашивать Энди, не испугается ли он, не заплачет ли, возможно, будет отрешиваться от случившегося? Вероятно, будет лучше, если они будут молчать, если все — она, Джо, Мад — притворятся, что ничего не знают, и наутро, когда труп уже не будет, Энди может подумать, что ему весь этот кошмар привиделся, что это был дурной сон. Они не готовы к такой ситуации. Ни она, ни бабушка. Может быть, лучше все-таки сообщить доктору?

— Мад, разговаривай с ним очень осторожно. Знаю, он не такой ранимый, как Сэм, но, с другой стороны, он, может быть, без ума напуган, боится, что все раскроется. Вдруг он решит убежать, вдруг...

— Да, поспеши же, моя хорошая. Самое главное — не упустить время.

Эмма подошла к спальне средних, но войти не осмелилась, не доверяя себе.

— Энди? — позвала она.

— Да?

— Подойди в библиотеку, пожалуйста. Иди один, без Сэма. Мад хочет с тобой поговорить.

Она трусливо не стала дожидаться его появления. Вернувшись в библиотеку, Эмма села на диван и притворилась, что читает программу радиопередач. Когда Энди вошел в комнату, она украдкой подняла на него глаза. Он выглядел как обычно. Разве что волосы растрепаны.

— Дорогой, — сказала Мад, — ты страшно напугал бедняжку Эмму. Она вышла подышать воздухом на смотровую площадку и увидела на поле мертвого капрала Вэгга с одной из твоих стрел в голове. Она пришла ко мне, и я вынуждена была дать ей бренди.

— А меня зачем звали? — спросил он.

Энди повернулся к Эмме, которая стояла, вся похолодев от ужаса.

— Ах, Эмма, прости меня, но я не хотел, чтобы ты это видела. Я ждал, когда Джо вернется в игровую комнату, и хотел рассказать все ему.

Эмма ничего не ответила. В бокале оставалось еще немного бренди. Она взяла его и допила.

— Почему ты не пришел ко мне и не рассказал? — спросила Мад.

— Да я не мог, — объяснил Энди. — Здесь только что проходили Колин с Беном, и я не хотел, чтобы они узнали. Я не смог найти Джо и рассказал все Сэму. Мы попробовали вытащить стрелу, но она крепко застряла. Я попал с одного выстрела, должно быть, его сразу убило, потому что он не дышал.

— Понятно, — сказала Мад. Она помедлила, затем спросила: — Как это произошло? Ты целился в него?

— Конечно, да, — ответил Энди. — Я прятался за дровами у смотровой площадки, а он шел по полю. Я узнал его. Это был капрал Вэгг. Солдат, который подрался с Терри; и я догадался, что он идет искать Терри, не зная, что тот в больнице. Так что, подумал я, приготовлю ему встречу, прицелился и попал. Он даже не вскрикнул, просто свалился.

— Хм, — произнесла Мад. Она принялась чуть слышно насвистывать. — Беда в том, — продолжила она через некоторое время, — что морские пехотинцы обнаружат пропажу и могут прийти искать его, зная, что он у нас бывал.

— Да, — сказал Энди, — мы с Сэмом думали над этим. Мы спрятали лук и стрелы в моем укрытии у трубы, так что оружие им не найти. Труп нельзя оставлять, вот в чем трудность.

— Знаю, — согласилась Мад. — Что ж, Эмма обговорила это с Джо, и он отправился на ферму за мистером Трембатом. Ему можно доверять. Они что-нибудь придумают.

— Вот это здорово, — облегченно вздохнул Энди. — Я за это сильно волновался. Ведь когда у мистера Трембата умирает овца, он роет яму и хоронит ее. Я видел, как он это делает. То же самое он может сделать с капралом.

— Возможно, — сказала Мад. — Подождем, что он скажет. В любом случае, младшие об этом знать не должны и Дотти, конечно, тоже.

— Конечно.

— Скажи и Сэму, чтобы он молчал... Как он отреагировал, когда ты рассказал об этом?

— Сэм? Он сказал, что это отличный выстрел, жалко только, что нельзя добраться до того солдата, который застрелил Спрая, вот тогда будет по-настоящему справедливо.

— Ага... Ну что ж, дорогой, утром я расскажу тебе, что придумают Джо и мистер Трембат. Кстати, звонил доктор Саммерс, сказал, что с Терри все в порядке и он прекрасно устроился в больнице.

— Отлично. Бедняга Терри, он будет скучать там, вдали от всего. Но все равно он отомщен. Спокойной ночи, Мадам, спокойной ночи, Эмма.

Энди ушел. Наступила тишина. Внучка посмотрела на бабушку.

— Неужели ты не понимаешь, — медленно произнесла Эмма, — что он даже не догадывается, что совершил преступление?

Мад взяла бокал Эммы, увидела, что он пуст, и поставила на место.

— Понимаю, — ответила она, — и если ты думаешь, что сейчас подходящее время втолковывать ему это, то ты плохо знаешь Энди. — Она поднялась из кресла, подошла к электрическому обогревателю и выключила его. — Если ребенком ты оказался единственным оставшимся в живых после авиакатастрофы, тебя нашли невредимым под телом отца, то это серьезная травма. Однажды ты ответишь на удар. К несчастью для капрала, такая возможность представилась сегодня.

— Но, Мад... — Эмма тоже поднялась на ноги — совет, очевидно, окончен. — Ты хочешь сказать, что Энди так или иначе кого-нибудь убил бы, что он — ну, психопат какой-то?

Бабушка сочувственно посмотрела на нее.

— Конечно нет, дорогая. Энди — совершенно обычный ребенок, но с глубокой раной, которую нелегко залечить. В обычных условиях он мухи не обидит. Но не забывай, что настали необычные времена. Он смотрел на этого солдата как на врага, оккупанта, который пытался избить Терри. Если быть до конца откровенной, то я согласна с его точкой зрения.

Она прошла в холл, затем в прихожую и принялась надевать сапоги.

— Ты куда? — спросила Эмма.

— Узнать, что решили Джо с мистером Трембатом. Хочешь, пойдем то мной.

Вместе они дошли до смотровой площадки. Темный силуэт «лендровера» виднелся чуть поодаль, у кустов. У каменной ограды, рядом с канавой, стояли двое — Джо и фермер. Джек Трембат нагнулся. Им не было видно, чем он занят, но Эмма догадалась. Он пытался вытащить стрелу, застрявшую в голове. Эмма удивилась, что у нее нет ни тошноты, ни слабости, ведь не далее как сегодня, увидев, как Бевил Саммерс делает Терри укол, она упала в обморок. Впрочем, причина понятна. Терри — это их семья, капрал Вэгг — нет. Капрал Вэгг — один из армии оккупантов, как говорит Мад, и несчастный случай привел его к смерти. Может быть, у него в Америке жена, дети, родители, может, он шел в Треванал, чтобы искренне помириться с Терри; вместо этого Энди убил его. Мне уже все равно, подумала она, не чувствую потрясения, даже не тошнит. Может, я уже приучилась... Но к чему?

— Готово! — Джек Трембат, удовлетворенно хмыкнув, наконец вытащил стрелу. — Не сломалась. Повезло, — сказал он Джо. Он вырвал на

краю канавы клок травы и вытер наконечник и древко, потом бросил траву на землю.

— Вот этого делать не стоит, — тихо обратилась к нему Мад, — там ведь осталась кровь.

Фермер поднял голову и увидел их обеих, стоящих у каменной ограды.

— Правильно, — сказал он, — надо быть осторожнее. Он поднял траву и, сходя к «лендроверу», принес мешок и положил в него испачканный пучок травы и стрелу.

— От этого избавиться легко. Проблема больше с самим трупом. Не лучше ли вам и Эмме вернуться домой, предоставив это дело нам?

— Нет, — ответила Мад. — Я хочу знать, что вы решили.

Джек Трембат обернулся назад и посмотрел на море.

— К сожалению, просто сбросить его со скалы, будто бы он оступился, нельзя. Эта чертова рана между глаз. От падения такой не получишь.

— Можем отнести его на берег, — предложил Джо, — и его смоем отливом.

— А что у нас сейчас творится с морем? — спросил фермер. — Около часа тому назад начался прилив. Вчера, по-моему, прилив был самый высокий. Сегодня прилив будет ниже. Нет никакого смысла нести его на берег, так никого не обманешь.

— Кроме того, — вставил Джо, — если они смогут проследить его до этого места, — а Эмма говорит, что они могут привести розыскных собак, все может быть, — покажется очень странным, если его след вдруг оборвется там, где начинаются следы вашей машины. И в «лендровер» его нельзя класть. Если они будут все тщательно проверять, то могут и в нем найти следы.

Наступила тишина. Джек Трембат почесал подбородок и уставился на труп. Ветер снова усиливался, и по небу неслись облака. Упали первые капли дождя.

— Смотрите, — сказала Эмма, — по полю кто-то идет.

Джо и фермер отступили за кусты. Эмма инстинктивно увлекла за собой бабушку за ствол дуба.

— Стоп, — сказала Мад. — Да это бродяжка! Человек не спеша брел из леса по распаханному полю.

— Да, — подтвердил Джо, — это мистер Уиллис. Джек Трембат выругался шепотом.

— Не волнуйтесь. Попробую от него избавиться. Мад вышла из-за ствола дерева.

— Нет, — сказала она, — он наш человек. Уже помог нам сегодня и, если я хоть немного разбираюсь в людях, поможет еще раз.

Фермер помог ей перебраться на поле, и, когда бродяжка приблизился — а он явно заметил их небольшую компанию у каменной ограды, — Мад подняла руку и помахала ему.

— Странный малый, но безвредный, — прошептал Джек Трембат, — правда, в таком положении, как мы сейчас... Вы в нем уверены?

Мад не ответила. Она подождала, пока валлиец подойдет совсем близко, и дала заговорить ему первому. В руках он нес свитер Терри.

— В суматохе парнишка оставил вот это, — сказал мистер Уиллис. — Я подумал, что свитер пригодится ему в больнице. Не хотел вас тревожить, думаю, зайду с черного хода и отдам. Добрый вечер, мистер, — кивнул он фермеру и взглянул на «лендровер»: — Что, овца отбилась от стада?

— Нет, — сказала Мад. — Боюсь, мы снова попали в беду. На сей раз очень серьезно.

Она взяла валлийца за руку и подвела к труп, лежащему в канаве. Мистер Уиллис посмотрел вниз, затем чуть слышно присвистнул.

— И правда беда, — сказал он. — Откуда такая глубокая рана?

— Это Энди, — ответила Мад. — У него есть весьма смертоносные стрелы — вот он с ними и прятался за каменной оградой, а в это время к нам с фермы шел этот солдат. Энди прицелился и попал.

— Хорошо прицелился, — сказал мистер Уиллис. — А где стрела?

— У меня в мешке, — ответил Джек Трембат. — Проблема не в ней, а в труп, правда?

Мистер Уиллис не ответил. Он обошел вокруг распростертого на земле капрала, как будто хотел осмотреть его со всех возможных углов, затем склонился над телом, чтобы рассмотреть получше.

— Кровь запеклась, — сказал он. — Хотя и на земле есть кровь. С этим мы управимся. А что ему здесь понадобилось?

Мистера Уиллиса ввели в курс дела. Он кивал головой и не задавал вопросов.

— Кто, кроме Миртл, может знать, что он был на ферме? — спросил он у мистера Трембата.

— Насколько мне известно, никто, — ответил Джек. — Мы с Миком были заняты дойкой. Жена была дома. Она ни слова мне не сказала о капрале. Полагаю, что Миртл быстро его выпроводила. Она знает, как мы к нему относимся.

— Затруднение еще в том, — сказал Джо, — что мы не знаем, сказал ли капрал о том, куда идет, своим приятелям. Он был в увольнении,

понимаете. Миртл это знала.

— Нужно сделать так, чтобы показалось, что он шел сюда, но затем передумал, — сказал мистер Уиллис. — На середине поля свернул с тропинки к скалам и пошел на берег. Если будут искать следы, то на тропинке их уже не осталось, несмотря на дождь, земля слишком плотная. Хотя запах останется, конечно.

Джек Трембат внимательно выслушал его, но выглядел озадаченно.

— Что-то не пойму, к чему вы клоните. Валлиец еще раз посмотрел на «лендровер».

— Сколько у вас мешков?

— С полдюжины, может и больше.

— Хорошо, принесите их и немного шпагата и, если есть, моток крепкой веревки.

Мад отошла к ограде, протянула руки Эмме, та наклонилась вперед и помогла ей перебраться.

— Что я тебе говорила? — шепнула Мад. — Я знала, что он возьмет дело в свои руки.

Джек Трембат принес из «лендровера» мешки, шпагат и веревку. Мистер Уиллис присел и начал обертывать мешками голову, плечи и туловище капрала, обвязывая мешки шпагатом. Дойдя до ног, он без колебаний стащил с мертвеца ботинки, затем снял свои, повесил их себе на шею и обулся в ботинки капрала.

Он поднял голову и подмигнул фермеру.

— Не то чтобы они мне приглянулись, но так на земле останется запах, будто бы он сам шел. Береженого Бог бережет.

Мистер Уиллис протащил под тело, ставшее похожим на тюк, веревочную петлю и закинул его на плечи. На шее у него висели его собственные ботинки, а длинный тюк, из которого торчали ноги в носках, был заброшен на спину. Он поглядел на компанию, напряженно за ним наблюдающую.

— Вчера вечером, — сказал он, — я тащил с берега живого парня. Сегодня тащу туда на спине мертвого. Куда легче — не надо волноваться о сломанных костях. — Он остановился на секунду и оглядел их всех. — Полежай в «лендровер», — сказал он фермеру. — Обьедь вокруг поля. Скоро увидимся. — Потом он улыбнулся Мад, стоящей рядом с Эммой у ограды: — Мне за свою жизнь много чего приходится делать — бывало и похуже, чем это. Если мужчина не может помочь соседу, тем более женщине, что это тогда за жизнь, правда?

Он зашагал по тропинке тем же путем, что пришел, повернул, дойдя

до центра распаханного поля, на тропинку к пастбищу и за ним к утесам. В такт шагам на спине его болтался груз, ноги свисали до земли. Они наблюдали за ним, пока он окончательно не скрылся из виду. Джек Трембат сделал Джо знак, и они полезли в кабину грузовика. Через несколько секунд завелся двигатель и «лендровер», держась у самого края, двинулся в объезд поля. Огни Мевагисси за бухтой подмигивали в ночи, огни военного корабля сияли ярко и непрерывно.

— Вот и все, — сказала Мад. — Они с этим разберутся.

Она развернулась и направилась через двор к дому. В прихожей они разулись.

— Думаю, — сказала Мад, — пришла пора мне попробовать бренди. Совсем чуть-чуть и побольше содовой.

— Может, мне лучше заглянуть к Энди, посмотреть, как он? — спросила Эмма.

Мад немного подумала.

— Он в порядке, но сходи, если хочешь. Скажи, что все улажено, и поцелуй его от меня.

Эмма прошла на кухню, направляясь в спальню средних мальчишек. У плиты Дотти готовила ужин.

— Все отправились спать, как ангелочки, — сообщила она. — Благословен будь этот дом, вот что скажу. Но так бывает редко.

Эмма осторожно открыла дверь в комнату мальчишек. Полная темнота. Кто-то из них пошевелился в постели.

— Это я, — шепнула она.

Энди присел в постели и направил в ее лицо луч фонарика.

— Сэм спит, — прошептал он, — не буди его.

С закрытыми глазами Сэм выглядел иначе: на лице спокойствие и безмятежность. Поблизости в своем гнезде устроился на ночлег голубь, нахохлил перья, скрючил шею. Белка свернулась калачиком.

— Все в порядке, — сказала Эмма. — Мад просила тебе передать. Дело улажено. И я должна тебя поцеловать за нее.

Она так и сделала. Энди похлопал ее по плечу.

— Прости, из-за меня ты напугалась, — сказал он. — Надеюсь, тебе не будут сниться кошмары. А Джо с мистером Трембатом?

— Да. И бедняжка пришел, принес свитер Терри. Он всем руководит. Утром Джо тебе расскажет.

— Это здорово. Мистеру Уиллису можно доверять во всем. На самом деле он друг Сэма, но хочу, чтобы он был и моим другом.

Вдруг он задумался, и Эмма, забеспокоившись, подумала, что,

вероятно, в глубине его души пробивается осознание совершенного им убийства.

— Знаешь, — сказал он. — До того как ты вошла, я думал о том, как жаль, что моего отца нет в живых и я не могу ему рассказать.

Эмма взяла его ладонь в свою.

— Почему? — спросила она.

— Тебе не понять, — сказал он, помотав головой. — Ты, в конце концов, девчонка. Мне кажется, что Мадам понимает, но она старая. — Лицо Энди медленно осветилось улыбкой. — Сын должен поведать отцу о том, что убил первого врага. Он выключил фонарик и отвернулся к стене.

На следующее утро о пропавшем морском пехотинце в местных новостях ничего не было. Основное место в газетах, по радио и телевидению занимало сообщение о новом финансовом соглашении между СШСК и их союзниками, отмечалось, что создание этой представительной ассоциации государств будет способствовать развитию между ними оживленной торговли. Новый оборонительный союз англоязычных народов, названный ЕСПДА, займет место, которое в прошлом занимало НАТО, но роль его будет намного больше, так как ядерные базы расположатся по обеим сторонам Атлантики с севера на юг, равно как в Тихом и Индийском океанах. В случае возникновения войны между ЕСПДА и иностранными державами — что, как рьяно утверждали авторы передовиц и ведущие новостей, никогда не должно произойти — оборона и нападение, видимо, будут производиться силами атомных подводных лодок, несущих ракеты необычайно дальнего радиуса действия.

Роль Великобритании будет выработана по прошествии некоторого времени. Следует понимать, что расцвет ее как великой индустриальной державы позади, в будущем она видится в качестве исторического и культурного центра англоязычных народов. Точно так лет назад люди тысячами отправлялись проводить отпуска в Коста-Браво в Испании, ныне туристы миллионами потекут изучать страну, которая дала миру Шекспира, Милтона, лорда Байрона, лорда Оливье, Нельсона (не совсем только понятно, почему их перечисляют в таком порядке), Флоренс Найтингейл^[11] и других. Масштабы буквально потрясали. «Нет графства в Англии и Уэльсе, — писал бойкий сторонник этих планов, — не отмеченного историей. Король Иоанн подписывает Великую Хартию^[12] в Раннимеде... Ричард III теряет корону при Босворте... Война Алой и Белой розы... эти и еще бесконечно много других сцен можно представлять для гостей. Для пущей привлекательности гостиницы и рестораны можно переделать в старинные постоялые дворы. Борьба с медведем, петушиные бои, рыцарский турнир, дуэли, разбойники с большой дороги в масках, восседающие на лошадях, — туристы могут наблюдать за всем этим на комфортабельном крытом стадионе или даже из машины».

Это были выдержки, которые Мад вслух зачитывала внучке. Потом швырнула газету в угол комнаты и взяла местный еженедельник. Смысл сообщений сохранился, хотя энтузиазма было чуть поменьше. «В течение

долгого времени в нашем районе сохранялся высокий уровень безработицы, — говорилось в передовице. — Вступление в СШСК может помочь разрешить эту проблему. Наши партнеры за Атлантическим океаном считают, что добыча корнуолльской глины находится в упадке. Вследствие этого стоит больше внимания уделить туризму». Короткий отчет рассказывал о взрывах в различных частях графства. С криминальными элементами будет покончено, и все местное общество должно спокойно продолжать заниматься повседневными делами. Если выходные пройдут без происшествий, то в понедельник откроются школы.

— Что ж, это хорошо, — сказала Эмма. — Не надо будет ломать голову, что делать с мальчишками от девяти до четырех. Беда только в... — Она подумала об Энди. Будет ли он держать язык за зубами, как обещал, или желание похвастаться перед школьными товарищами окажется сильнее?

— Не беспокойся, — сказала Мад. — Знаю, о чем ты думаешь. Мне не стоит говорить с ним, это сделает Джо, если уже не сделал. Ты видела Джо?

— Нет, когда я пошла завтракать, его не было на кухне. Дотти сказала, что он поел раньше и ушел.

— По моей инструкции, — прокомментировала бабушка. — Я послала его на ферму, чтобы убедиться, что наша с Трембатами версия совпадает, учитывая, конечно, что Миртл и ее мать ничего не знают. Все остальное уже улажено. Когда Джо вчера вернулся, он мне доложил.

Так вот почему свет в той части дома, где находится спальня Мад, горел почти до полуночи. Эмма легла рано и видела свет из своей спальни.

— Что они сделали?

— Спроси у Джо, — ответила бабушка. — Таффи избавился от своей ноши. Я так и думала.

Зазвонил телефон, и Мад потянулась за трубкой.

— Подожди, — сказала Эмма, — не забывай, что вчера ты якобы перенесла сердечный приступ. Неизвестно, кто звонит.

Мад протянула трубку ей.

— Не нервничай, — посоветовала она, — но будь осторожна. Если спросят про меня, то отвечай, кто бы ни спрашивал, что мне значительно лучше. Сердечный приступ свое дело сделал, я не хочу весь день сидеть в комнате.

Эмма кивнула.

— Да, Треванал слушает, — сказала она в трубку.

Незнакомый голос произнес: «Одну минуточку, пожалуйста». Она удивленно подняла брови, пожала плечами и прислушалась. Потом на

линии появился знакомый голос, требовательный, несколько повелительный. Это был Папа.

— А, — сказала Эмма. — Это ты. — (Она бесшумно шепнула Мад, что это Папа.)

— Ты меня слышишь? Тебя слышно очень плохо, — сказал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Что это там Мад вытворяет, выступала на каком-то там собрании, оскорбила депутата парламента? Не спрашивай, как я узнал об этом, — у меня свои каналы. Она много дров наломала. Надо прекратить подобные выходки. И это еще не все. Вы ведь отличились на праздничном фейерверке на пляже Полдри? Если ей не хватит ума быть осторожней, то дело кончится тем, что ее посадят под домашний арест за попытку нарушения общественного спокойствия или, еще хуже, отправят в психушку. Она дома? Дай мне с ней поговорить.

— Подожди — сказала дочь. Она закрыла трубку ладонью. — Тебе лучше подойти, — прошептала она Мад, — похоже, он в ярости. Знает о собрании и о фейерверке.

Она передала трубку бабушке. Мад улыбнулась и устроилась поудобнее на подушках.

— Вик, дорогой, это ты? — снисходительно проговорила она. — Как хорошо, что ты позвонил. Слава богу, мне намного лучше. Приезжал Бевил и дал таблеток. Однако, пока был приступ, я себя чувствовала не слишком приятно. Ужасно кололо сердце.

Эмма услышала поток вопросов, хлынувший с другого конца линии. Звуки походили на ускоренную магнитофонную запись, пущенную в обратную сторону.

— Как? А я думала, ты звонишь из-за этого, — продолжала Мад. — К тебе ведь новости доходят быстро. Нет, говорю тебе, мне намного лучше, Бевил прописал постельный режим на двадцать четыре часа. Нет, другой врач вряд ли понадобится. Что ж, если будет второй приступ... Да, у меня масса таблеток. — (Она состроила внучке восторженную гримасу.) — Много работаю? Нет, я спокойно провожу время. Более спокойно, чем ты, как мне кажется. Правда, у нас было одно неприятное происшествие, которое всех нас расстроило. — (У Эммы замерло сердце.) — Бедняжка Терри в больнице, он сломал ногу. Так глупо все произошло. Бевил, когда ехал меня смотреть, слишком резко свернул на подъездную аллею и ударил бампером Терри, который встречал его у ворот. Да, это неосторожно с его стороны, но он беспокоился обо мне... Нет, дорогой, тебе нет надобности приезжать и, как ты выразился, разбираться с нами... Ну, конечно, я бы хотела тебя повидать. Как ты можешь так говорить... — (Так, подумала

Эмма, она добила своего, разозлила его как следует, и теперь он не отступит, как и она, так что тут будет...) — Ну конечно, приезжай, когда захочешь, твоя комната всегда в твоём распоряжении, будем ждать... Нет, я не буду лежать в постели... — На другом конце линии опять заработал магнитофон, и Мад возвела глаза к небу. — Да, да, ты приедешь на машине... Посты тебе не помешают, у тебя есть специальный пропуск? Везет тебе, у нас такого нет...

Разговор окончился. Мад повернулась к внучке, разводя руками.

— Что мне было делать? Он захотел приехать, ты знаешь, как он может настаивать. Эм, включи в свободной комнате электрический обогреватель и, будь ангелом, скажи Дотти, чтобы она позвонила Тому Бейту насчет палтуса.

Этого еще не хватало, думала Эмма, отправляясь выполнять свои обязанности: сначала мальчишка пропал, потом умышленное убийство; а в довершение всего ним собирается явиться Папа, который обо всем этом ничего не знает и который, судя по всему, в прекрасных отношениях с властями, с правительством, депутатами парламента, СШСК, всеми: он может приехать сегодня днем, вечером, завтра — Папа настолько лихорадочно спешил, что даже не сказал когда. Жизнь слишком сложна, думала она по пути в магазин в Полдри; остановив машину у шлагбаума, она показала пропуск и бросила украдкой взгляд на огороженный проволокой пляж. Она еще не виделась с Джо и не знала, что они с бродяжкой и мистером Трембатом делали после своего ухода вчера вечером, — не считая того, что бабушка сказала, что все в порядке. Энди и Сэм, которых она мельком видела, войдя на кухню что-нибудь перехватить, выглядели совершенно нормально, говорили о том, чтобы выпустить голубя, дать ему попробовать вылеченное крыло. Малыши решили играть в Давида и Голиафа, что, если задуматься, было мрачноватой затеей после вчерашнего.

Войдя в супермаркет, Эмма сразу столкнулась с Пегги Трембат. Эмма невольно отпрянула, чтобы избежать вопросов, но опоздала. Миссис Трембат уже увидела ее.

— Они уже к вам приходили? — спросила она, взяв Эмму за рукав.

— Кто? Зачем? — ответила Эмма удивленно.

— Офицер морской пехоты, — сказала миссис Трембат, понизив голос, — и еще двое. Что только они не спрашивали; бедная Миртл расплакалась, пока отец за нее не вступился. «Вы запугиваете мою девочку, — так он сказал офицеру в глаза, — я пойду к вашему командиру. Я одно знаю: если у вас какой-то капрал пропал, так, значит, ему этого

захотелось. Нечего ему околачиваться здесь вокруг Миртл, она несовершеннолетняя — ей нет и шестнадцати!» Что ж, я увела Миртл наверх и отправилась за покупками. Но я слышала, как офицер сказал Джеку, что они тщательно осмотрят поля, а затем отправятся в Треванал.

События развиваются чересчур быстро; Эмма думала, что она подготовлена к такому повороту дел, но не тут-то было. Сердце у нее учащенно забилося.

— Что мы можем им сказать? — произнесла она. — У нас свои заботы. Вы слышали про Терри?

— Да, его сбила машина доктора. Вчера вечером Джо помогал Джейку поймать овцу и рассказал об этом. А почему он не появился после фейерверка, прятался где-нибудь?

Эмма сглотнула слюну. Она и забыла, что миссис Трембат не знает о том, что в действительности произошло с Терри, и о ночи, проведенной им в лесной хижине.

— Даже не знаю, — сказала она. — Глупости какие-то. Ну ладно, передавайте Миртл привет, скажите, что с Терри все в порядке. Я пойду...

Она, как во сне, прошла по супермаркету. Мясо, ветчина, сыр, сахар; она заглядывала в список, выданный Дотти, кивала или улыбалась знакомым лицам, мелькавшим вокруг, не узнавая их, а в силу привычки. Потом она отправилась по узкому тротуару к торговцу рыбой. Том Бейт в одиночестве сидел в своей лавке. Похоже, что его товар не пользовался большим спросом.

— Нету палтуса, дорогая, — сказал он Эмме. — Только камбала.

Плохо, подумала Эмма, но Папа сам виноват: вечно требует рыбу. Дотти приукрасит как-нибудь ее. Она подождала, пока Том разделает рыбу.

— Это мальчишки придумали или твоя бабушка так нарядить чучело? — спросил он.

Эмма удивленно посмотрела на него. Фейерверк казался делом давно минувшим. Она выдавила улыбку.

— Думаю, совместными усилиями. Том Бейт усмехнулся:

— Лучшее представление, черт возьми, которое я когда-либо видел. Такое не скоро забудешь. Как и ее речь в здании городской управы. Передай от меня бабушке, что в Полдри много еще кто думает так же, как она, и, более того, поддержит, если будет надо.

— Спасибо, мистер Бейт. Обязательно передам.

— Эта новая идея, — продолжал Том Бейт, протягивая ей завернутую в бумагу камбалу, — превратить нас в ярмарку, назад, мол, к прошлым векам. Не успеем мы оглянуться, они нас вырядят в пиратов, контрабандистов и

так далее. Вот что я тебе скажу: если, когда время придет, увижу хоть одного туриста-янки в водолажном костюме возле моих садков с омарами, то я его вместо наживки на крючок надену.

«Они и мы, — думала Эмма, выйдя из лавки, — мы и они...» Казалось, что морских пехотинцев в Полдри больше, чем было во вторник, когда они приезжали в магазин с бабушкой. Нечего себя обманывать, подумала она, никакой это не дружественный визит союзных сил, а оккупация. На обратном пути, когда постовой у шлагбаума проверял ее пропуск, она не могла понять, кажется этой ей или действительно он просматривает документы более тщательно, чем обычно. Или воображение, или нечистая совесть.

— О'кей? — спросила она, улыбнувшись.

— О'кей, — ответил он и пропустил машину. Но не улыбнулся.

Она свернула на подъездную аллею, отогнала машину в гараж. Игравшие за конюшней Колин и Сэм побежали ей навстречу. На голове у Колина, переодетого не то в Голиафа, не то в диверсанта, был дуршлаг. За пояс заткнута бамбуковая палка. Весьма острая.

— Привет, Эмма, — сказал Колин. — Тебя ждет твой жених.

— Мой жених?

— Да, лейтенант Шермен, — передразнил он. — Он в доме, говорит с Мадам. Мы с Беном полдничали на кухне, а он звонит в дверь и говорит Дотти: «Дома ваша мисс Эмма?» — Колин улыбнулся. Он очень похож на передразнивал голоса. — Так что поторопись, узнай, что ему надо. — Он притронулся к палке за поясом. — Если что не так, зови меня. Пойдем, Бен.

— Х... — заулыбался Бен, и они опять убежали за конюшню.

Эмма не спеша пересекла задний двор, вошла в дом с черного хода и выложила на кухонный стол покупки.

— Здесь этот лейтенант Шермен, — сообщила Дотти. — Я сказала ему, что ты уехала за покупками, и он собрался уходить, но Мадам крикнула из музыкальной комнаты, что она хочет с ним поговорить. Пришлось пригласить его зайти, и было видно, что уходить ему не хочется. А это что? Обыкновенная камбала? С ней много не сделаешь.

— Придется. Где Сэм и Энди?

— Они в огороде с Джо, в кои-то веки занялись полезным делом.

Эмма быстренько оглядела себя в зеркало в прихожей. Немного растрепана, но это не страшно. Взмах расческой, и она готова к бою. Страшнее, помнит ли Мад, что у нее якобы был сердечный приступ? Она вошла в музыкальную комнату. Лейтенант Шермен сидел на краешке стула, поглаживая Фолли, которая, свесив слюнявый язык, сидела с хитрой

ухмылкой на пятнистой морде. Мад не забыла о сердечном недомогании. Она возлежала на диване, вся обложенная подушками. Лицо ее выглядело как-то необычно. Эмма интуитивно догадалась, что она не наложила, как всегда, крем-основу и пудру, а использовала гораздо более светлый тон, чтобы казаться бледнее.

— А, милая, вот и ты, — сказала она, когда вошла Эмма. Уолли Шермен вскочил на ноги. — Лейтенант Шермен зашел справиться о моем здоровье, очень вежливо с его стороны. Я рассказывала ему о наших бедах. Бедняжка Терри со сломанной ногой в больнице, и все потому, что ждал доктора у ворот. Не могу его винить. Но у них в лагере тоже свои происшествия. Тот весьма приятный капрал, Вэгг, что в прошлые выходные был у нас на конюшне, исчез, не вернулся прошлым вечером в лагерь, и лейтенант Шермен подумал, что, может быть, кто-нибудь из нас его видел. Я попросила его подождать до твоего возвращения.

— Капрал Вэгг? — Эмма покачала головой. — Нет. С тех пор как они все уехали во вторник, он здесь не был. Не было ли его на пляже Полдри в тот вечер, когда был фейерверк? Мне кажется, я его видела. Помните, мы же с вами тогда были вместе. Она бросила взгляд на Уолли Шермена. Как и полагалось, он почувствовал себя неловко.

— Конечно, — сказал он. — Помню. Капрал Вэгг был на берегу с девушкой с фермы, Миртл Трембат. Мы опросили на ферме всех, но никакого толку. — Он повернулся к возлежащей на диване Мад. — Мэм, я вовсе не хочу беспокоить вас по этому поводу, тем более что вам нездоровилось и вы и так волнуетесь за мальчишку в больнице. Может быть, мисс Эмма?..

Он повернулся к Эмме в ожидании поддержки, и, когда он не смотрел на Мад, та незаметно кивнула ей. Кивок означал: «Делай, как знаешь».

Эмма улыбнулась:

— Конечно. Если я могу быть чем-то полезной, пожалуйста, только скажите. Пройдемте в другую комнату, выпьем кофе. Ничего, если я уйду, дорогая? Может быть, что-нибудь принести? Больная покачала головой:

— Не беспокойся обо мне. — Она похлопала по дивану, приглашая Фолли подобраться к ней поближе. — Две старушки присмотрят друг за другом, — добавила она, улыбнувшись лейтенанту. — Скорее всего, мы немного вздремнем до обеда. Вечером может приехать сын, и я хочу встретить его в хорошей форме.

Эмма и лейтенант вышли из комнаты, и Уолли Шермен обернулся к ней.

— Насколько это серьезно? — спросил он. — Она очень бледная. Вам

пришлось сообщить родственникам?

— Мой отец очень беспокоится, — призналась Эмма. — Насколько я поняла из телефонного разговора, он собирается вечером приехать.

— Может быть, ее лучше положить в больницу?

— Нет... Хватит с нас Терри. Столько происшествий, конца им нет. Что вы говорили о капрале Вэгге? Пропал?

Они вошли в столовую. Стол был накрыт на двоих. Эмма задумалась, не найдет ли Уолли Шермен странным, что пожилая женщина, пережив сердечный приступ, решила выйти к обеду.

— Знаете, я не хотел об этом говорить в присутствии вашей бабушки, — сказал он. — Дело в том, что есть причины предполагать, что вчера в конце дня капрал намеревался зайти к вам, по крайней мере, так говорит Миртл Трембат. Он виделся с ней, понимаете. Это мы установили.

— У меня, наверное, с головой что-то не в порядке, — Эмма потерла лоб. — Как же я могла забыть? Только сейчас вспомнила, из-за тревожений с бабушкой, да еще с этим наездом на Терри, у меня все из головы вылетело. Да, конечно, Миртл звонила мне, вскоре после того как доктор увез беднягу Терри, сказала, что капрал Вэгг хочет встретиться с Терри, я ответила, что это бесполезно, Терри здесь нет, он в больнице. Потом я, кажется, прилегла отдохнуть в музыкальной комнате. За день я просто сбилась с ног и, честно говоря, забыла об этом телефонном разговоре, пока вы не спросили. Так или иначе, но он здесь не появлялся. Передумал, наверное.

— Похоже на то. Я уже спрашивал и Джо, и двух других парнишек, что копались в огороде за домом, — никто его не видел. Что ж, это не ваша проблема, по-моему. Нам придется опросить всех в этом районе. Может быть, после фермы он решил прогуляться и вывихнул лодыжку или еще что-нибудь в этом роде, но это только предположение, кроме того, мы послали вертолет на поиски, они сообщат, если увидят какие-нибудь следы. — Он шагнул в направлении холла.

— Кофе? — спросила Эмма.

— Нет, простите, мне нужно идти. Спасибо. А, кстати, как зовут старичка, который живет в лачуге в вашем лесу? Мне пришло в голову, что можно зайти к нему перед возвращением в часть.

— Мистер Уиллис, — ответила Эмма. — Он вообще-то затворник.

Дверь в музыкальную комнату приоткрылась — Фолли толкнула ее носом.

— Что это вы там говорите о мистере Уиллисе? — крикнула с дивана Мад. Казалось, она собирается встать на ноги.

— Не вставайте, мэм, — крикнул лейтенант. — Мне пришла в голову мысль зайти к вашему арендатору и узнать, не видел ли он вчера капрала.

— Если быть точным до конца, то он не мой арендатор, — ответила Мад, откидываясь обратно на подушки, — но такой приятный мужчина. У него прекрасный голос, знаете ли, он пел когда-то в хоре. Он уже несколько лет на пенсии, но мне кажется, он все еще связан с пресвитерианской церковью. Эм, милая, почему бы тебе не пойти вместе с лейтенантом Шерменом и не навестить мистера Уиллиса? До обеда еще много времени.

Эмма поняла задание. Выполняя роль посредника, она может помочь избежать опасности. С другой стороны, ее появление может все испортить. Несмотря на вчерашнюю неоценимую помощь, еще неизвестно, на что он годится, когда надо притворяться. Валлиец Таффи... Жулик и вор... Зашел к нам в дом... И украл патефон.

— Конечно, если лейтенант хочет, чтобы я пошла с ним, — ответила Эмма.

— Хочет, — сказал Уолли Шермен, когда несколькими минутами спустя они шагали через фруктовый сад. — Я и не смел даже надеяться на такое везение. Знаете что? — Он улыбнулся Эмме. — Ваша бабушка на нашей стороне.

«Нашей стороне... По тропинке, по которой мы будем спускаться, вчера шагал бродяжка, таща увязанного в мешки мертвого капрала. Уолли Шермен, тебе предстоит увидеть место, где Энди застрелил капрала. Прошу тебя, Господи, чтобы все окончилось хорошо...»

— Как только все утрясется, — говорил Уолли Шермен, держа ее под руку, что затрудняло ходьбу, — мы с вами познакомимся получше. Вы не ответите пощечиной, если я спрошу, сколько вам лет?

— Двадцать.

— Я бы дал лет на пять меньше. Знаете, вы не выглядите на двадцать. Скорее, похожи на совсем юную, семнадцатилетнюю. Чем плохи девчонки у меня на родине, так тем, что они все молодые, да ранние.

«Ну а я сейчас плоха тем, что когда мы перелезем по ступенькам через изгородь и пойдем по тропинке вдоль скал, то вполне возможно, что увидим тело капрала, лежащее на берегу или распластанное среди водорослей на камнях у дальнего края пляжа, — отлив только начался, вода уйдет только к часу, судя по тому, что вчера вечером говорил Джек Трембат, — а если мы увидим лежащее тело, то я этого не вынесу; что говорить, что делать — не знаю...»

— Можете мне не верить, — говорил Уолли Шермен, — но в самый первый день, после высадки, когда я и полковник Чизмен зашли к вам в

дом уладить дело с постом связи, как только увидел вас, я сказал себе: «Вот это девушка что надо, такую, как она, еще попробуй найди».

Эмма не ответила. Они приближались к ступенькам. «Если я ему буду потакать, — подумала она, — то, десять к одному, он в лесу опять ко мне полезет, а я этого не перенесу; но если я его отошью, то он обидится, может, даже разозлится. Не будь он одним из них, это не имело бы никакого значения, но над морем летает, высматривая, американский вертолет».

— Я вас не напугал? — спросил он, протягивая руки, чтобы помочь ей перепрыгнуть ступени.

Эмме вспомнилась иллюстрация к новелле начала девятнадцатого века, которая стояла дома на книжной полке, где молодой человек в охотничьем костюме, покручивая усы, спрашивает у дамы своего сердца: «Не обидел ли я вас чем-нибудь, Нелли?» Единственным выходом было ответить вопросом на вопрос.

— Нет, что вы, вы меня не напугали, но, думаю, вы должны понимать, что многие из нас, здесь живущих, да и по всей стране тоже, находятся в состоянии шока. Я говорю не о личных делах, не о бабушке или Терри, а о том, как вообще подействовало ваше появление, все эти заграждения, этот корабль на якоре в бухте. Просто сама обстановка ненормальная для вас, для меня, для любого из нас.

— Знаю, знаю, — ответил он, — вы правы.

Он вдруг показался беззащитным, как один из их мальчишек: Джо, Терри или даже Энди. Он помог ей перебраться по ступеням через изгородь (это было вовсе не обязательно — обычно она перепрыгивала через нее), и они в молчании зашагали по тропинке в скалах.

— Вон мои ребята, — вдруг произнес он, — там, на берегу.

Сердце у нее замерло, когда она увидела двух морских пехотинцев, осматривающих водоросли. Уолли Шермен замахал и крикнул им. Они посмотрели вверх и жестами показали, что ничего нет.

— Я схожу в лес, — крикнул Уолли. — Встретимся здесь через полчаса. У меня пока ничего.

Предположим, подумала она, что бродяжки нет дома. Предположим, что Уолли Шермен захочет войти в хижину и без хозяина. Предположим, что он там что-нибудь найдет. Вернулось болезненное чувство страха, дурное предчувствие. Казалось, что она не выдержит. Нельзя дать ему почувствовать это, надо делать вид, что она спокойна.

— Не могу понять, — сказала она, — почему вы думаете, что капрал Вэгг, покинув ферму, не мог пойти в другом направлении. Разве он не мог пойти, например, в сторону от моря или в Сент-Остелл, или вдоль берега

по другой стороне бухты?

— Мы опросили посты на дорогах. На дороге в Сент-Остелл шлагбаумы и на дороге вдоль берега тоже. Мы все проверили. Просто загадка. Эта девушка с фермы — последняя, кто его видел. По крайней мере, насколько нам известно. Надеюсь, что хоть ваш лесной отшельник поможет навести на след.

Они добрались до опушки леса и пробрались сквозь кусты. Деревья сомкнулись над их головами.

— Кто-то здесь ходил, — сказал лейтенант. — В грязи следы, хотя этой ночью шел дождь.

— Здесь всегда грязно, — сказала ему Эмма. — Люди приходят из коттеджей за добрую милю отсюда, собирают растопку. Понимаете, это как бы ничейная земля. Она никому не принадлежит, и из-за нее все время идут бесконечные тяжбы.

— Жуткое местечко, — сказал он. — Думаю, вы сюда ночью не ходите одна.

Он сжал ее руку. Она молила о терпении и о смелости тоже. Между деревьев показалась крыша хижины. Из трубы поднималась тонкая ленточка дыма.

— Я бы сказал, что старикан дома, — сказал Уолли. Эмма остановилась, хотя они еще не вышли на поляну.

— Послушайте, как бы нам не напугать беднягу. Меня, по крайней мере, он знает. Может быть, мне лучше пойти вперед, постучать в дверь, а вы потом?

— О'кей.

Эмма подошла к дому. Дверь была плотно притворена. Она постучала, но ответа не последовало. Она вспомнила, что мистер Уиллис немного глуховат, и с опаской, неохотно подошла к окну и заглянула внутрь. С этой стороны комната выглядела как-то иначе, возможно потому, что мебель, которую она помнила по вчерашнему визиту, была переставлена. Койка, на которой лежал Терри, стояла у дальней стены, там же и стол. В центре комнаты стояла старая жестяная ванна, и в ней стоял мистер Уиллис в одних подштанниках, с обнаженным торсом. Он скреб себя чем-то, напоминающим щетку. Это зрелище, будь с ней младшие мальчишки, вызвало бы кривляния и придушенный смех, но сейчас, в этот миг, оно принесло ей боль, показалось даже ужасающим; вот старик, которого она едва знает, совершивший ради их спасения опасный поступок, он думает, что он один, в безопасности в своих четырех стенах, а в это время за ним следят; ворваться вот сейчас, когда он моется, — все равно что лезть к нему

в душу, в самое сокровенное и затаенное.

Она робко постучала в окно. Еще раньше он насторожился, заметив тень, в изумлении поднял голову — в незащищенных широко раскрытых глазах отразилось смятение, испуг, — и, сгорбив худые плечи, он попытался прикрыться, отчаянно прижимая к животу щетку. «Это никуда не годится, — подумала Эмма, — нет у нас такого права», — и она отошла от окна, качая головой и жестом показывая лейтенанту, что идти нельзя.

— В чем дело? — тихо произнес он. — Его нет дома?

В том-то и дело, что он дома. Хижина незаконного поселенца, четыре стены, простейшая обстановка, жестяная ванна на полу — все принадлежит ему одному. Никто не имеет права на это. Меньше всех лейтенант, поджидающий за деревьями. «И почему я этому так много внимания уделяю», — задумалась Эмма.

— Он дома, — ответила она, — но зайти нельзя. Он принимает ванну.

Уолли Шермен рассмеялся.

— Всего-то? Я было подумал, что он повесился, по крайней мере, у вас было такое выражение лица. Я зайду.

— Нет, — сказала Эмма. — Нет... подождите.

Она опять подошла к двери и постучала. На сей раз ее призыв не остался незамеченным. Дверь отворилась, и на пороге появился мистер Уиллис. Вокруг талии он обвязал полотенце, прикрыв подштанники, кроме того, он надел длинную хлопчатобумажную майку.

— Кто тут? — спросил он. Потом узнал Эмму. Удивленное выражение сошло с его лица, но он остался настороже, весь внимание.

— Они ищут капрала, — шепнула Эмма, — были на ферме и у нас. Спрашивали, кто живет здесь. Я рассказала о вас, предложила проводить. Офицер ничего не подозревает.

Мистер Уиллис кивнул. Он прищурил глаза, всматриваясь в деревья.

— Извините, я схожу за очками, — сказал он. — Почти ничего без них не вижу. Видите, я мылся в ванне, так что не готов к приему гостей. — Он произнес эти слова громко, так, чтобы лейтенант тоже слышал. Он помахал рукой в направлении Уолли. — Заходите, пожалуйста, — крикнул он. — Извините за мой вид. Сегодня у меня одновременно и банный день, и стирка.

Он исчез в доме, а Эмма осталась ждать своего спутника.

— Входите, — сказала она ему, — я лучше подожду на улице.

Уолли Шермен пригнул голову и вошел в дверь, подмигнув Эмме. Не смешно, подумала она, вовсе не смешно... Она засунула руки в карманы и огляделась по сторонам. Огородик на поляне был тщательно ухожен. У

него там зелень и брюссельская капуста, а в дальнем углу — куча компоста, в основном морские водоросли. Похоже, что он недавно жег опавшие листья и что-то напоминающее старый мешок... Мешок...

Кто-то коснулся ее плеча. Это был Уолли Шермен.

— Мистер Уиллис зовет вас в тепло. Он уже принял совершенно приличный вид.

Она последовала за ним в дом. Да, кровать стояла не там, где вчера. Но больше всего бросалась в глаза не столько ванна посреди комнаты, сколько одежда, развешанная на просушку у печки. Она узнала серые брюки и форменный морской свитер, что он носил. Плащ тоже выстиран и висит на бельевой веревке под потолком. А ружья на стене уже нет...

— Вот так каждую пятницу, — говорил мистер Уиллис. — Тщательно драю весь дом, а потом и себя самого. Так меня учила мать. Нас было в семье десятеро, я самый младший. Трое моих братьев эмигрировали, двое в Австралию, один в Канаду. Никогда не был в Америке, хотя давно хотел там побывать. Еще не слишком поздно, как вы думаете?

Он улыбнулся лейтенанту и протер очки. Ага, отлично, подумала Эмма. Даже Мад не сыграла бы лучше. Должно быть, валлийцы, как и жители Корнуолла, прирожденные актеры.

— Мистер Уиллис, в Штаты съездить никогда не поздно, — ответил Уолли Шермен. — Мы вам сделаем билет, как только уладятся новые правила. Знаете, между нашими странами будут рейсы, которые сможет позволить себе каждый, а не только богатые. Это часть общего плана.

— Очень рад это слышать, — сказал бродяжка. — Почти всю жизнь я провел перекасти-полем, и вот пока что бросил якорь здесь, но я не говорю, что надолго, ведь правда?

— Верно, — сказал лейтенант, опять подмигнув Эмме. — Что ж, мистер Уиллис, приступим к делу. Я...

Договорить ему не удалось, то ли потому, что мистер Уиллис действительно был глуховат, то ли потому, что роль рассказчика отвел себе хозяин дома.

— Можно убить двух зайцев, — продолжал мистер Уиллис. — Сначала навестить брата в Канаде, потом, скажем, поехать в Нью-Йорк. Мы с ним переписываемся, конечно, но не видели друг друга сорок лет! У него уже вторая жена. Первая, Эдит, красивая была женщина, умерла от костного туберкулеза — ужасная вещь, — оставила троих маленьких детей. Бедный мой брат страдал, сам растил всех троих, а потом соседка, вдова, пожалела его, и вот они вместе.

Улыбка, застывшая на лице лейтенанта, начала понемногу исчезать.

— Конечно, конечно, так и нужно сделать. Не хочу вас торопить, мистер Уиллис, но я на службе, сами понимаете, и мне нужно кое-что от вас узнать. — Он бросил умоляющий взгляд на Эмму.

— Лейтенант Шермен разыскивает одного из своих подчиненных, — объяснила она. — Пропал капрал. Вот почему мы пришли к вам. Лейтенант интересуется, не видели ли вы случайно капрала?

Мистер Уиллис надел очки и уставился на Уолли Шермена.

— Сочувствую вам. Уж извините меня за болтовню; когда живешь один, появляется такая привычка. Я часто сам с собой разговариваю. Пожалуйста, расскажите подробнее, как это произошло.

Уолли Шермен терпеливо и четко изложил случай с исчезновением капрала Вэгга. Мистер Уиллис дослушал рассказ до конца, не прерывая лейтенанта. Затем покачал головой:

— Я бы точно увидел его, если б вчера было ясно, а не дождь да ветер без конца, то есть увидел бы, когда б он дошел до берега. Я всегда хожу на берег в хорошую погоду — за водорослями для огорода, за плавником для печки. Знаете, дерево, оно лучше горит, если полежало в соленой воде, не так пропитывается водой, как то, что лежит в лесу. Ну, а когда идет дождь, я никуда не хожу, какой в этом толк, понимаете. Вчера я сушил плавник здесь, у печки, зная, что понадобится добрый жар для банного дня. Видите ту доску в углу? Скажу, что она, по-моему, со шлюпки и в воде пролежала порядочно времени. — Он поднялся с табуретки и показал доску Эмме и лейтенанту. — Дуб. Хорошая вещь, из дуба отлично строить, так что подожду ее сжигать. Может, чаю поставить? У меня примус, так что это быстро. Нынче смеются над примусами, да и достать их трудно, но я со своим не расстанусь ни за какие деньги. Уолли метнул взгляд на Эмму и поднялся:

— Спасибо, мистер Уиллис, но молодой леди нужно поспеть домой к обеду, а я должен возвращаться в часть. Жаль, что вы не могли нам помочь, но спасибо вам. Рад был познакомиться.

— Я тоже. Если б вчера не шел такой дождь, я бы уж увидел вашего приятеля. Надеюсь... — Мистер Уиллис сделал паузу и потрогал подбородок. — Надеюсь, чтобы пройти дальше берегом, ему не пришлось в голову в прилив карабкаться с берега на скалу, что мы зовем «Журавлиная». Летом туристы пытаются так делать, и я всегда их отговариваю. Молодежь, сами понимаете. Думают, что достаточно только посмотреть на утес — и уже можно лезть на него. Летом и то трудно, а зимой, после сильного дождя, когда могут отвалиться куски скалы... — Он медленно покачал головой. — Я бы на эти скалы не полез, ни вверх, ни вниз.

Они подошли к дверям. Лейтенант протянул руку.

— Спасибо за информацию, — сказал он. — Мы выслали вертолет, и думаю, что если бы капрал Вэгг сделал что-нибудь в этом роде, мы бы уже знали. Всего хорошего, мистер Уиллис. Может быть, мы еще увидимся.

— Это было бы неплохо, — сказал бродяжка. — Заходите в любое время. И в следующий раз я уж оденусь как подобает. Удачи вам в поисках пропавшего.

— До свидания, мистер Уиллис, спасибо вам большое, — сказала Эмма.

Они смотрели друг на друга как ни в чем не бывало. Мистер Уиллис подождал секунду, затем скрылся в хижине.

— Да, — воскликнул Уолли Шермен, когда они отошли от поляны, — вот молодец старикан, но, Боже, до чего болтлив!

— Он живет один, — сказала Эмма. — Любой таким станет.

Когда они шагали по грязной тропинке через лес, лейтенант снова взял ее под руку.

— В таком случае, давайте сейчас пообещаем друг другу, — сказал он, — никогда, никогда не быть одинокими.

Они подошли к границе леса, дальше начиналось вспаханное поле.

— Пойду домой коротким путем, — сказала Эмма. — Боюсь, зря вы потратили время на визит к мистеру Уиллису.

— Если вы со мной, то время не зря потрачено, — последовал вполне предсказуемый ответ, — но вы правы. Я ничего не узнал от старика, кроме того, что нельзя лазать на скалы во время дождя. Что ж, Эмма, чувствую, что мне пора возвращаться в лагерь. Хочется сказать, что мы скоро увидимся, хотя обещать не могу, я ведь на службе.

— Да, — сказала она, — конечно... Все равно... удачи вам.

Он перелез через проволочное ограждение между полем и пастбищем и, повернувшись разок, чтобы помахать рукой, вскоре исчез из виду. Эмма не сразу отправилась к дому. Она колебалась, пойти ли домой или все-таки проверить, как дела у мистера Уиллиса, теперь, когда с ней нет лейтенанта. Последнее казалось разумной мыслью, но внутренний голос подсказывал ей, что не стоит вмешиваться в новые тайны, — они и так порядочно влипли, — и, возможно, чем меньше знаешь, тем лучше.

Она повернула к лесной хижине, а он, вероятно прочтя ее мысли, уже ждал ее полностью одетый: брюки, морские ботинки, серый свитер с высоким воротом, через руку переброшен непромокаемый плащ — она почувствовала, что он предвидел ее возвращение. Он дождался, пока она подойдет совсем близко, и только тогда заговорил, тихо, нараспев:

Отец твой спит на дне морском,
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут [\[13\]](#)

Эмма вновь почувствовала неловкость, будто опять подсматривала в окно, но причина была другой.

— Я только хочу поблагодарить вас, — быстро произнесла она. — Лейтенант ушел к своим солдатам.

Серые глаза пристально взглянули на нее из-под очков.

— Мы ведь его одурачили? Ты и я. Скажи бабушке, что нам полагается награда.

Она изобразила улыбку:

— Хорошо, скажу.

— Никогда в жизни и не думал ехать в Америку. Пусть они хоть в карман суют деньги за билет, все равно не поеду.

Он запер дверь хижины ключом, нанизанным на веревочку, надел веревочку на шею, а ключ опустил под свитер.

— Пойду посмотрю, чем они там занимаются на берегу. Сегодня вряд ли найдут что-нибудь, а вот завтра, скажу тебе, не исключено, что этот их парень и объявится. — Он опять улыбнулся. — Пришлось размозжить ему голову, прежде чем бросить в воду, а море довершит дело. Как бы то ни было, они на нас не подумают.

Ужас, пережитый ею прошлым вечером, первый взгляд на мертвого капрала со стрелой Энди между глаз, снова вернулся к Эмме. Это не конец. Только начало.

Мистер Уиллис двинулся к тропинке у края поляны, по которой он спускался на берег. В одной руке он нес старую холщовую сумку для дров, в другой — кепи. Он поклонился, взмахнув кепи, и водрузил его на голову. Затем указал пальцем на заднюю стену хижины.

— Будете в больнице у Терри, передайте, что все в порядке. Я спрятал гелигнит так, что его не найдут. Вдруг он окажется полезным раньше, чем мы думаем, — все может быть, не так ли?

И, тихонько посмеиваясь, он скрылся за скалами.

Если бы только можно было, думала Эмма, кому-нибудь все рассказать. Если бы, когда ты сомневаешься, боишься, несчастен, когда все идет не так, рядом был кто-нибудь непогрешимый, — ты бы понимал тогда, не только интуитивно, но и разумом тоже, что есть верное решение. В прошлые времена у людей был для этого Бог. «Да исполнится воля Твоя», и если ты сгорел на костре, то сгорел за Бога, которому ты служил, веря, что он однажды уже пострадал и умер за тебя. Вроде расплаты с Богом — «око за око». Когда люди перестали верить в Бога, в основном потому, что все труднее и труднее было представить его существование: где Он живет, как проводит время, — возможно, в такой спешке из-за всего происходящего на планете и в других звездных мирах, что Ему самому было больше не справиться, Его заменила вера в «измы». Очередная идеология завладевала на время группой людей, затем надоедала, и они переходили на что-нибудь другое.

Дело в том, что, даже когда двое любят друг друга, даже когда брак счастливый, когда родители любят своих детей, а дети — родителей, всегда остается эта черта, раздел между ними, невозможно полное единение. Вот почему не получится ничего с СШСК. Вот почему даже сейчас, в родном Треванале, нет полного взаимопонимания. Терри в больнице не знает, что Энди выпустил стрелу и убил капрала чуть ли не на пороге Треванала. Трембаты не знают, что Терри провел ночь в хижине и что, без сомнения, ему так же мало дела до того, что Миртл «не достигла совершеннолетия», как и капралу Вэггу. Мад не знает, что она, Эмма, по ее выражению, вела себя «уступчиво» на пляже с Уолли Шерменом. Не знает она, что Терри, ее агнец, первый приемыш, явно нес гелигнит, когда разыгрался переполох в вечер после фейерверка. Старшая сестра и персонал больницы не знают, что доктор Саммерс умышленно скрыл, каким образом его пациент сломал ногу.

«Значит, у нас всех есть свои секреты друг от друга, — решила она, — все мы держим в секрете то, чем не можем или не решаемся поделиться, и что толку спрашивать у Бога совета, если Он не отвечает; даже когда люди верили в Бога и думали, что получают ответ, конечный результат был такой же, что и в наши дни, — неразбериха и хаос». Сама по себе... Сама по себе... Вот урок каждой встречи. Мистер Уиллис, который спас их вчера, это тоже всего лишь незаметный старик, недовольный обществом, со

шрамом, оставшимся на плече из давнего прошлого. Эмма вернулась домой к обеду с бабушкой, стараясь скрыть, как у нее тяжело на сердце, за напускной беспечностью.

— Я заслужила Оскара^[14] твой Таффи тоже. Мы оба ввали как сивые мерины — и кто придумал такое выражение? Так или иначе, похоже, мы преуспели. Сейчас они все собрались на берегу, так что пока это не наша забота.

Мад, покинувшая диван, очевидно, немедленно после ухода внучки с лейтенантом, положила себе печенки и ветчину.

— Ты пропустила новости в тринадцать часов, — сказала она. — Похоже, что вводится нормирование отпуска продуктов.

— Нормирование? С какой стати?

— Трудности со снабжением, пока СШСК не выработает методы распределения продовольствия, а что это будет такое, Бог знает, они не сказали. Одно ясно: во время чрезвычайного положения они несомненно напортачили, запасы продовольствия копились на складах по всей стране, а вывозить их было некому. Так что в качестве временной меры вводятся нормы отпуска, и спорю, что городские районы получают все лучшее. Не так ли началось недовольство крестьян своей Французской революцией, когда все их продукты достались горожанам, а самим им пришлось голодать?

— Что ж, да здравствует капуста, — вздохнула Эмма. — У Джо грядок не счесть в огороде. Колин станет худ, как спичка.

— Если бы он действительно голодал, то ел бы капусту и сырой, — ответила Мад.

Что еще раз доказывает, подумала Эмма, правильность ее теории о том, что старики не так остро переносят тяжелые времена, не так беспокоятся, как молодые. Эмме не слишком хотелось есть. Она все вспоминала, как мистер Уиллис говорил про то, что пришлось размозжить капралу голову...

Когда обед был закончен, она спустилась в подвал, надеясь найти Джо. Он был там, выкладывал рядами свеклу и лук. Он сразу обернулся, когда она вошла.

— Этого нам хватит, чтобы какое-то время протянуть, — сказал он. — Я слышал, что лук очень полезен, а из свеклы можно варить суп. В той комнате, где в старину держали посуду, лежат мешки с картошкой. Голодать не будем — картошка, лук, свекла, добавим и зелень. Да и яблок хватит до нового урожая, я так и говорил Мадам, когда мы их собирали.

Он с гордостью огляделся по сторонам. Корнеплоды вполне могли быть экспонатами на сельскохозяйственной выставке или даже призами,

выигранными в школьных спортивных состязаниях.

— Теперь я жалею, — сказал Джо, — что не заложил часть картошки в подвал, но ты же знаешь Мадам, она любит есть только молодую.

На первом месте она, подумала Эмма, до остальных нет дела. Он умрет за нее, как в старину люди шли на смерть за Бога.

— Джо, — спросила она, — что вы сделали вчера вечером?

Он повернулся спиной и принялся переставлять на полке луковицы.

— Не хочу вспоминать. Пожалуйста, Эмма...

— Ты должен мне рассказать, — взмолилась она. — Я знаю, это было ужасно, но... До обеда приходил лейтенант Шермен, и Мад заставила меня проводить его к мистеру Уиллису. Он так или иначе направлялся туда, чтобы расспросить, и я решила, что в случае чего пригожусь. Все прошло отлично, мистер Уиллис абсолютно ничего не выдал. Но, после того как лейтенант ушел, он сказал... он сказал, что пришлось разmozжить ему... Она не смогла закончить. Джо обернулся и посмотрел на нее.

— Когда мы с мистером Трембатом обошли вокруг поля, как и приказал мистер Уиллис, мы вышли из «лендровера» и посмотрели вниз на берег, Мистер Уиллис уже был там. Вода начала спадать. Он добрался до дальнего конца пляжа, как раз под то место, где мы стояли, и стал карабкаться вверх — но мы все же различали его силуэт. Он вскарабкался на Журавлиный утес, — кто этого летом не делал, — а когда добрался до верха, стащил с трупа мешки и сел на корточки...

— Ну и? — спросила Эмма.

— Я спросил у мистера Трембата, что это он делает, и он ответил, что, похоже, мистер Уиллис снимает ботинки и надевает их опять на капрала. Потом мы увидели, как он поднял что-то с земли, знаешь, иногда попадается такой сланец с острыми, как нож, краями, а мистер Трембат как крикнет: «О, Боже!», и я струсил, наверно, не мог больше, отвернулся в сторону. Через несколько секунд раздался всплеск, он сбросил труп с обрыва в глубину, а тогда был ветер, помнишь, и отлив там несет на восток. Потом он надел свои ботинки и начал спускаться вниз, а мешки засунул под мышку. Я попрощался с мистером Трембатом. Почему-то мне не хотелось снова видеть мистера Уиллиса. Я вернулся к дому, вошел внутрь, и меня стошнило. Потом я поднялся к Мадам пожелать ей спокойной ночи и рассказал ей обо всем, что случилось.

Джо прислонился к полке, на которой хранилась свекла. Позади было маленькое закопченное окошко, затянутое паутиной. Он уставился на свой огород, краешек которого виднелся из этого окошка. Эмма взяла его за руку, и они стали вместе смотреть сквозь паутину в окно. Они не видели

ничего. Они думали об одном, представляя это каждый по-своему.

— Что же будет дальше? — спросила она.

— Не знаю. Думаю, они найдут тело.

— Мистер Уиллис говорил то же самое. Сказал, что оно всплывет.

— Так обычно и бывает.

— Пугает больше всего то, что пришлось втянуть в это дело мистера Уиллиса и мистера Трембата. И еще — знаешь ли ты, что, когда Терри упал со скалы, он нес гелигнит? Мистер Уиллис спрятал взрывчатку где-то в своем домике.

— Не знал об этом, — мрачно произнес Джо, — но не удивляюсь. У Терри такое дружки, что от них и не такого можно ждать.

— Не будем говорить про это Мад.

— Не будем.

Не потому, что она будет недовольна, подумала Эмма, она, пожалуй, как и мистер Уиллис, скажет, что когда-нибудь это может и пригодиться.

— Что бы ни случилось, — сказала она, подчиняясь внезапному порыву, — давай не будем ничего скрывать друг от друга. У нас должен быть неписанный договор, что если кто-нибудь из нас о чем-нибудь узнает или услышит, то тут же расскажет другому. Ты согласен?

— Да, конечно, — ответил Джо. — Так всегда и было, по крайней мере со мной. — Он будто даже удивился ее словам.

— А может, и не всегда. То есть я хочу сказать, что в повседневной жизни это не важно. Такого, как сейчас, с нами никогда не случалось. Должен быть кто-то, кому можно доверять, кто-то, кто тебя никогда не обманет.

Джо молчал. Он никогда не был скор на решения и сейчас, похоже, усиленно обдумывал ее заявление.

— Так дети думают о своих родителях, — наконец сказал он, — я помню, у меня так было. Не мог поверить, когда мои улетели в Австралию и бросили меня. Думал, что это я виноват, да так в какой-то степени и было. Я обманул их надежды тем, что не был таким же умным, как они. Знаешь, Эмма, иногда я пытаюсь вспомнить их лица и не могу, и это ужасно. Помоему, если бы они умерли, то не было бы так страшно.

— Как же, — сказала Эмма. — Как же... Джо, дорогой... — Она порывисто прильнула к его руке. Наверное, он прав. Эмму никогда не тревожила мысль, что фотография ее бедной красивой мамы в спальне, которую она по старой привычке целовала каждый вечер, далека от реальности и могла быть портретом персонажа из старинной книги; но, а если бы Папа не овдовел, а развелся, и ее мать была бы еще жива —

симпатичная, хорошо сохранившаяся женщина — замужем за кем-нибудь в Швейцарии или даже в Америке. Чувствовала бы она, как Джо, что она обманута, брошена, да еще и по собственной вине? Как это ужасно, подумала Эмма, что нельзя оказаться на месте другого человека. Пожалуй, это удалось только мистеру Уиллису вчера вечером, в другом, конечно, смысле, когда он надел ботинки мертвеца. Но ведь это капрал отправился под воду, а не мистер Уиллис. Мы избавляемся от опасных вещей: трупов, воспоминаний, снов...

Из-за окна донеслись крики и улюлюканье, и мимо пробежали Колин и Сэм, за которыми по пятам гнались Энди и малыш Бен. В воздухе неслись снаряды. Черный Бен с сосредоточенным и мрачным лицом прицелился и метнул огромную еловую шишку с сучком на конце прямо в спину своего закадычного дружка Колина. Колин, драматически споткнувшись, приложил руку к сердцу и упал.

— Готов! — заорал Энди и, схватив своего трехлетнего спутника за талию, обнял его, похлопывая по голове, как делают футболисты после забитого гола. Колин лежал распластавшись, так же как за день до этого лежал капрал, и стрелок Бен подбежал к своему оружию, поднял его и занес над головой. Подошел Энди и пнул распростертого на земле Колина.

— С этим покончено, — крикнул он, — оставим его воронам.

Он устремился за более проворным Сэмом, сзади пристроился Бен, а Колин, воскресший чудодейственным образом, схватил брошенный Беном метательный снаряд и устремился в погоню за всеми троими.

— Джо, — шепнула Эмма, — так нельзя, мы не должны позволять им такое.

— Ага, — согласился Джо, — я с ними разберусь. Они топчут мои саженьцы — пусть играют в другом месте. Рассерженный, он бросился из комнаты к черному ходу, чтобы изгнать со своей территории эту мелюзгу. «Бесполезно, — думала Эмма, — он меня не понял, я имела в виду совершенно другое. По-прежнему я в одиночестве».

Уже опять стемнело, опустили шторы, и мальчишки разошлись по своим спальням, готовясь к вечернему купанию в ванне, когда с подъездной аллеи донесся звук приближающейся машины и три длинных гудка.

— Это Папа, — закричала Эмма и побежала из музыкальной комнаты, где она сидела с бабушкой, к входной двери, а затем по тропинке через двор навстречу Папе. Из машины появилась знакомая высокая, довольно плотная фигура: и вот Эмма уже в объятиях отца; у него светлые, как когда-то у Мад, волосы, тоже уже тронутые сединой, такой же, как у нее, крючковатый, но еще более выдающийся нос. На нем ворсистая тяжелая

старая водительская куртка, Эмме так хорошо знаком ее запах.

— Привет, привет, привет, — проговорил он, целуя ее в обе щеки — Папа всегда повторял и слова, и действия. — Ну и ну, ну и ну, вот так поездка. Я выехал в десять, нет, в десять тридцать, а уже семь, постоянные остановки, если бы не мой специальный пропуск, я бы никогда сюда не добрался. Как Мад? Она наверху? Уже легла? А Бевил Саммерс еще приезжал? — Папа никогда не ждал ответа на свои вопросы. Только ты подготовишь ответ, как он уже перескакивает на следующий вопрос. За разговором он вытащил с заднего сиденья сумку. — Где Джо? Может, он отгонит машину? Я бы чего-нибудь выпил, просто умираю от жажды. До ужина мне надо принять ванну. Как Дотти, в хорошей форме? Эти ужасные дети, я надеюсь, не будут ужинать с нами?

— Нет, Па, милый, конечно, нет. Малыши, наверное, уже легли.

— Вот и слава Богу. Не очень-то хочется, проехав без остановки триста миль, быть встреченным бандой орущих детей. — Он обнял дочь за плечи, и вместе они пошли по дорожке к дому. — Здесь так тихо. Непонятно, по-моему, вы рассказывали, что под каждым кустом прячутся командос, а над деревьями висят вертолеты. Чушь какая, наверно ничего и не было такого. Мама?

Голос его раскатился по всему дому. Мад ждала в холле с распростертыми объятиями.

— Вик, мой дорогой.

Наблюдая за ними, Эмма, как обычно, поразились семейному сходству. Волосы, глаза, носы, подбородки, цветущий вид, но на этом все. Ни одной общей мысли, ни одного общего идеала. Только одинаковая непреклонность и агрессивность, если, на пути встретятся препятствия.

Они обменялись, соприкоснувшись по очереди каждой щекой, еще один семейный обычай (Мад говорила, что французский), затем Папа отступил на шаг и посмотрел на мать.

— Но ты прекрасно выглядишь, — сказал он, — лучше, чем когда мы виделись в последний раз. Не верю, что ты болеешь, наверно, это все заговор, чтобы меня сюда заманить. Эмма, ведь это заговор? Привет, Фолли, жива еще, Господи, сколько ей, пятнадцать, шестнадцать? По-моему, когда она умрет, вы ее забальзамируете. Мама, я устал, хоть бы кто-нибудь помог мне, налил мне выпить, лед есть?

— Если ты остановишься на одну секунду, то увидишь, что все здесь, — сказала Мад, — виски, содовая, джин, тоник, льда полно. У тебя ужасные мешки под глазами, надеюсь, это с дороги, а не от пьянства. Я ломаю себе голову над тем, как ты умудряешься жить в Лондоне один, если

ты, конечно, живешь один, в это я не верю ни на грош, небось очередь стоит из женщин готовить тебе еду и штопать носки, можешь мне не рассказывать...

— Неправда, неправда, я самое одинокое из всех живых существ, так устаю к ночи, что буквально падаю в постель, я...

Эмма вышла из комнаты, голова у нее шла кругом. Беда в том, что, когда Папа и Мад встречаются, это даже хуже, чем их разговоры по телефону. Для окружающих это ужасно утомительно. Один лишь оглушительный шум чего стоит.

Она пошла на кухню, чтобы предупредить Дотти:

— Папа приехал. Он хочет отправиться в ванную, после того как выпьет стаканчик, а это означает, что ужинать будет в восемь тридцать или позже.

— В старые времена, — сказала Дотти, которая мыла под краном дуршлаг, отвоеванный у Колина, проносившего его весь день на голове, — на кухне у Мадам служил целый штат, и когда господин Вик приезжал домой на каникулы, то они с ног сбивались. Прошли те дни. И, хвала Господу, я в штат кухонной прислуги не входила.

Боже, вздохнула Эмма, опять Дотти понесло рассуждать о своем положении. Только дай ей волю, и она пойдет перечислять имена звезд, что толклись в гримерной Королевского театра, что входили в труппу на тех или иных гастролях, вспоминая события как минимум тридцатилетней давности, а может, и более давние, и все время будет намекать, что не каждый снизойдет до столь низкой работы, коли он был запанибрата со знаменитостями.

— После того как суп сварится, он может постоять на плитке, — продолжала Дотти. — Пусть Мадам назовет его борщом, если ей так больше нравится, но мы с тобой знаем, что, кроме свеклы, в нем и нет ничего. А камбала...

Эмма скрылась с кухни и вернулась в музыкальную комнату. Перестрелка между матерью и сыном была в полном разгаре.

— Но я не понимаю, я не понимаю, — говорил Папа, — как Бевил Саммерс умудрился сбить Терри, который стоял на самом виду у ворот. Что, доктор был пьян? Врачам нельзя даже прикасаться к алкоголю. Или сам Терри одурел от какого-нибудь наркотика? Он такой. Этих мальчишек надо держать в ежовых рукавицах, они у тебя неуправляемы, а этот позорный случай на фейерверке...

— Ты забываешь, что я была чуть ли не при смерти, — прервала его Мад. — Бедный Терри был рассеян, может, он споткнулся о бампер, Бог его

знает, а Бевил думал только о том, как поспеть побыстрее ко мне. В итоге ему пришлось сделать укол, успокоительное, не спрашивай, что именно, не знаю, но это помогло чудесно, я перед тобой в добром здравии. А на фейерверке ни у одного из этих морских пехотинцев совершенно не обнаружилось чувства юмора, так похоже на американцев. Помню, однажды в Нью-Йорке... Папа, не слушая, продолжал свое:

— Мне сам министр звонил, точнее, его секретарь; серьезное нарушение порядка, действительно серьезное, он хотел знать, кто сует палки в колеса в западной части страны, нет ли подпольной организации. «Не знаю, — ответил я, — понятия не имею, моей матери скоро восемьдесят, она уже давно не в своем уме, не принимайте ее во внимание...»

— ...Всегда теряют голову в случае опасности. Помню, была снежная буря на Лонг-Айленде, повалило несколько телеграфных столбов, наступил хаос, и сам президент должен был принять меры...

В это время в холл незаметно проскользнул Джо, схватил Папину сумку и унес на второй этаж в свободную комнату, а Колин и Бен по пятам за ним проследовали через музыкальную комнату, умытые, причесанные и в ночных рубашках. Они выглядели как херувимы, только без крыльев.

— Привет, Вик! — крикнул Колин, никогда не стеснявшийся в присутствии взрослых, и, в знак равноправия, хлопнул Папу по задку. Папа развернулся как ужаленный.

— Привет, маленькое чудовище, — сказал он. — Когда я был в твоём возрасте, то уже в шесть часов спал, укутанный в кровати.

— Нет, — ответил Колин. — Когда тебя укладывали спать, ты валился на пол и брыкался, Мадам мне рассказывала.

— Это ложь, сущая выдумка, не делал я ничего подобного, — обратился Папа к матери. — Ты приучаешь детей верить самым кошмарным фантазиям. Я не позволяю этого. Спроси у Дотти, у кого угодно, я...

— Ты прекрасно знаешь, что ты кричал и брыкался, — сказала Мад. — На губах у тебя выступала пена, как у лошади, ты...

— Вик, — вмешался Колин, — я научил Бена говорить. Он знает уже несколько слов. Хочешь их услышать?

Он шепнул Бену на ухо, тот заулыбался и кивнул головой.

— Да, да, — сказал Папа, радуясь предоставленному шансу сменить тему разговора, — дайте мне послушать, что скажет Бен. Так он не слабоумный? Вырастет, станет лидером «Черных пантер»^[15] и убьет всех нас. Давай, Бен, скажи свое слово, я слушаю, я весь внимание.

Поток слов смутил трехлетнего малыша. Он нахмурился, сосредоточился, но восклицания, призванного поразить аудиторию, не получилось.

— Г... г... г... или ж... ж... — торопил наставник Колин, взяв его за руку, — не важно что.

Но озадаченный Бен перепутал инструкции.

— Гопа, — сказал он, — гопа, гопа, гопа, — и начал бегать по кругу.

— Все-таки этот ребенок слабоумный, — объявил Папа. — Что это он изображает, курицу, снесшую яйцо? Уходи, мальчик, уходи. Никто не хочет яйцо. Эмма, дорогая, кто-нибудь включил обогреватель в ванной комнате? Не хочу заморозиться. Пойду поздороваюсь с Дотти. Отнес кто-нибудь наверх мою сумку? Мама, не пора ли тебе в кровать? И почему Бевил Саммерс не велел тебе оставаться в постели? Плохой он врач. Потом позвоню ему.

Эмме удалось вывести отца из комнаты.

— Поздороваешься с Дотти после того, как примешь ванну, — убеждала она. — Джо отнес твою сумку и отгонит машину. Принести тебе в комнату что-нибудь выпить?

— Нет, нет, нет, я выпью, когда спущусь вниз. Что за спешка? Все в этом доме спешат, никто никогда не отдыхает.

Все еще протестуя, он вошел в свою комнату и, раскрыв дорожную сумку, вывалил ее содержимое на пол. По старой привычке Эмма бросилась подбирать. Гребенки из черного дерева — на туалетный столик, шелковую пижаму — на кровать. В сорок восемь лет Папа так и остался невоспитанным. Все Мад виновата, конечно.

— Саммерс измерял ей давление? — спросил он, заходя в ванную и открывая краны на полную мощность. — У нас в семье у всех повышенное давление. Должен сказать, она не выглядит такой уж больной, но ведь у нее огромные резервы, как и у меня. Иначе я бы не выжил. Ты не представляешь, какими были прошедшие дни. Собrania, конференции, не ложился раньше трех. С трудом сюда вырвался.

— Расскажи про это за ужином, милый, — сказала Эмма, закрыла за собой дверь и прошла по коридору в свою комнату, чтобы броситься на кровать хоть на пять минут. «Мои резервы послабей, чем у Папы, — подумала она, — не то я бы не лежала вот так, встречала б его без напряжения. Слишком много происходит всего, вот что, час за часом...»

Горячая ванна, смена белья, шлепанцы, второй стаканчик — все это произвело благодатное действие на путешественника. Когда он вихрем наведалься на кухню поприветствовать Дотти и быстро осмотрел комнату

средних мальчишек, атмосфера не накалилась, как могла бы.

— Что-то надо делать с глазами этого мальчишки, — говорил Папа, когда Эмма, тоже переодевшись, вошла в музыкальную комнату. — Его нужно показать специалисту, может быть, понадобится операция. — (Речь шла, конечно, о Сэме.) — Всегда следует обращаться к лучшим специалистам. А от белки можно ведь подхватить ужасную инфекцию! Точно, точно, я уверен в этом. Или от попугаев? От тех и других, наверное. Болезнь Вейла или пситтакоз, не помню точно. Эмма, дочь моя, ты выглядишь великолепно. Ты здесь пропадаешь. Поедем со мной в Лондон.

Как раз в этот момент Дотти ударила в гонг, и Мад повела всех в столовую. Чтобы создать праздничное настроение, Дотти зажгла свечи. Мад посмотрела на плитку и обернулась с лучезарной улыбкой.

— Борщ, — сказала она, — твой любимый суп, и затем изумительная камбала. Эм, а Джо не будет с нами ужинать?

— Он просил его извинить, — сказала Эмма. — Он уже поел с ребятами.

По правде говоря, преданный и послушный Джо все же находил Папу слишком шумным и, тихий по природе, немел в его присутствии.

— Да? Ну, что же... — Мад казалась разочарованной. Когда возникала возможность схватиться с единственным родным, а не приемным сыном, Мад всегда радовалась аудитории. Оплотом ее обычно выступал Терри, поддерживавший ее в меру своих сил. Несмотря ни на что, Эмма чувствовала облегчение, что Терри в больнице, а не сидит здесь наизготовку, как атлет на старте.

— Джо знает свое место, — сказал Папа, с наслаждением прихлебывая суп — он ел шумно, и этому Мад его совсем не научила. — Настоящий дровосек и водовоз, отличный парень, но недалеко. Соль земли, дитя природы, как ни назови, но они тоже нужны в нашем обществе, побольше бы таких, как он, чтобы прислуживали элите вроде нас.

— Кто сказал, что мы элита? — возразила Мад. — Пусть я выступала в свое время перед миллионами, но это не повод считать меня каким-то высшим существом. Ну, а ты занимаешься махинациями с банковскими счетами аргентинских магнатов...

— Не делаю я ничего такого, ничего такого не делаю. Никаких махинаций. Дело в том, что для решения определенного вида проблем требуется определенный вид интеллекта. Моя специальность — финансовые дела — всегда были и будут, и, знаешь ли, ты тут совершенно ни при чем: кто и привел свои финансы в полный беспорядок после долгой и успешной карьеры, так это моя уважаемая мать...

— Папа, — вмешалась Эмма, — лучше расскажи, что происходит в мире, в нашей стране. Получится что-нибудь из СШСК?

Эта важнейшая тема, конечно, переведет разговор в нейтральное русло.

Папа вытер рот салфеткой.

— СШСК обязательно будет успешным союзом, — объявил он. — Если же этого не случится, то можно вешаться хоть завтра, нет, сегодня. Наш остров может рассчитывать на существование только в союзе с США, экономическом и стратегическом, тут спору быть не может, не может быть спору. Может, это нам и не нравится, в историческом смысле мы чувствуем себя оскорбленными, ограбленными, но *tant pis*^[16], альтернативы нет. Вступление в Европейское сообщество оказалось провалом, бедствием, цены выросли почти на пятьдесят процентов, помните? Политические страсти накалились, мы были на грани революции. И что же произошло? Страна разделилась, провели всеобщие выборы, потом референдум, наконец появилось сегодняшнее коалиционное правительство, и, как утопающий за соломинку, схватились за идею СШСК. Разница только в том, что соломинка — вовсе не соломинка, а чертовски большое бревно, милые мои, которое всех нас вывезет если не в Эльдorado, то хотя бы за пределы угрозы вымирания.

Он приостановился, чтобы передохнуть. Казалось, что Мад его не слушает. Она переливала остатки супа в блюде для Фолли.

— Я не чувствую себя ограбленной, — подняла она голову, — а вот оскорбленной чувствую. Экономический союз — пожалуйста, даже партнерство. Но не купля-продажа, а ведь это и есть СШСК, не так ли, Вик?

— Мама, дорогая, давай снова проведем аналогию с кораблекрушением. Ты в крохотной лодке, разгулялся шторм, лодка вот-вот перевернется, и тут подходит мощный огромный лайнер и предлагает взять тебя на борт. Ты соглашаешься, но ведь, взойдя на лайнер, ты и другие люди с лодки не встанут у руля, не так ли? Нет, ты благодаришь за спасение и делаешь, что тебе скажут.

Эмма убрала кастрюлю с супом и собрала тарелки. Дотти замаскировала камбалу белым соусом. Эмма засомневалась, нужно ли было так делать, потому что она стала напоминать больничную еду. Но что ж тут придумаешь... Она положила отцу щедрую порцию.

— Я бы лучше выстояла шторм, — сказала Мад. — Если лодка маленькая, это еще не значит, что она дает течь. Если обшивка хорошая и у пассажиров есть весла, то можно держать нос по ветру или лечь в дрейф

еще до бури. Тогда обязательно достигнешь земли.

— Или наткнешься на риф, — сказал Папа, — если до этого не перевернешься. Это же нелепо, дорогая. В нынешнем мире никто не действует в одиночку, мы должны сотрудничать: СШСК и их союзники, Южная Америка, Африка, Австралия, Канада; тогда всем остальным можно показать фигу, стратегически и экономически. У нас будут объединенные ядерные и воздушные силы, единая валюта. Остальной мир может продолжать заниматься своим делом, голодать, добиваться успехов, заниматься любовью, взрывать друг друга, нам до этого и дела не будет. Что это ты мне такое дала, Эмма, деточка, сметану от борща?

— Это камбала, — сказала Мад. — Ты же всегда требуешь рыбу, сам знаешь. Свежая дуврская камбала, которую выловил старина Том Бейт.

— Не знал, — ответил Папа, — что можно поймать дуврскую камбалу в корнуолльских водах, не больше шансов, чем добыть дублинские креветки где-нибудь, кроме Дублина. Ладно, поверю вам на слово. На чем мы остановились? Ах, да, стратегические и экономические дела. Единая валюта дает огромные преимущества. Еще не решено, примем мы за основу доллар или выдумаем что-то совершенно новое. Фунту стерлингов конец; конечно, я за возрождение дуката. Помнишь Шейлока? «Дочь моя! О! Три тысячи дукатов!» Туристы будут без ума.

— Дукат, — задумчиво пробормотала Мад. — Довольно неудачно рифмуется. Можно представить как...

— Хм, странный сорт камбалы, — продолжил Папа, отправив кусок рыбы в рот. — Напоминает по вкусу вату, вот что. Нет, нет, нет... Я не жалуюсь, но это создание никогда в жизни Дувра не видело. Наверно, морские пехотинцы постарались: выловили всю здешнюю рыбу и подпустили что-нибудь из окрестностей Лонг-Айленда.

Тем не менее он потребовал вторую порцию, запивая ее сомнительным шабли.

— Надо вам прислать калифорнийского вина, — сказал он, — уже прибыли контейнеры. Не то чтобы восхитительное, но новенькое. В Лондоне все его пьют.

— О, Вик, дорогой... — запротестовала его мать.

— Почему нет? Почему нет? Климат в Калифорнии лучше, чем где-либо во Франции. На западном побережье Америки огромные виноградники. И почти за бесценку. Уверяю вас, как только твердо встанет на ноги СШСК, мы будем есть американские фрукты, сыры, масло. Конечно, мы ужасно разжиреем, но тут выбирать не приходится — лучше, чем стать скелетами, как азиаты.

— Я заведу корову, — твердо сказала Мад, — двух коров. Мальчишки будут их доить, а Джек Трембат, возможно, разрешит им гоняться в его стаде; «гоняться» — это правильное выражение? И, хвала Господу, у нас много яблонь... А что касается винограда, то не понимаю, почему бы нам не посадить виноград, да, Эм, где-нибудь позади дома. Осенью будем давить виноград, мальчишки будут в восторге.

Папа вскинул голову и издевательски захохотал:

— Мальчишки, милая мама, будут учиться и привыкать к американскому образу жизни, им будет некогда давить виноград. Обмен поездками окажет молодежи огромную пользу, — продолжал он, разгрызая древний лесной орех (он не знал, что орех был похищен у Сэмовой белки). — Предлагаю послать в США Терри, да и Энди, наверно, с одним из первых самолетов. Джо это не нужно, читать и писать он не умеет, опыта не наберется... Хочу, чтобы вы поняли одно... — он сначала посмотрел на дочь, затем на мать, — и поняли меня правильно. Мы влипли в это дело по уши. Назад дороги нет. Если мы не будем сотрудничать в полной мере, охотно принимать все предложения, то дело кончится плохо, очень плохо.

Мад помолчала. Затем наконец сказала:

— Что конкретно ты имеешь в виду под «плохо»?

— Это и имею в виду. Они говорят с нами с позиции силы. Они не потерпят маршей протеста, демонстраций, кабинетных критиков, встающих с места и кричащих о разногласиях на собраниях в ратуше или по радио и телевидению. Эта затея — огромное испытание их пропаганды, воздействия на мировую аудиторию, помимо выгоды нашей стране и им самим. Они однажды опозорились в юго-восточной Азии, и теперь уж они позаботятся, чтобы ошибка не повторилась.

Эмма взглянула на бабушку, потом опять на Папу. Выражение на их лицах было абсолютно одинаковым. Глаза сощурены, подбородки выдвинуты вперед. Вместе они могли бы чудесно дать отпор, подумала Эмма, но представить их по разные стороны баррикады?

— Какое у нас население? — пробормотала Мад. — Пятьдесят, шестьдесят миллионов? Страну с шестьюдесятью миллионами нельзя подчинить.

— Неправда, — ответил ее сын, — потому что сорок пять миллионов, если не больше, приветствуют то, что происходит. Ничтожное меньшинство не в счет. Если они попробуют помешать...

Он прищелкнул пальцами и опустил большой палец вниз.

— ...Конец. За борт... Так что, любимые мои, если хотите, заводите коров, выращивайте виноград, но не болтайте глупости прилюдно и не

сжигайте больше чучел, выраженных в морских пехотинцев. Кстати, когда я включил радио и послушал ваши местные новости, я понял, что из части, размещенной на пляже Полдри, пропал солдат. Теперь послушайте меня. Если кто-нибудь из них пострадает, к примеру, подерется с местными, пропустив пару кружек в пабе, то местные за это и поплатятся. Янки — серьезные ребята, если их разозлить.

Эмма уставилась в свою пустую тарелку, потом украдкой подняла глаза на бабушку. Та протянула Фолли последний кусочек сыра «стилтон», который далматинка отвергла, выплюнув на ковер.

— Так же было с кельтами, когда Корнуолл заняли саксонцы, — сказала Мад. — Пойдем в музыкальную комнату, послушаем «Тристана»^[17]

.

Она первой вышла из столовой, а сын ее ей в спину скорчил рожу и покачал головой. Эмма обошла вокруг стола и задула свечи. Резкий запах дымящихся фитилей наполнил воздух.

Ночью начался сильный ветер, и к рассвету разыгрался семибалльный шторм. Плитки шифера со стуком падали с крыши, в саду упало дерево, через окно комнаты для гостей просачивалась вода, и, когда Эмма пошла отнести отцу утреннюю чашку чая, она застала его сидящим на широкой кровати и заслоняющимся от сквозняка открытым зонтом.

— Ужасные неудобства в вашем доме, — пожаловался он. — С шести часов не могу сомкнуть глаз, как вы терпите такое? Почему бы тебе не поехать со мной в Лондон? Могу взять тебя секретаршей в контору или сделать своим пресс-секретарем. Сейчас столько дел, что мне бы очень пригодился пресс-секретарь. — Он жадно отхлебнул чаю, будто целые сутки мучился от жажды. — Сядь, мы с тобой не часто видимся.

Эмма присела ногой на ногу на краю кровати, когда-то давным-давно занимавшей центральное место в комедии, в которой Мад с огромным успехом играла, естественно, главную роль. Много позже она купила ее как дань нежным воспоминаниям.

— Знаешь, я не могу оставить Мад, особенно сейчас, среди всей этой неразберихи. Мое присутствие ее сдерживает, хотя, признаю, не очень.

— Тогда поезжайте вдвоем, — настаивал он. — У меня в квартире полно места, весь день меня нет дома, она может делать все, что хочет: гулять в Кенсингтонском саду, кормить уток, ходить в зоопарк...

— Папа, дорогой, — запротестовала Эмма. — Мад ведь не Бен. На самом деле... Вместо прогулки по Кенсингтонскому саду она скорее устроит демонстрацию протеста перед американским посольством или парламентом. Например, прикует себя к оgrade, или что там такое делали суфражистки в начале века.

— Ерунда, — сказал Папа, наливая себе еще чашку, — никаких проблем. Признать ее невменяемой, социально опасной. В Суррейе есть отличное местечко: прекраснейшая еда, в каждой комнате цветной телевизор. Старушка Бобби Уилбро живет там, и никаких с ней хлопот...

— Папа, ты же этого не сделаешь, сам знаешь! — Эмма ударила его по ноге, и он пролил чай прямо на пуховое одеяло.

— Смотри, что ты наделала! — воскликнул он. — Дотти подумает, что у меня руки трясутся. Кстати, что это с ней случилось? Не рада мне, как раньше. Небось Мад платит ей нищенское жалованье и заставляет себя обслуживать с ног до головы. Да и готовить она стала из рук вон плохо,

вчерашняя рыба годилась только кошкам.

— Ничего подобного... — дочь опять стукнула его.

— Ну, может, и не кошкам... Дело в том, что чем дальше отъезжаешь на запад страны, тем ниже уровень жизни, я это заметил еще много лет назад. В Гемпшире еще туда-сюда, в Дорсите уже весьма сомнительно, явно низкий уровень в Девоне, а как переедешь Темар, будто оказываешься в Тибете. Скажу даже, что, по-моему, в Тибете условия жизни лучше, особенно теперь, когда у власти китайцы.

Эмма соскочила с кровати.

— Ты несправедлив, как мне кажется, — сказала она, — летаешь себе из столицы в столицу...

— Драгоценная моя, я летаю не более десятка раз в год, большую часть жизни я провожу во вращающемся кресле у своего конторского стола. Но Тибет изменится, Тибет наконец станет цивилизованным — под Тибетом я имею в виду Корнуолл, конечно. С помощью движения «Культурное сотрудничество народов СШСК» даже утренний чай будет подаваться не чуть теплым, а кипящим.

Она выхватила у него из рук чашку и блюдце.

— Нет, нет, отдай обратно!

Неохотно она протянула ему назад не слишком пришедшийся ему по вкусу чай, из-за которого ей пришлось в такую рань тащиться на кухню.

— Ты что, серьезно про эти «культурные» дела? — спросила она.

— Почему бы и нет, почему бы и нет? А, чушь собачья, конечно, если между нами, но для коренных жителей, селян, народа вашего драгоценного полуострова это может оказаться спасательным кругом. С промышленностью здесь покончено, сама понимаешь, никакого будущего, спад за спадом последние несколько лет и полная остановка при СШСК. Ты не хочешь понять того, что нам придется стать для американцев местом отдыха. В Штатах относительно этого самые серьезные намерения. Часть соглашения по СШСК предусматривает, что американцы прекратят поощрять туризм в Европу. Вместо этого в поисках старины они будут приезжать сюда. Кентерберийский собор займет место собора Святого Петра, Йоркский кафедральный собор заменит Нотр-Дам, и на карте появится каждый городишко, в котором отыщется церковь четырнадцатого века и парочка мощеных улиц, а всех жителей нарядят в цветные чулки и остроносые туфли. Мы уж на славу повеселились, когда писали рекламные проспекты. Из-за Атлантики повалят толпы народу.

Эмма не знала, что и думать. Продавцов в Полдри нарядят в чулки и камзолы и заставят носить бархатные береты? Она была уверена, что Том

Бейт откажется.

— Но, Папа, — сказала она с сомнением, — это же унинительно.

— Чепуха, чепуха. Ради денег люди будут делать все что угодно. Будет сильная конкуренция, города будут соревноваться друг с другом — вот увидишь. Инсценированные сражения, феодальные обычаи, вместо жареной говядины — жареный лебедь, служанки в чепчиках подают грелки, а за отдельную плату и сами прогреют постель. Ну, конечно же, сверхурочная работа будет хороша оплачена, за этим проследят профсоюзы.

Резкий порыв ветра, проникший через плохо пригнанную раму, заставил его еще больше скрючиться под зонтом.

— Прямо здесь можно деньги зарабатывать, — сказал он, — скажем, корнуолльский шторм в Треванале. Добро пожаловать, молодожены. Зонтики бесплатно.

Стук в стену оповестил отца и дочь, что хозяйка дома уже проснулась.

— Не бросай меня, я могу здесь утонуть, — взмолился Папа.

Эмма скрепя сердце отправилась обслуживать бабушку; в конце концов, ей почти восемьдесят, и в ее комнате, выходящей на море, этот тайфун уже, наверное, вышиб все стекла. Мад, однако, невозмутимо стояла у окна, сложив руки на груди и глядя, как шторм гонит по заливу белые гребни волн.

— Так им и надо, — объявила Мад с удовлетворением, — придется им передвинуться. Не продержаться тебе, цыпленок.

И действительно, военный корабль поднял якорь и двигался в южном направлении, носом разрезая бурлящие, пенящиеся волны, заливающие все его палубы.

— Это не значит, — ответила Эмма, — что мы простимся с морской пехотой. Нужно что-то посильнее шторма, чтобы выгнать их с пляжа Полдри.

— Ну и повезло же им, — Мад отвернулась от окна, — отобрали летние домики и сидят теперь, согнувшись у газовых печек. Жаль, Терри нет, он бы посмотрел. В девять часов буду звонить в больницу и спрошу, нельзя ли ему вернуться домой.

— Мад...

— Что? — Когда бабушка так хмурилась, возражать было бесполезно.

— Может, лучше подождать, пока Папа уедет обратно в Лондон?

— Почему, о, Господи?

— Ты же знаешь, они не переносят друг друга: хуже, чем два петуха.

— Полная чушь! Они хорошо действуют друг на друга.

Позже утром она позвонила доктору Саммерсу, и дело, к сожалению, решилось не голосованием, а само собой. Терри с ногой в гипсе, на костылях (что сделает его героем в глазах младших мальчишек), вполне может вернуться домой. Кроме того, его койка уже требовалась для другого пациента.

— Только не выпускайте его из дома, — предупредил врач. — Что бы такое зловредное он там ни выдумал, пусть делает это дома. Кстати, вчера вечером в больницу приходил офицер, морской пехотинец, проверял, что Терри делал накануне. Мои объяснения его полностью удовлетворили. Что касается пропавшего военного, то ни я, ни Терри не имеем ни малейшего представления, о чем говорил этот офицер, а вы, как я понимаю, вне подозрений?

— О да, абсолютно, — ответила Мад, делая знак Эмме, тоже слушавшей разговор. — Странное дело, этот солдат будто исчез с лица земли. Может, свалился с утеса. Кстати, передайте Терри, что на выходные приехал Вик. Вчера он прибыл из Лондона, такой путь проделал, о моем здоровье беспокоился.

В трубке не то фыркнуло, не то всхрюкнуло.

— Тогда передайте от меня вашему сыну, что он может спокойно возвращаться домой. Чем спокойней вы живете, тем быстрее улучшится ваше здоровье. И никаких происшествий, повторяю, никаких происшествий с сегодняшнего дня и до понедельника. У меня выходные.

Эмма, вздохнув, положила трубку. Жаль, что у нас не выходные, подумала она, жаль...

Мать с сыном вместе отправились в больницу за раненым. Не прошло и получаса, Эмма с Дотти только успели попить кофе, как, выглянув в окно, они увидели, что по подъездной аллее приближается военная машина.

— Вот так раз, — сказала Эмма. — Опять лейтенант Шермен, скорее всего. Не снимай кофе с огня. Придется пригласить его зайти.

Однако появившийся из машины офицер оказался не Уолли, а какой-то незнакомый. Он зашагал по тропинке, сопровождаемый двумя морскими пехотинцами. Эмма вышла в прихожую и открыла дверь, порыв ветра чуть не сбил ее с ног.

— Да? — сказала она.

Офицер не отдал честь, а прошел мимо нее в холл. Он осмотрелся по сторонам, заметил ряд палок и тростей в стойке, взял одну и осмотрел. Затем спросил, где Мад.

— Бабушки нет, — сказала Эмма. — Она уехала на машине с моим отцом. Они вот-вот должны вернуться.

Он секунду изучающе глядел на нее, затем сказал:

— Капитан Кокрэн, морская пехота США. Мне приказано обыскать дом и опросить всех жильцов. Это обыкновенная проверка, проводимая повсеместно в радиусе пяти миль от лагеря в Полдри. Можно моим людям подняться на второй этаж?

— Не могли бы вы подождать, пока вернутся отец и бабушка? — воскликнула Эмма. — Это необычное требование, вы должны...

— Может быть, и необычное, но оно должно быть выполнено, — ответил он. — Вам, вероятно, известно, что один из наших людей пропал?

— Да, это сообщали по радио, и, кроме того, вчера сюда приходил задавать вопросы лейтенант Шермен. Ему прекрасно известно, что мы не видели пропавшего.

— Лейтенант Шермен не провел обыск в вашем доме, — последовал ответ, — а я командую этой операцией. О'кэй, вперед, — он отдал приказ двум морским пехотинцам, которые начали подниматься по лестнице.

— Подождите, — сказала Эмма, — можно я пойду с вами? Они не знают, куда идти, а отец и бабушка очень щепетильно относятся к своим вещам.

— Как хотите, — пожал плечами офицер. — Они ничего не повредят. — Он начал одну за другой приподнимать трости. Фолли, прихрамавшая в холл из библиотеки, обнюхала ему ноги. — Уйди, — сказал он.

— Осторожнее, — предупредила Эмма, — собака очень старая и практически слепая.

Офицер не ответил. Эмма взяла Фолли и увела ее обратно в библиотеку, закрыв двустворчатые двери. Сердце ее билось учащенно, не от страха, а от гнева и обиды. Она взбежала по лестнице вслед за двумя морскими пехотинцами. Они вошли в комнату для гостей, один из них распахнул платяной шкаф, другой открыл комод. Папина дорожная сумка была тщательно осмотрена, дно простукано. Потом они сняли с кровати белье и перевернули матрасы.

— Что, Боже мой, вы ищете? — спросила Эмма.

Они не ответили. Один из них ухмыльнулся. Осмотрена была и ванная, а когда они перешли в апартаменты Мад — туалетная, спальня, ванная, — процедура повторилась. Раскрывали шкафы, выдвигали ящики, вынимали и засовывали назад одежду. Слава Богу, ее нет, думала Эмма, слава Богу... Потом обыскали ее комнату, затем вторую, редко используемую, свободную комнату.

— Это все? — спросил один из них.

— На этом этаже все, — ответила она. — В другом крыле живут дети, у нас их много. Надеюсь, вы не собираетесь их пугать?

Ответа не последовало. Они спустились в холл. Офицер появился из музыкальной комнаты.

— Ничего не нашли?

— Нет, сэр.

Он указал на закрытую дверь кухни.

— Что там?

— Кухня, — ответила Эмма, — и детские комнаты. У нас четверо малышей, самому младшему только три года.

— О'кэй, о'кэй, — нетерпеливо сказал он и, кивком указав на открытую дверь гардеробной, приказал одному из солдат проверить множество плащей, пальто, курток и сапог, которые Мад запасала на разные случаи жизни.

Они вошли на кухню. Офицер принялся открывать двери шкафов, и Дотти, заметив вторжение на свою территорию, с изумлением оглянулась.

— Эй, подожди-ка, — вся вспыхнув, сказала она, но тут вмешалась Эмма.

— Бесплезно спорить, — сказала она, — у них ордер на обыск, или, по крайней мере, я так поняла. Они уже побывали наверху.

— Они были в комнате Мадам? — в ужасе вскричала Дотти.

— Верно, леди, — один из солдат с улыбкой коснулся ее плеча. — И мы должны будем осмотреть и вашу комнату.

Дотти бросила призывный взгляд на Эмму, но та покачала головой.

— Ничего страшного, Дотти. Все в порядке. — Затем она повернулась к капитану. — Разрешите мне предупредить детей, — взмолилась она.

Он коротко кивнул, и Эмма ушла в игровую комнату.

— Послушайте, детки, — быстро произнесла она, — пришли несколько морских пехотинцев, обыскивают дом. Не те, которых мы знаем, а другие. Так что не пугайтесь, когда они зайдут к вам.

Малыши удивленно уставились на нее. Колин, только что размахивавший очень длинной и очень острой бамбуковой палкой, наклонил голову:

— Они плохие?

— Вполне возможно, что да, — ответила Эмма, — так что ведите себя тихо.

Вошел капитан в сопровождении двух солдат. Он быстро оглядел комнату. Шкаф, забитый сломанными или ненужными игрушками, вряд ли мог скрывать кого-нибудь, живого или мертвого.

— О'кэй, — сказал он, — пошли дальше.

Колин, нимало не смущаясь тем, что на него не обратили внимания, сказал:

— Привет. Угадай, что у нас есть.

Спрыгнув с подоконника, он принялся рыться в шкафу с игрушками, перегородив при этом путь к отступлению капитану и его подручным. Колин извлек маленькую коробочку, оказавшуюся фотоаппаратом; будто оператор на телевидении, он приставил коробочку к глазу.

— Хочешь сделаю твою фотку, детка? — сказал он с американским акцентом и нажал на кнопку — из коробки вылетела извивающаяся на пружине змея, стремительно рассекла воздух и ударила капитана в глаз.

— Отвали, — сказал Бен и захлопал в ладоши.

К чести капитана, он молча отбросил метательный снаряд, вытер глаз и выскочил из комнаты. Эмма последовала за ним.

— Извините, пожалуйста, — сказала она. — Понимаете, дети немного распустились, простите нас.

Ничего не ответив, он прошел по коридору до спальни малышей, осмотрел ее и перешел к следующей комнате. Сэм кормил белку, Энди в комнате не было. Эмма инстинктивно почувствовала, что, несмотря на шторм, он вскарабкался на крышу и сидит под трубой, хотя это строжайше ему запрещено. Сэм поглядел на вошедших. Капитан, наверное потому, что не мог поймать его косящий взгляд, отвел глаза. Перед тем как выйти из комнаты Эмма посмотрела на Сэма и губами проговорила единственное слово: «Энди». Сэм кивнул.

— Пусть кто-нибудь поможет тебе приглядеть за белкой, — сказала Эмма вслух.

Сэм опять кивнул, он понял, что она хотела сказать. Нужно дать Энди сигнал, когда можно будет слезать с крыши.

Военные задержались в третьей по коридору комнате, после того как Эмма объяснила, что это комната старших ребят.

— Терри, он сейчас в больнице, — пояснила она. — Отец с бабушкой поехали, чтобы забрать его домой.

— Да, мы о нем слышали, — ответил капитан. — Приходили к нему в больницу. А где другой парень?

— Скорее всего в подвале. Как обычно в это время. Действительно, Джо, склонившись, колот топором дрова.

— Ага, — сказал капитан. — Сколько тебе лет?

— Девятнадцать, — ответил Джо, вопросительно глядя на Эмму.

— Джо, это капитал Кокрэн, — сказала она, — он проводит в нашем

доме обыск. Уж не знаю зачем.

— Брось топор, — приказал капитан, — стань вот там у стены, руки за голову. Ну-ка, поживей.

Джо, никогда не отличавшийся быстрой реакцией, удивленно заморгал. Капитан мотнул головой, и двое морских пехотинцев подбежали к Джо, схватили за руки и бросили к стене.

— Эй! — закричала Эмма. — Что вы делаете?

— Не лезьте не в свое дело, — ответил капитан. — Мы не сделаем ему ничего плохого, только зададим несколько вопросов. Капрал, общите его.

Они принялись ощупывать Джо сверху донизу, выворачивать карманы джинсов.

— Стой спокойно, ты, — сказал один из них и пнул Джо в голень.

Джо удивленно и испуганно посмотрел на морского пехотинца.

— Что я такого сделал, по-вашему? — спросил он. Солдат хлестнул его по губам, не агрессивно, но, несомненно, больно. Джо покраснел и инстинктивно опустил левую руку, закрываясь от следующего удара. Другой солдат схватил его за руку и задрал ее вверх, пнув еще раз Джо в голень.

Эмма непроизвольно рванулась вперед, на защиту, но капитан схватил ее за запястье и задержал.

— Слушай, девочка, беги-ка отсюда и побыстрее.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Джо ни в чем не виноват. Лейтенант Шермен это знает. Позвоните, ради Бога, в лагерь и проверьте!

— Лейтенант Шермен сегодня на борту судна. Нас стало на одного меньше, и моя задача выяснить все, что вам известно. Местные мальчишки порядком нам досаждают, и мы этого не потерпим.

Эмма высвободила руку.

— Джо никогда в жизни не был ни в чем замешан. Он очень редко выходит из дома и со двора.

Двое морских пехотинцев держали Джо железной хваткой, и Эмма поняла, что если сейчас она закричит, что было бы естественной реакцией, то в игровой комнате ее услышат малыши и прибегут в подвал. Их бесцеремонно вытолкают, а если это услышит Энди... Энди не должен ничего слышать, Энди не должен знать...

— Уходи, Эмма, — проговорил Джо, и она заметила на его губах кровь. — Со мной все в порядке. — Он стоял у стены, как и было приказано, подняв руки над головой.

Эмма вышла из погреба и побежала вверх по маленькой лестнице, ведущей из подвала в холл. На верхней ступеньке она упала и

расплакалась. Было слышно, как Фолли, скуля, скребет двери из библиотеки в столовую. Эмма открыла двери и, взяв старую собаку, уселась с ней на диване. Бесплезно звать Дотти, еще бесплезней звать любого из мальчишек. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой беспомощной, такой одинокой. Прошло пять, а может быть, и десять минут, и Фолли вдруг наострила уши, собачьим чутьем поняв, несмотря на глухоту, что возвращается машина. Знакомый гудок. Эмма спрыгнула с дивана и бросилась им навстречу. Папа помогал Терри выбраться из машины. Мад протягивала ему костыли. Терри поднял голову, улыбаясь во весь рот.

— Опять твой «лютенант»? — саркастически сказал он, указывая костылем на американский «джип».

Пожалуй, это был не слишком удачный момент для шуток.

— Ради Бога, скорее, — сказала Эмма Папе. — Эти головорезы из морской пехоты избивают в подвале Джо. Останови их, быстрее.

Все изумленно на нее уставились. Мад, поддерживающая Терри, резко обернулась и чуть не упала, но он ее поддержал.

— Что? Кто? — воскликнул Папа. — О чем ты говоришь?

— Морские пехотинцы, — всхлинула Эмма, и у нее опять потекли слезы. — Незнакомые. Ходят из дома в дом, выпрашивают. Они обыскали все комнаты, перевернули все вверх дном, а сейчас поставили Джо к стене в погребе.

Папа повернулся к Терри:

— Ты сможешь подняться по ступенькам?

— Да, да, идите, — улыбка исчезла с лица парня. Папа взял дочь за руку.

— Не надо истерик, — твердо произнес он. — Я предупреждал, что подобного следует ожидать. Наверное, всего лишь обычная проверка, они выполняют приказ. Я с ними разберусь... В погребе, говоришь? Почему в погребе? А что Джо, он им возражал, упряился?

— Нет, — выкрикнула Эмма, — Джо ничего не делал. Он колол дрова, потом они его схватили и швырнули к стене...

— Хорошо... хорошо... Успокойся, моя милая, оставайся здесь, подожди Терри и Мад, пригляди за ними. В подвале, говоришь, немедленно иду туда. — Спускаясь по ступенькам, он крикнул, полуобернувшись: — Вы все идите в музыкальную комнату и будьте там. Закройте двери. Делайте что хотите, но не выпускайте Мад.

Бабушка с Терри медленно двигались по тропинке через двор.

— Не держи меня, — нетерпеливо говорил он, — я лучше пойду сам. Так бы и вмазал этим негодьям костылем по башке...

— Нет, — ответила Мад, — этим займемся я и Вик. Это не твое дело.

— Еще как мое, раз они Джо избивают.

Эмма взяла себя в руки и встала у входной двери.

— Папа сказал, чтобы мы ждали в музыкальной комнате. Если любой из нас вмешается, то будет только хуже, в миллион раз. Я уже пробовала, теперь знаю.

— Кто они? — спросила Мад. — Другие, ты говорила? Не лейтенант Шермен?

Эмма рассказала о случившемся с начала до конца.

— Они ничего не разбили, не повредили. Лучше бы уж это. Меня добило, что они все проделали так спокойно и бесцеремонно. Одну за другой проверили все трости в холле, просмотрели все пальто в гардеробе...

— По какому праву? Что они ищут?

— Не знаю. Не сказали.

И вдруг Эмма вспомнила, что Терри не знает, что на самом деле произошло с пропавшим капралом. Он не знает их тайны. Так же, как Папа. О, Боже, подумала Эмма, если бы только мы могли выступить единым, безгрешным фронтом, но мы не можем, не можем...

— Думаю, Папа справится вполне успешно, — сказала Мад. — В нашем кругу мы смеемся над его хвастовством, но когда он показывает пропуск, то это оказывает мгновенное действие, мы буквально пронеслись через посты.

— А я бы сказал, — произнес Терри, — что морские пехотинцы что-то все на взводе. Тот, что приезжал в больницу, хотел устроить мне допрос с пристрастием, но доктор Саммерс его отшил. А все-таки, что это за история с пропавшим капралом Вэггом? Кому он нужен? Небось сладко спит с какой-нибудь местной шваброй. Ну и пускай, если это не Миртл, я не возражаю.

— Он исчез около тридцати шести часов назад, — заметила Мад.

— Желаю ему удачи, — ответил Терри. Послышались голоса. Папа поднимался из подвала в холл, и с ним морские пехотинцы. В музыкальной комнате наступило молчание. Спрятавшись за занавеской, Эмма наблюдала, как Папа, офицер и двое солдат шагали по дорожке через двор, затем вышли за ворота. Папа что-то говорил, но Эмме не было слышно. Офицер щелкнул каблуками, отдал честь и влез в «джип», его подчиненные последовали за ним. «Джип» развернулся и удалился по подъездной аллее. Папа вернулся к дому. Мад пересекла комнату и открыла дверь.

— Ну? — спросила она.

— Никаких проблем, никаких проблем. Как я и думал, всего лишь обычная проверка. Они чертовски злы из-за пропавшего капрала. С Джо все нормально, пара синяков, нужно помазать чем-нибудь разбитую губу.

— А если подобное повторится, когда тебя не будет? — спросила Мад.

— Не повторится, не повторится. Если, конечно, вы не выкинете очередную глупость.

Гнев Терри, казалось, поутих. Он задумался. С усилием поднявшись со стула, он заковылял к двери.

— Пойду к Джо, — спокойно произнес он. — Вик, спасибо тебе за помощь. Рад, что ты выпроводил этих типов.

Мад дождалась, пока он выйдет за дверь, потом повернулась к сыну:

— Я думаю, с ним ничего плохого не случится, как ты считаешь? Так или иначе, морские пехотинцы ушли...» И как они только посмели тронуть Джо?! Если бы я была там!

— Я очень довольна, что тебя не было, — сказала Эмма. — Папа — да, но только не ты.

Бабушка проигнорировала ее выпад.

— Ты не можешь поговорить с кем-нибудь из начальства? — обратилась она к Папе. — Кто такие это были, почему не послали тех, кого мы знаем? Лейтенант Шермен явно положил глаз на Эмму, и хотя он довольно глуп, но неизменно вежлив.

— Мама, дорогая, если ты думаешь, что военные, американцы или, уж коли на то пошло, наши, ходят с ордером на обыск, перерывают комоды и, приставив к стене, устраивают допрос недовольным девятнадцатилетним подросткам — и все это для развлечения, то ты глубоко заблуждаешься. Я не сказал об этом при Терри, но из слов капитана Кокрэна я понял, что о пропавшем уже практически два дня нет никаких известий. Они опасаются, что произошло самое худшее и его кто-то прикончил. Кроме того, начальство глиняного карьера доложило о пропаже гелигнита. Так что морские пехотинцы имели полное право так действовать, хотя с Джо они обошлись слишком круто; короче говоря, я не собираюсь связываться ни с каким начальством.

Эмма посмотрела на бабушку. Она надеялась, что спор на этом закончится. Продолжение его только нарушило бы все достигнутое. На Папиных щеках и так уже появились два маленьких красных пятнышка — он начинал выходить из себя.

— Я не успела прибрать в спальнях, — вмешалась Эмма. — В комнате для гостей и переворачивать-то нечего, но в твоей комнате они открывали каждый ящик и все шкафы.

Эта тирада адресовалась Мад, которая попалась на крючок.

— Пошли, — сказала она, — я должна увидеть самое худшее, пусть даже это будет стоить мне очередного сердечного приступа.

— Только, ради Бога, будь осторожней, — убеждал ее сын. — Такое возбуждение вредно. Эмма уберет твою комнату, да. там и так всегда погром, а шкафы у тебя набиты линялыми джинсами, совершенно не подходящими для семидесятидевятилетней женщины. А твои таблетки? Не пора ли тебе принять таблетки? Я позвоню Бевилу Саммерсу...

— Замолчи, — сказала Мад. Когда они оказались наедине в ее спальне, она присела на кровать и обзрела беспорядок. — Могло быть и хуже.

— Тебе не кажется, что после этих событий нам, по всей вероятности, лучше запереть дом и уехать в Лондон? — спросила Эмма. — Папа сегодня утром уже предлагал что-то в этом роде.

— Уехать в Лондон? — повторила Мад. — Ты бредишь?

— Нет, серьезно... Знаю, мы с тобой не любим Лондон, но ведь там намного безопаснее, правда? Мы с тобой будем жить в Папиной квартире, Джо и Терри у Трембатов.

Мад пошла в ванную вымыть руки.

— Эмма, ты можешь ехать, если хочешь, я тебя держать не стану. Но я ни за что на свете не брошу дом и мальчишек. Кроме того, Фолли не сможет жить в Папиной квартире. А Сэмова белка? — Она вытерла руки о полотенце. — О нет, это совершенно исключено. Я не смогу без мальчишек. И кроме того...

— Кроме того, что? — спросила Эмма, когда прозвучал гонг к обеду и они спускались вниз. Мад принялась беззвучно насвистывать.

— Здесь, по-моему, весьма интересно, — проговорила она.

Они уселись обедать впятером. Присутствовали и Джо, и Терри, и в кои-то веки Терри молчал. Разбитая губа Джо не была слишком заметна, и, по молчаливому уговору, о визите морских пехотинцев никто не вспоминал. Папа, умиротворенный джином с тоником, разглагольствовал об огромных преимуществах, которые несет шестимесячный визит в Штаты тем, кто достаточно молод, чтобы воспользоваться предоставленным шансом. Бесплатный перелет и плюс возможность найти работу.

— Я читал проспекты, — поведал он слушателям, — я читал проспекты... Обо всем уже позаботились, отличный сервис, у нас, конечно, обязательства взаимные, но никакого сравнения — представьте только наше сырое постельное белье и брюссельскую капусту, — американскую молодежь постигнет разочарование, ну и пусть. Зато как наша молодежь

выиграет.

Зазвонил телефон, и Джо пошел снять трубку.

— Лишь бы не этот болван Кокрэн опять со своими вопросами, — сказал Папа.

Через несколько минут Джо вернулся. Он был бледен и выглядел напряженным.

— Это миссис Трембат. Она в ужасном состоянии, плачет. После нас морские пехотинцы отправились к ним и забрали на допрос мистера Трембата и Мика. Она хотела узнать, не можете ли вы помочь. — Он взглянул на Папу, сидевшего на дальнем конце стола.

— Конечно, — воскликнула Мад, — Вик, ты же знаешь милых Трембатов с фермы, они нам так помогают, настоящие друзья. Сходи, поговори для начала с ней.

Наблюдая за отцом, Эмма, однако, заметила, что выражение его лица изменилось: во время обеда он был весел, а теперь на лице появились решимость и упрямство.

— Простите, — сказал он, — но я ничем не могу помочь. Для Джо я смог использовать какое есть влияние, но не более того. Я ни за кого, кроме родственников, не могу ручаться. Если Трембату нечего скрывать, то и жене его нечего волноваться. Если хотите, я поговорю с ней, но, надеюсь, вы поняли ситуацию.

Он положил салфетку на стол и вышел из комнаты. Все молчали. Даже его мать.

Течение дня, задержанное на время на грани беды, ускорилося, вновь понеслось к раздору. Когда Вик вернулся, поговорив по телефону, ошеломленная Мад заспорила с сыном, но тот стоял на своем. Влияние влиянием, настаивал он, но у всякого влияния есть предел, а перегнув палку, он может вызвать пристальное внимание к их дому.

— Если Джек Трембат убедит допрашивающих, что в тот день, когда пропал капрал, он его в глаза не видел, они отпустят его домой, — объявил Папа. — Всего-то и дел. Естественно, это же относится и к мальчишке.

— Мик всего на два года старше Энди, — раздраженно заметил Терри, — представь себе, что они схватили Энди, так же как до этого Джо, и бьют его в погребе. Что ты тогда скажешь?

— Это гипотетический вопрос, такого не случится.

На Папиных щеках вновь появились розовые пятнышки, и, закончив все-таки обед, он вышел из столовой в музыкальную комнату. Остальные последовали за ним.

— Надо что-то делать, — сказал Терри, — только непонятно, что именно. Черт возьми, проклятые костыли! — в отчаянии от собственного бессилия он размахнулся и ударил костылем по ножке кресла.

— Послушай, — тихо сказал Джо, — я схожу на ферму прямо сейчас, узнаю, не надо ли чем помочь. Так или иначе, но в четыре надо доить коров. По-моему, миссис Трембат и Миртл вдвоем не справятся. Если понадобится, я останусь там ночевать.

— Я пойду с тобой, — сказала Эмма. — Если, как ты говоришь, она в таком состоянии — ведь миссис Трембат не расстраивается по пустякам...

— Возьми машину, — вмешался Терри. — Тогда и я смогу поехать. Так или иначе, я хочу узнать, что делала Миртл и видела ли она на самом деле тогда капрала Вэгга.

Эмма посмотрела на Мад и встретила ее взгляд.

— Терри, дорогой, — сказала Мад, — лучше бы ты остался здесь и присмотрел за младшими. Ты можешь передать Миртл все, что захочешь, через Эмму.

— Хорошо, — недовольно ответил Терри, — но если малыши заиграются, я им покажу вот это. — Он поднял свое новое оружие — костыль, — и по его настроению было видно, что в случае необходимости, он найдет костылю достойное применение.

Папа устроился в кресле и принялся листать номер «Сельской жизни». Эмма понимала, что он не воспринимает ни единого слова, ни одной иллюстрации. Они с бабушкой вновь обменялись взглядами. Мад пожалала плечами и состроила гримасу. Эмма поняла, что день предстоит трудный.

— Самое страшное, — сказала Эмма Джо, когда они брели по полям к ферме, — что Папа вправе говорить, что он не может вмешиваться, когда дело не касается его семьи. Ведь мы не можем сказать ему правду. А ведь во всем виноват член его семьи.

— Я как раз подумал, — ответил Джо, — стоит или нет выложить Вику всю историю начистоту. В конце концов, что могут сделать ребенку, такому, как Энди? Ему едва исполнилось двенадцать.

Эмма остановилась и посмотрела на своего спутника.

— Нет, нет, — воскликнула она, — только не это! Папа сообщит морским пехотинцам, он будет считать, что обязан так поступить, и они отправят Энди в полицию), их или нашу; а потом сошлют в колонию для несовершеннолетних. Ах, Джо, — продолжала она, поравнявшись с ним, — я люблю Папу, временами просто обожаю его, как сегодня утром, когда он сидел на кровати под зонтиком, будто избалованный школьник, но в нем есть какая-то безжалостность, непрошибаемость, которая не дает рассказать ему правду.

Ферма уже выглядела осиротевшей. Ворота открыты, чего никогда не бывало, и Джо быстренько их закрыл. Коровы, по обыкновению, уже терпеливо стоят во дворе, дожидаются дойки, хотя до нее еще часа два. Но не бежит навстречу Спрай. Не видно мистера Трембата, не слышно приветственного крика Мика из коровника.

— Гады проклятые, гады проклятые, — в бессильной ярости произнесла Эмма.

Они вошли на кухню и увидели, что по лестнице спускается миссис Трембат.

— А, это ты, Эмма, дорогая. Как я рада тебя видеть. Миртл ужасно расстроена. Пришлось уложить ее в постель.

Вот дура, подумала Эмма, почему бы, черт возьми, ей не помочь матери? Она непроизвольно метнулась к миссис Трембат и обняла ее, но проявление симпатии снова вызвало у бедной женщины слезы. Миссис Трембат расплакалась, уронив голову на кухонный стол.

— Я пойду, — прошептал Джо. — Скажи ей, чтобы не беспокоилась. Я все сделаю, что нужно.

Понемногу Эмма услышала всю историю. Все произошло из-за исчезновения капрала Вэгга. Похоже, капитан Кокрэн не поверил, что во

время его прихода Джек и Мик были заняты дойкой и даже не знали, что он приходил и разговаривал с Миртл.

— Капитан все повторял Джеку: «Вы отделались от капрала, ведь так? — рассказывала миссис Трембат. — Вы отделались от него, потому что боялись, что он приударяет за вашей дочкой. Что вы с ним сделали? Ну же, выкладывайте». Эмма, Джек ведь не привык, чтобы с ним так разговаривали, и не его вина, что он не сдержался. «Убирайтесь с моей земли, — сказал он. — Нет у вас таких прав. Сначала мою собаку застрелили, теперь нарушаете границы моих владений и обвиняете меня в том, чего я не делал. Убирайтесь!» Это их доконало, сама понимаешь. Они его схватили и засунули в «джип», не без труда, скажу тебе, потом забрали Мика...

Она остановилась и умоляюще посмотрела на Эмму.

— Твой отец точно не может ничем помочь? Терри всегда рассказывал, что у него столько знакомств в Лондоне: депутаты парламента и еще много кто...

Наступил самый неприятный момент. Признать, что Папа не хочет помогать. Признать поражение.

— Он заставил их прекратить допрос Джо, — ответила Эмма, — но, скорее всего, они и не собирались увозить его с собой. Видите ли, Джо не протестовал. Он вел себя тихо. Мне кажется, они разозлились из-за того, что мистер Трембат так себя вел.

— Но это же естественно! Кто бы не вышел из себя? И мой бедняга Джек говорил сущую правду: когда пришел капрал, он доил коров.

«Не всю правду, — подумала Эмма, — не всю правду. Вот что ужасно. Он знает, что капрала убил Энди. Он знает, что произошло с трупом. А вы не знаете, дорогая миссис Трембат, и Миртл не знает...»

— Папа говорит, он уверен, что они очень скоро выпустят мистера Трембата и Мика, так что попробуйте не волноваться. Смотрите, Джо сделает все, что нужно по хозяйству. Он справится и с дойкой, и овец пригонит с выпаса. Может, я здесь чем-нибудь помогу? У вас есть еда?

— Ты умница, — сказала миссис Трембат, вытирая слезы. — Я так тебе благодарна...

«Благодарна... А мы? Из-за нас, из-за нас твоего мужа арестовали, и сына тоже...»

Остаток дня Эмма провела, помогая миссис Трембат по дому. Миртл пришла в себя и вышла помочь Джо загнать коров в стойла для дойки, — потому что перед ней парень, подумала Эмма, она бы не вышла, будь там только ее мать. Когда Эмма и миссис Трембат готовили еду, кто-то постучал

в дверь черного хода.

— Я открою, — сказала Эмма. Она вышла — на пороге стоял мистер Уиллис, в руках он держал кепи, и ветер развевал его седую шевелюру. — Ах, это вы, — сказала Эмма, не зная, радоваться ей или огорчаться.

Его голубые глаза блеснули из-под очков.

— Думается, мы здесь по одному поводу, — ответил он, — предложить помощь соседям в беде. Я был в Полдри и слышал, что мистера Трембата с сыном забрали в лагерь на допрос. Новости быстро доходят, правда? Я зашел, чтобы помочь чем могу. Думаю, ты заметила, что я на все руки мастер.

— Джо уже доит коров, — сказала Эмма, затем обернулась и позвала миссис Трембат. — Пришел мистер Уиллис, спрашивает, не нужна ли помощь.

Миссис Трембат подошла к двери и встала рядом с Эммой.

— Вы так добры, — сказала она задумчиво. — Не знаю, что бы мы делали без соседей. Джо скоро закончит, но нужно еще согнать овец и пересчитать их. Вчера вечером одна овца убежала. Правда, Джек нашел ее, но ему пришлось объехать на «лендровере» все поле.

Эмма отошла в сторону. Во всем, что говорила миссис Трембат, для них был скрытый смысл.

— Никуда не ходите, миссис, — сказал мистер Уиллис. — Я помогу Джо и подоить, и овец согнать. Так, значит, они забрали вашего мужа? А я не поверил, когда услышал об этом на улице в Полдри.

Пришлось снова рассказать историю с начала до конца. Эмма еле выдержала — мучило острое чувство вины. По крайней мере, мистер Уиллис посвящен в тайну, но почему-то от этого было еще тяжелей.

— Как только эти военные высадились на прошлой неделе, я сразу понял, что быть беде, — говорил мистер Уиллис. — Все им мало — смотрите, что наделали в юго-восточной Азии. Да они могут избить человека только за то, что он выскажет свое мнение.

— Скажите, а моего Джека они бить не станут? — беспокойно спросила миссис Трембат.

— Не побьют, если он будет отвечать как надо. Надо только уметь с ними обращаться. Надо только притвориться, и они проглотят все что угодно. А в нужный момент бей, и бей сильно, — вот они и разбегутся, как скворцы от трещотки. Извините, но я вас покину: пойду помогу пареньку управиться с коровами.

Мистер Уиллис скрылся в наступивших на улицах сумерках.

— Он такой добрый, — сказала миссис Трембат, — но немного

странный.

Она выглянула наружу и посмотрела на скотный двор.

— Знаю, — сказала Эмма, — но доверять ему можно.

«Более того, — подумала она, — нужно доверять, нет другого выхода. В его руках и я, и ты, сестра моя, — и весь мир в его руках...»

Ветер, бушевавший весь день, теперь начинал стихать. Здесь, на ферме, это не так чувствовалось, как дома, — ферма стояла у подножия холма, защищавшего ее от ветра. Что делается в Треванале, подумала Эмма, прошло уже немало времени с тех пор, как она ушла. Миссис Трембат накрыла на всех стол и сказала, что они с Миртл будут очень рады, если Джо, Эмма и мистер Уиллис разделят с ними компанию — еды у них много, а мужа и сына нет, — но Эмма отрицательно покачала головой.

— Не знаю, как Джо, — сказала она, — но мне пора возвращаться.

Во двор въехала машина, и этот звук пробудил в них обеих надежду, но это была лишь сестра миссис Трембат, фельдшерица Беннет. Досужие слухи уже донесли дурные вести и до нее.

— Они побывали во всех окрестных фермах, — рассказывала она, — и в коттеджах за Сент-Фимбаром. И ищут они не только пропавшего капрала, но и взрывчатку. Зачем нам взрывчатка, хотела бы я знать! Помните Джима Кауча — я перевязываю ему язву на ноге, — так его сын работает в Уайтморе. Так вот, похоже, что они забрали на допрос немало молодых парней, и настроение у мужчин делается все мрачнее.

— Чем мрачней, тем лучше, — появился из-за дверей мистер Уиллис и отвесил сестре Беннет старомодный поклон. — Мы ведь не хотим, чтобы об нас ноги вытирали. Чтобы заключить союз, мало горстки деятелей с Уайтхолла. Весь народ должен показать поддержку.

— Все это хорошо, мистер Уиллис, — ответила миссис Трембат, — но нас не спросили, на этот раз, по крайней мере. Референдум созывали, когда был весь этот шум из-за объединения с Европой.

— Вступление в Европейское сообщество не идет ни в какое сравнение с тем, что делается сейчас, — сказал мистер Уиллис. — Поехал себе на рынок в Лоствитель, обменял корову на свиноматку с поросятами — и все довольны. И по твоей земле не расхаживают янки и не стреляют твоих собак.

— Правильно, — кивнула сестра Беннет. — Но, так или иначе, неприятности нам тоже не нужны.

— Точно так же говорили французы, когда во вторую мировую их оккупировали немцы. Нам не нужны неприятности. Будем, мол, делать то, что нам скажут. Правда, не все так думали. Взрывали железнодорожные

пути и станции, готовились к открытию второго фронта.

Эмма поймала его взгляд и отвела глаза. Она подумала о взрывчатке Терри, надежно спрятанной где-то в лесной хижине.

— Миссис Трембат, — сказала она. — Мне действительно пора идти. Когда вернется Джо, скажите ему, что я ушла.

— Он может пойти с тобой, — сказал мистер Уиллис. — Если что-то еще надо сделать, то я готов помочь. И к утренней дойке я подойду. — Он удовлетворенно потер руки. — Чем больше работаешь, тем лучше спишь. Вы согласны?

Наливая чай, миссис Трембат неуверенно осмотрела своего новоявленного помощника. Эмма понимала, что ни миссис Трембат, ни Миртл не будут сегодня спать спокойно — разве что их мужчины вернутся живыми и невредимыми.

В дверях показался Джо, он ждал Эмму.

— Миссис Трембат, — сказал он. — Я зайду к вам завтра утром. И мистер Уиллис говорит, что завтра первым делом вас навестит. Надеюсь, что мистер Трембат и Мик вернутся домой еще раньше.

— Дай Бог, — ответила Пегги Трембат.

— Я бы на это не рассчитывал, — заметил мистер Уиллис. — Они любят доставлять как можно больше неудобств, иначе, мол, это пустая трата времени. Тебе полезно попотеть — так они говорят. — Он кивнул Джо. — Погода улучшается, завтра будет ясное небо, и на пляже от моего дома до Полдри полно плавника. Будет мне хороший урожай, не удивлюсь, если и для янки тоже.

Эмма и Джо вышли на улицу, в темноту. Облака поредели, воздух сделался прохладнее.

— Не знаю, в чем дело, — сказала Эмма, — но мне от него не по себе.

— Мне тоже, — признался Джо. — Но я знаю, что ему можно доверять. Мы в коровнике с ним поговорили. Он сказал, что янки не в чем обвинить мистера Трембата или Мика, потому что они действительно не видели капрала Вэгга, когда он заходил к Миртл, и они будут стоять на своем. Мик не знает, что потом случилось, так что он чист. Мистер Уиллис сказал еще, что здешние начинают роптать против морской пехоты, особенно после этого случая. В здешних краях все высокого мнения о мистере Трембате, его все уважают.

— Может быть... — сказала Эмма, — может быть... но это не умаляет того факта, что мистер Трембат и мы все знаем, что капрал мертв.

Они возвращались в Треванал, надеясь, что дома их ждет ну уж если не радость, то, по крайней мере, относительный покой. Их ожидало

разочарование. Войдя в дом, они услышали, как в прихожей зазвонил телефон и Папа бросился снять трубку. По каким-то причинам он сменил спортивный свитер на костюм.

— Кризис... Кризис... — говорил он, — все рушится. — Он вбежал в прихожую и захлопнул дверь. Эмма и Джо прошли в музыкальную комнату. Мад подкладывала в камин поленья. Повернувшись к вошедшим, она подняла глаза к небу, вздохнула и присела на диван.

— Вот так весь день. Только один спокойный час, он даже заснул в кресле, я старалась не дышать, — как вдруг зазвонил телефон — его чертова секретарша из Лондона. И не спрашивай у меня, в чем дело. Цюрих... Нью-Йорк... Может, он и Бразилию упоминал. Так или иначе, он должен немедленно вернуться в Лондон.

— О нет! — у Эммы моментально упало настроение.

— Родная, я разочарована не меньше тебя. Конечно, Вик кого угодно выведет из себя, но мы же с тобой его обожаем. — У Мад (самой Мад! — кто бы мог подумать!) навернулись на глаза слезы эго. — Наверное, потому что мы видим его так редко. Что ж, ничего не поделаешь. Как дела на ферме? Вернулись Джек с Миком?

— Нет, но приходил мистер Уиллис, помог.

— Хорошо. Милый Таффи. Что бы мы без него делали.

Джо выскользнул из комнаты, бормоча, что ему нужно сделать какие-то дела, но Эмма догадалась, что он подумал, что женщины хотят остаться с Папой наедине.

— Слава Богу, дети вели себя как ангелы, — сказала бабушка. — Дотти принялась за рождественский пудинг — рановато еще, по-моему — и разрешила Колину с Беном помогать ей. Святая женщина.

— А Энди с Сэмом?

— Они сделали для белки новую клетку. Старая ужасно провоняла, в комнату невозможно войти. Беда, мне кажется, в том, что голубь не очень-то ладит с белкой — не сошлись характерами.

Речитатив в прихожей смолк, и Папа вошел в комнату.

— Так и знал, что нельзя было уезжать из Лондона, — сказал он. — Все с ума посходили, не знают, за что браться. СШСК и Бразилия поссорились из-за новой валюты; придется лететь туда и разбираться. Какой-то паршивый дурак подложил бомбу к дверям американского консульства, разрушений нет, бомбу вовремя обнаружили, но для пропаганды — это удар. Эмма, дорогая, не могу найти шлепанцы, куда ты дела мои шлепанцы?

Эмма и не думала их куда-то девать, они нашлись под кроватью. Она

помогла отцу собрать немногочисленные пожитки, упаковала его гребенки, электрическую зубную щетку и вдруг бросилась ему на шею, крепко прижалась:

— Не хочу, чтобы ты уезжал.

— Очень мило с твоей стороны, — удивленно сказал он, — очень трогательно. Дорогая Эмма, как прекрасно иметь взрослую дочь, не всегда это понимаешь в этой вечной спешке. Нам надо чаще видиться. Жаль, что ты не поедешь в Бразилию, тебе бы там понравилось. Как дела у твоих друзей с фермы? Извини, но я не мог им помочь. И речи быть не могло.

Как всегда, не дождавшись ответа, он сбежал по лестнице вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и вернулся в музыкальную комнату, прихлебывая черный кофе.

— Это поможет мне продержаться до Эксетера, — заявил он. — С Эксетера начинается цивилизация. Может, перехвачу сэндвич у Дигби-Страттона, это всего в нескольких милях от Хонитона, буду ли успевать, посмотрим, еще эти проклятые посты на дорогах. Эмма, если позвонят из бразильского посольства, скажи, что я уехал... Нет, нет, мама, любимая, я не хочу батский Оливер^[18], у меня приключится несварение желудка за рулем, пора собираться, я уезжаю. — Он обнял мать и дочь одновременно, прижал их к себе. — Если мне придется улететь на несколько дней в Рио, не сядьте только к моему приезду в тюрьму, умоляю. Времена тревожные — шагни не туда, и все может случиться. У вас есть мой рабочий телефон, и, если произойдет что-то серьезное, передайте секретарше, чтобы связалась со мной, правда, я буду все время на конференциях... Не забывай принимать лекарство от сердца, не волнуйся, следи за этими жуткими детьми... Пора ехать, мне пора ехать...

Мад осталась у входной двери, а Эмма с отцом пошли по подъездной аллее. «И это повторение вчерашнего, — подумала Эмма, — только тогда впереди ждала встреча с ним, которая могла продлиться все выходные, а сейчас он уезжает, а мы так ни к чему и не пришли. В некотором роде, это хуже, чем если бы он вовсе не приезжал, ведь привыкаешь, что его нет». Он поцеловал ее еще раз, влез в машину — взревел мотор, зажглись, осветив ворота, фары. Вот и все. Закончено. Папа уехал.

Эмма нашла Мад у камина в музыкальной комнате. Бабушка сняла с каминной полки старинную открытку с собственным изображением и смотрела на нее. Фотография была сделана много лет назад, когда Мад была еще молода. Как говорил ее муж: лицо, отправившее в плавание тысячи судов. Большие глаза, пышные волосы, обрамляющие округлые щеки. Трехлетний крепыш Вик, точная копия матери, сидит у нее на

коленях. Эмма подошла и встала рядом, потом обняла бабушку.

— Он просто копия, — сказала Эмма.

— Себя или меня?

— Обоих.

И все же, все же... О чем он тогда думал, этот пухленький малыш? Было ли тогда предначертано, что он вырастет в грузного мужчину средних лет, спешащего на самолет в Бразилию и убежденного (или пытающегося убедить себя) в том, что он управляет финансами миллионов людей? И эта красивая чувственная женщина, его мать, с улыбкой в уголках рта и выющимися локонами, — знала ли она, что доживет до семидесяти девяти, превратится в эксцентричную, довольно властную старуху? Когда делали это фото, жизнь была хоть и не безмятежной, но во многом стабильной, и Гитлер тогда еще не развязал войну. По прошествии времени этот мальчик уже будет в сознательном возрасте и услышит знаменитую фразу Черчилля о том, что англичане будут сражаться с фашистами на побережье и на улицах. Сегодня страна захвачена другой державой с согласия почти всего населения — по крайней мере, так утверждает маленький мальчик с фотографии, превратившийся сейчас в зрелого мужчину. Бой на побережье принял семнадцатилетний мальчишка, приемом из регби сбивший с ног вражеского десантника, и ребенок двенадцати лет, который, правда, не на улице, а на распаханном поле, превратившись в убийцу, уничтожил такого же врага стрелой, выпущенной из лука.

Мад поставила фотографию обратно на каминную полку.

— Когда он уезжал, у меня было очень странное чувство.

— Что ты хочешь сказать?

— Нет, ничего, только... — Мад привычно развела руками. — Чувствую я, что не скоро увижу его снова.

Эмма не ответила. Она задумалась: как ощущают время старики, летит оно или стоит на месте? Сейчас время летело, потому что каждый день событиям не было конца. Если бы не наступил этот кризис, было ли бы у бабушки такое же ощущение скуки и безысходности, как в последнее время у самой Эммы? Или Мад, из-за того что ей скоро восемьдесят, хочет, чтобы каждый день тянулся медленно, не кончаясь, потому что каждый миг — такова природа вещей — приближает ее к концу?

— Папа уедет из Англии всего на несколько дней, — постаралась утешить ее Эмма, — а потом он должен приехать на твой день рождения. Кризис или нет, но мы обязаны устроить праздник.

Мад презрительно пожала плечами.

— День рождения, — усмехнулась она. — Кому нужны дни рождения

в моем возрасте? Когда придет время, придумаем что-нибудь для развлечения мальчишек, но дело-то в том, будет ли нам что отмечать?

В воскресенье утром Джеку Трембату и Мику разрешили вернуться на ферму. Комендант лагеря сказал, что для них сделано исключение — из-за того, что скот и земля требуют непрерывной заботы. В случае необходимости его могут опять допросить. Его делом занимался не полковник Чизмен, который за день до этого, в шторм, вместе с кораблем переехал в Фалмут, а его заместитель, полковник Такер, весьма суровый человек. Прибыв домой, фермер первым делом отправился в Тревенал, чтобы обо всем рассказать соседям.

— Хочу вас поблагодарить, — сказал он Мад, едва ступив на порог, — за то, что послали Джо поработать за меня. Не знаю, что бы без него делали Пегги и Миртл, и без тебя тоже, — добавил он, поворачиваясь к Эмме. — То, что вы туда заходили, говорили с ними, помогло больше всего.

— Ты благодаришь нас? — Мад протянула руку и усадила его рядом с собой на диван. — Что мы можем ответить? По-моему, ни я, ни Эмма не сомкнули прошлой ночью глаза, ломая голову над тем, что они с тобой делают. А бедная твоя жена...

— Что ж, все позади, — сказал он. — Не будем больше об этом думать. А могло быть и хуже. Знаете, если бы в Полдри командовали наши парни, пусть бы и к стене нас ставили, вообще по-варварски обращались, я бы все равно так не злился, но меня доконали вопросы этого янки с акцентом, будто у шерифа из вестернов. Конечно, дома я погорячился, потому меня и забрали, но уж там-то я старался держать себя в руках.

— Где они тебя держали? — спросила Мад.

— Ха, они захватили весь порт в Полдри. Знаете, где контора портового начальства? Так там теперь их штаб. Я был рад... — Он понизил голос, хотя дверь была закрыта, — я был рад, что Мик ничего не знает. Он мог бы не выдержать. Они так и засыпают вопросами, без передышки, чертовски сбивает с толку — а что можно ожидать от мальчишки его возраста? Но не волнуйтесь, — он похлопал Мад по колену. — От нас они ни черта не узнали. И не узнают.

Эмма вспомнила, как в пятницу бабушка упомянула кельтов и саксов, и мистер Трембат, будто прочтя ее мысли, тихо улыбнулся и сказал:

— Лесной старикан оказался настоящим кладом. Похоже, что между валлийцами и корнуолльцами куда больше общего, чем я думал. Пусть только попробует кто-нибудь явиться из-за океана указывать нам, как

жить, — получит столько, что не унесет. Пегги мне рассказала, что утром он первым делом зашел на ферму, даже раньше, чем ваш Джо. Да, крепкий старик, это точно. Хорошо, что он не на их стороне, а на нашей.

— Кстати, о нашей стороне, — сказала Мад. — Жаль, что нас так мало.

— Ну уж не волнуйтесь, — замотал головой мистер Трембат. — Тут в округе многие радовались приходу янки, но теперь-то они только обрадуются, если американцы уберутся обратно.

Не все, конечно, так думают, тут вы правы. Кое-кто, не будем называть по имени, душу продаст за легкую наживу — бригада «давайте стричь капусту с янки» — те же, кто обирал туристов из центральной Англии; но есть и те, кто сохранил в душе огонек, они не будут, лежа на боку, смотреть на засилье чужаков.

Эмма заерзала в кресле. Она думала о Папе. Очевидно, и Мад тоже вспомнила о нем, потому что произнесла чуть-чуть изменившимся (это могла заметить только внучка) голосом:

— Я понимаю, что мы должны смотреть на них не как на чужаков. Предполагалось, что это будет союз, не так ли? Сын пытался нам объяснить. Я ничего не понимаю в финансах и никогда не понимала. Но похоже на то, что без этого союза нам конец, страна — банкрот. Кстати, я очень сожалею, что ему не удалось предотвратить ваш арест. Мы — я и Эмма — очень переживали из-за этого. По правде говоря, Вик, мой сын, ничего не знает о том, что произошло. Мы ему не рассказали.

— Не рассказали?! — удивился Джек Трембат.

— Нет. Видишь ли, Вик — банкир и по работе тесно связан с правительством и этими делами относительно СШСК. На самом деле он сторонник союза и приветствует все происходящие перемены. Так что, если бы мы сказали ему правду... — Мад действительно не знала, что сказать, чего никогда не случалось с ней раньше: если она и забывала роль, экспромты так и слетали с ее губ. — Не знаю, что бы он тогда сделал. Мог решить, что он обязан доложить американцам о смерти капрала и об обстоятельствах его гибели.

Фермер молчал. Он был потрясен. Он медленно покачал головой.

— Как вам трудно, — наконец сказал он. — Плохо дело, если женщина не может посоветоваться с собственным сыном. Поймите, я его не виню, он должен работать на правительство, а если им кажется, что страной следует управлять именно так и без войск янки не обойтись, то... — Он вскочил на ноги и ударил кулаком о кулак. — Не могу это видеть, вот и все. Знаете, когда на прошлой неделе ваш Энди вытащил лук, я подумал: клянусь, я был

бы горд, если бы так сделал мой Мик. Это был первый ответный удар в защиту нашей страны — честь и хвала мальчишке. Ну что же, — сказал он, — я свое слово сказал, а теперь ухожу. И помните, если я вам потребуюсь, готов явиться в любое время дня и ночи.

В тот же день Джо доложил Эмме, что видел, как двое морских пехотинцев и полицейский с овчаркой шли по пашне по направлению к пастбищу.

— Я был в кустах, — рассказал он, — и они меня не заметили. Они шли по следу, что тогда оставил мистер Уиллис. После они, должно быть, спустились на берег. Потерялся ли там след, не знаю. В конце концов, прошло три дня! Прилив должен был залить те места, по которым он проходил.

— Кто-нибудь еще о них знает?

— Только Терри. Кстати, я решил, что лучше ему рассказать обо всем, что я и сделал вчера вечером, перед тем как мы легли спать. Я понимал, что если это не сделаю я, то Энди долго не выдержит и расскажет сам.

— А что Терри?

— Он был потрясен. Я даже не ожидал, что он так сильно отреагирует. Не на само убийство, а на то, что это сделал Энди, да еще ради него самого. Он сказал, что, будь морские пехотинцы британцами, он бы пошел и все рассказал, взял вину на себя. Но так как это янки, захватчики, да еще после того, как они били меня и мистера Трембата и Мика, он готов взять в руки лук и стрелы и еще десяток застрелить сам.

Эффект снежного кома, подумала Эмма, вот как это называется. Кто-то начинает дело, оно набирает ход, присоединяются новые и новые участники — вот и лавина, гибнут люди, их дело или имущество.

На следующее утро на холме ребят поджидал школьный автобус. Автобус был украшен флагом СШСК (об этом доложил Терри, приковылявший к подъездной аллее, чтобы понаблюдать за отправлением). Техникум Терри был все еще закрыт. «Ничего удивительного — слишком много учеников арестовано», — мрачно прокомментировал он.

Мад предложила Эмме поехать с ней в Полдри за покупками. Эмма предпочла бы поехать одна; Мад опасно отпускать в супермаркет одну. Однако отговорить бабушку не удалось, и они отправились в город по дороге, идущей вдоль берега, — все те же посты, проверки пропусков. Эмме было разрешено сесть за руль, потому что, как недовольно согласилась Мад, человек с якобы больным сердцем не должен вести машину. Подъехав к стоянке напротив супермаркета, они увидели ряд припаркованных возле тротуара машин и очередь желающих войти в

магазин, растянувшуюся до перекрестка.

— Неудивительно, — заметила Мад. — Надеются запастись едой, пока она еще есть. Слава Богу, у нас много свеклы. Я встану в очередь, а ты припаркуй где-нибудь машину.

Эмма долго кружила по узким улочкам Полдри, пока не втиснула машину на частную стоянку у методистской церкви. По пути назад она столкнулась с мистером Уиллисом, выходящим из рыбной лавки Тома Бейта.

— Здравствуйте, — сказала она. — Наконец-то погода наладилась.

Он отвесил изящный поклон.

— Утро хорошее, особенно для всех живущих. — Он прищурил глаз, и угол рта у него дернулся. — Жаль, что вчера вечером был сильный ветер, — наш друг обнаружился на Келливардском утесе, а не уплыл в океан, как я надеялся. Забился в щель, окруженный морскими улитками. Кто бы мог подумать?

Эмма молчала. Слова мистера Уиллиса могли означать только одно. Келливардский утес — это риф, длиной около сотни футов, обнажавшийся только в отлив. На нем стояла мачта, предупреждавшая, что это самое опасное место между портом Полдри и якорной стоянкой.

Мистер Уиллис кивнул прохожему и продолжал:

— В субботу ураган сломал мачту. Так бывало не раз, она не закреплена как следует. Вчера Том Бейт ловил там рыбу, он знает в тех местах каждую пядь. В лодке у него есть багор — проверять глубину, когда он глушит мотор над рифом, — и водоросли там посвежей, чем у меня на берегу, так что он время от времени привозит их мне, а я складываю их в огороде. — Мистер Уиллис остановился и подмигнул Эмме. — «Это еще что такое?» — говорит Том Бейт, когда неподалеку от сломанной мачты багор утыкается во что-то мягкое, — он тыкает еще разок и вылавливает нечто, скажу тебе, не слишком приятное для глаз. Он заводит мотор и отправляется в гавань докладывать. Никакого сокрытия находки, правда? Нет, только не на этот раз.

Эмма подождала, пока очередной прохожий не отойдет на достаточное расстояние, и спросила:

— Значит, американцы в курсе?

— В курсе... конечно... Они продержали Тома чуть ли не целый день — все расспрашивали, — поэтому ему вчера больше не пришлось ловить рыбу. И сегодня утром в лавке ты свежей рыбы не найдешь. Можешь зайти, он сам тебе расскажет. Эмма покачала головой.

— Пожалуй, не стоит, — сказала она и добавила: — А в новостях

ничего не сообщили.

— Так и должно быть. Пока все это неофициальные сведения. Я узнал об этом только потому, что зашел в лавку за своими водорослями. — Он показал набитую сумку.

Невероятно, но он еще раз подмигнул Эмме, закинул сумку на плечо и перешел улицу, направляясь в скобяную лавку. Сквозь витрину Эмма украдкой заглянула в рыбный магазин. На прилавке была разложена сушеная селедка и соленая треска, а сам Том Бейт стоял, разглядывая Эмму. Он улыбался.

— Соблазнишься чем-нибудь сегодня, дорогая? — крикнул он.

— Нет. Нет, спасибо, — ответила Эмма.

Она подошла к супермаркету. Бабушка продвинулась в очереди и стояла уже почти у дверей. Она беседовала с женой управляющего банком.

— Они назовут новые деньги дукатами, — рассказывала Мад, повернувшись вполоборота к собеседнице, — исторические ассоциации и все такое, что-то вроде дублонов. Будут ли дукаты основываться на долларе, сын не сказал. По-моему, он улетел это выяснять в Бразилию. Ваш муж должен знать. Я хочу сказать, про дукаты.

— Он мне ничего не говорил, — ответила озадаченная соседка по очереди.

— Ну что ж, — Мад пожалала плечами, — еще, наверно, рано об этом говорить. Мой сын работает в коммерческом банке, они всегда узнают обо всем первыми.

Люди в очереди прислушивались.

— Никогда не слышала о дукатах, — шепнула одна женщина другой, — и о дублонах. Вот как плохо, помнишь, как мы привыкали к десятичным деньгам^[19]

— Пенсионерам тяжело придется, — пробурчал какой-то старик.

— Ничего, — улыбнулась Мад, — теперь началось нормирование продуктов, нам с вами апельсиновый сок полагается вполцены, как детям.

Они прошли в двери магазина. Внутри толкотня, суший бедлам. Продавцы пребывали в смятении. На прилавках стояли таблички с надписями: «Извините, сыра, ветчины, яиц нет». Покупатели кидали в корзины консервы с надписями «отпуск не ограничен», но все консервы подорожали.

— Нам это не нужно, — сказал Мад. — Это старые запасы выставили, чтобы люди расхватывали.

Продавца за прилавком прямо передернуло.

— Уверяю вас, мадам, это не так. Поймите, новые правила отпуска

мешают нам даже больше, чем покупателям. Нормирование продуктов ввели так поспешно, что мы прямо не знаем, что делать. Новых продуктов пока еще не поступало, и мы не знаем, когда их и ждать.

Мад проталкивалась дальше, внучка за ней, и наконец они вышли из магазина со странным набором покупок, начиная с дюжины бледных отбивных и нескольких фунтов колбасы и кончая рулонами туалетной бумаги и несколькими бутылками апельсинового сквоша.

— Дорогая, мне кажется, у Дотти в списке ничего этого нет, — заметила Эмма.

— Неважно, — сказала Мад, — пригодится. И не стоит тайно припрятывать еду. Еще с войны помню, что те, кто скрывал еду, считались отщепенцами. А рыба есть?

— Нет рыбы, — Эмма оглянулась по сторонам. У супермаркета все еще стояла очередь. Придется соврать, подумала Эмма. — Лавка закрыта. Тома Бейта нет. — Тут Эмма вспомнила, что им придется идти к машине мимо лавки. — Знаешь, — торопливо произнесла она, — ты иди в аптеку, а я подгоню туда машину и заберу тебя.

— Но мне в аптеке ничего не нужно, — запротестовала Мад.

— У мальчишек кончается зубная паста. И у меня тоже. Да и мыло там лучше, чем в супермаркете.

Эмма подогнала машину к аптеке и забрала Мал; у шлагбаума они остановились на очередную проверку пропусков. Мистер Либби, хозяин «Приюта моряка», беседовал с постовым, морским пехотинцем. После того как были закончены все формальности, мистер Либби нагнул голову к машине.

— Доброе утро, — сказал он. — У меня для вас кое-что есть. Замечу, что я предлагаю далеко не каждому. — Он говорил доверительным тоном. — Заместитель командующего лагерем исключительно любезный джентльмен. Скажу вам, если для них постараться, то они в долгу не останутся. — Он огляделся по сторонам. — Хотите ящик калифорнийского вина? — прошептал он.

— Извините, — сказала Мад, — но это не в моих принципах.

Мистер Либби выпучил глаза.

— Никакого обмана. Обещаю вам. Вино на борту корабля. И налогов платить не надо. Мы будем импортировать это вино в больших количествах, а это первая партия. Вино намного слаще, чем французское, что вы обычно берете.

— Мистер Либби, — сказала Мад. — Я скорее буду пить воду из корыта, чем это калифорнийское вино. Поехали, Эмма. — Машина

рванулась. Мад обратилась к внучке: — Я абсолютно серьезно. Калифорнийское вино, держи карман шире! Так что Вик был прав. Что еще нас заставят покупать, вот что интересно. Одноразовые пакетики с чаем, я полагаю... и этих жутких морских моллюсков.

Машина уже была в гараже, когда Эмма повернулась к бабушке и сказала:

— В Полдри я встретила мистера Уиллиса. Они нашли капрала Вэгга.

Мад молчала. Выбравшись из машины, спросила:

— Где?

— На Келливардском утесе. Вчера. Его нашел Том Бейт на своей лодке. Вот почему я не хотела, чтобы ты заходила в лавку. — Она рассказала бабушке все известные ей подробности.

Мад собирала покупки.

— Несомненно, они провели вскрытие, — сказала она. — Интересно, что последует дальше — если бы он был наш, провели бы следствие, а раз он не наш, кто знает.

— Не знаю, — ответила Эмма, — и спросить нам не у кого.

— В таком случае остается только ждать. И слушать радио.

Эмма не могла понять, к лучшему или к худшему, что тело обнаружено. В итоге будет хуже. Пока капрала искали, допускали еще мысль, что он где-то скрывается — убежал и спрятался, — Эмма же и все остальные, кто знал правду, могли надеяться, что бушевавший в пятницу и субботу шторм унес бы труп далеко в пролив и прошли бы дни, а может и недели, пока его прибило бы к берегу, а этого могло и не произойти, или тело уже невозможно бы было опознать. Но что теперь об этом. Труп забросило в расщелину в Келливардском утесе. Эмма вспомнила, сколько раз она ходила там с мальчишками во время отлива — риф целиком обнажался только в конце весны, и они могли бродить вокруг него, высматривая креветок. Эмму передернуло. Никогда больше она не сможет сделать это снова.

Дотти встретила их сообщением, что во время их отсутствия звонил Папа.

— Он очень спешил, Мадам, уезжал в аэропорт. Сначала в Нью-Йорк, потом в Рио. У секретарши есть адреса. Мне показалось, что он расстроился из-за того, что не мог поговорить с вами.

Мад развела руками:

— Не надо было мне ехать. По крайней мере, хотя бы голос его услышала.

Похоже, она упала духом, — вовсе не в ее стиле. Эмма выгрузила все

свертки на кухонный стол и сказала бабушке:

— Что значит, услышала бы его голос?

— То и значит. Эмму охватила паника:

— Ты не думаешь, что он попадет в авиакатастрофу, или самолет угонят, или еще что-нибудь ужасное?

— Нет, милая, конечно, нет. Не бери в голову глупости.

Эмма представила себя сидящей рядом с Папой в лайнере, летящем в Нью-Йорк. Она была бы избавлена от расследований и всей этой суматохи, творящейся здесь, дома. Папа бы носился с ней, баловал, гордо представлял ее как «внезапно выросшую дочь». Нью-Йорк, Рио, кругом удивительное, новое, но, главное, спокойное и безопасное, никакой ответственности, кроме разве что польстить его гордости и выглядеть как можно лучше. Вместо всего этого она дома, как в осаде. Мад почти восемьдесят, мальчишки тоже не самостоятельны, и каждый новый день все более зловец, несет в себе угрозу.

Она вышла прогуляться по полю и вниз к скалам — только для того, чтобы разбередить в себе чувство страха и отверженности, которое, как она была уверена, пробудит в ней вид Келливардского утеса. Море было безмятежно. Ничего похожего на бурлящий котел, каким бухта была в субботу. Нет ни волн, ни катящихся гребней. Илистая поверхность Келливардо горбилась над спокойными водами, а сломанная пополам мачта напоминала согбенную человеческую фигуру. На горизонте, где-то у Додмана, виднелся далекий силуэт приближающегося военного корабля. Эмма стояла и смотрела, как все яснее вырисовывается его серый силуэт. Военный корабль возвращался, чтобы снова бросить в бухте якорь. Поможет ли это прояснить ситуацию, хотя бы в отношении их самих, или будет только хуже? Полковник Чизмен относился к ним с большим пониманием, чем его заместитель, но теперь, когда обнаружен труп капрала, он может изменить свое отношение. А Уолли Шермен? Изменился ли и он? Она повернула назад и снова выбралась на поле. Сколько часов занял бы перелет через Атлантику вместе с Папой? Приземлился ли уже самолет, встречают ли Папу друзья-бизнесмены в зале для особо важных персон?

Вернувшись домой, она увидела, что ребята шагают к дому от шоссе, где их высадил школьный автобус. Они все щеголяли галстуками с символикой СШСК, резким пятном выделявшимися у каждого на шее. Как всегда, первым выложил новости Колин:

— А уроков почти и не было, — заорал он, — только маршировали и пели новые песни. Мы выучили «Знамя в звездах». А мисс Беркетт читала

нам исторические рассказы об Америке. Угадай, что еще?

— Что?

— Приходила миссис Хаббард, дама с большими зубами. Она вела «беседу об Иисусе». Теперь это будет раз в неделю, но вести будет не она. Она только показывала нашей учительнице, как надо делать.

Эмма повернулась к остальным:

— Вам то же самое досталось?

— Нет, — Энди, похоже, хватило на сегодня. — Они все время переставляли нас в разные группы, мы теперь должны помогать своему соседу по парте. Раз за разом я попадал к девчонкам, и это было ужасно. Они ничего не делали, только хихикали и тыкали меня в спину. А потом у нас было «раздумье». Нужно было молча просидеть десять минут, а затем каждый по очереди вставал и рассказывал, о чем он думал.

— И что ты рассказал?

— Я сказал, что это дурацкая затея, об этом я и думал. Больше ничего. Так что меня быстренько усадили на место. Награды я не заслужил.

— А я получил, — сказал Сэм, и по его худому личику внезапно пробежала улыбка. — Такой новый значок, звезда — как на галстукке. Я думал о Спрае, как мистер Трембат подобрал его на пляже еще щеночком, какой-то отдыхающий бросил его, не хотел везти домой. И я рассказал, как его учили пасти овец и коров, как все его любили, а потом застрелили.

Терри, за день исчерпавший весь репертуар грампластинок, приковылял, чтобы присоединиться к остальным.

— Спорю, что они были потрясены.

— Не знаю, — ответил Сэм. — Мистер Эдивин и его коллеги приняли серьезный вид, и мистер Эдивин вручил мне звезду за яркое описание.

— «Беседа о Иисусе» куда лучше, чем раздумье, — настаивал Колин, пытаюсь утащить у Терри костыль, — потому что после нее мы разыгрывали сцены из жизни Иисуса. Сначала решили разыграть сцену с хлебами и рыбами, ходили по классу, изображая, что раздают хлеба. Помоему, это было глупо. Я взял линейку и выгнал их всех, а когда мисс Беркетт спросила, что я делаю, и сказала, что нельзя быть таким жестоким, я ответил, что я — Иисус, изгоняющий менял из храма. После этого миссис Хаббард ушла. Сказала, что ей надо в другую школу. А мисс Беркетт все равно дала мне звезду.

После чая мальчишки по очереди выложили Мад школьные новости. К некоторому удивлению Эммы, бабушка, вместо того чтобы позабавиться, разозлилась.

— Никогда в жизни не слыхала такой... — заявила она, используя

слово, услышанное, вероятно, от Бена. — Как они осмелились изменить программу, не предупредив родителей, родственников, опекунов? Если это начало КСН или как там они это называют, то чем раньше начнется скандал в министерстве образования, тем лучше. Хотя в будущем министерство, верно, будет совместным, и во главе его поставят какую-нибудь полную идиотку вроде Марты Хаббард. Я склоняюсь к тому, чтобы дети сидели дома. Буду учить их сама.

— Это запрещено законом, — сказала Эмма.

— Неважно. Пусть подадут на меня в суд. Эти жуткие галстуки... не могу поверить, что их надо носить в обязательном порядке. И почему о христианстве нельзя говорить прямо и откровенно? Беседы об Иисусе, надо же! Все равно, — заметила она. — Я бы много отдала, чтобы увидеть, как Колин изгонял их из храма.

Она включила телевизор, и на экране, как обычно теперь, появились улыбающиеся президент и королева, стоящие рядышком у Белого дома.

— Ну сколько можно, — простила Мад. — Это же совершенно неприлично. И куда, черт возьми, смотрит принц Филипп?

— Полагаю, он все еще в гостях у индейцев, — ответила Эмма.

— Если, когда президент приедет сюда, устроят то же самое и его посадят в карету и повезут открывать парламент, то, скажу тебе, один человек точно сойдет с ума, глядя на это, — и это Дотти. Выключи!

— Подожди, — предупредила Эмма, — может, сообщат что-нибудь о капрале.

Но ничего не сообщили. Большая часть программы была отведена предстоящему в конце недели Дню благодарения, а так как после почти двухсотлетнего перерыва Соединенное Королевство воссоединилось со своей бывшей колонией, празднования пройдут особо торжественно и будет объявлен всеобщий выходной.

Позже зазвонил телефон. Эмма сняла трубку. Это был Уолли Шермен. Голос его звучал довольно подавленно.

— Это вы, Эмма? — сказал он. — Это Уолли. Мы вернулись в лагерь.

— Я поняла. Видела, как сегодня днем в бухту возвращался корабль.

— Правильно, — сказал он и после секундного колебания добавил: — Слышал, что у вас были определенные неприятности. Мне очень жаль.

— Нам тоже.

Он вновь заколебался.

— Я звоню вам потому, что они не совсем закончились, — продолжал он. — То есть надеюсь, что лично у вас все будет в порядке, но в вашем районе опять ужесточаются правила. Видите ли, нашли тело капрала Вэгга.

Мы провели вскрытие и установили, что он умер до того, как попал в воду. Голова довольно сильно повреждена, но установить причину смерти мы не смогли. Может, он упал со скал на камни, и шторм потом унес его тело, а может, его столкнули. Никаких доказательств нет. — Он кашлянул.

— Мне очень жаль, — сказала Эмма. — Какой ужасный случай.

— Дело в том, — продолжал он, — что по радио или телевидению ничего не сообщат, так же как и в газетах, потому что это плохо с точки зрения пропаганды, но начальство очень недовольно. Они не считают, что это несчастный случай, но обвинить им некого. Так что в вашем районе грядут строгие правила. С нашей стороны прекращаются всякие контакты с местным населением. Это означает, что я не могу теперь прийти к вам в гости. Я думал, что лучше сказать вам об этом.

— Вы очень добры, — ответила ему Эмма.

— Как бы то ни было, но ничего не поделаешь. Жаль, что все так получилось. По новым правилам нельзя даже разговаривать с вами по телефону.

— Подождите, — сказала Эмма. — Вы упомянули новые строгости. Что это значит конкретно?

Опять возникла неловкая пауза.

— Не могу ничего сказать, — ответил он, — потому что, честно говоря, и сам точно не знаю. Хотел только предупредить. Спокойной ночи.

Эмма положила трубку. Что теперь будет? Мад уже поднялась наверх, легла спать. Эмма выключила свет в прихожей и, задумавшись, осталась стоять в темноте.

Выяснилось все довольно скоро. На следующее утро, после того как ребята отправились в школу, Дотти отозвала ее в сторонку и попросила съездить в Полдри без Мад и привезти кое-какие продукты и вещи из списка, что вчера куплены не были.

— Вот всегда так, — посетовала Дотти, — когда дашь Мадам волю делать покупки. Кто будет есть всю эту колбасу? Тебе придется отвезти ее обратно, а туалетная бумага, конечно, вещь нужная, но ведь есть ее не станешь. Вот список, и следуй ему, моя дорогая, попробуй выскользнуть, пока она тебя не позвала.

Эмма пошла к гаражу и увидела, что там ее ждет Джо, держа в руках пустой бак из-под керосина.

— Можно я поеду с тобой? — спросил он. — Нужно налить бак, уже холодно, и в парнике должен гореть обогреватель. Да и по прогнозу ожидается похолодание. Засуну его в багажник.

Эмма обрадовалась, что Джо составит ей компанию. Занятая разными делами, она вчера едва словом с ним обмолвилась, да и сам он по заведенной им привычке проводил большую часть времени в огороде, по «изящному» выражению Терри, «копаясь кверху задом в навозе». Эмма рассказала ему о вчерашнем телефонном разговоре с Уолли Шерменом.

— Похоже, — не то усмехнулся, не то проворчал Джо, — что твой драгоценный лейтенант огорчен тем, что к нам запрещено появляться. Если б не это, бьюсь об заклад, он бы еще вчера примчался.

— Не знаю, — ответила она. — Он был в таком замешательстве, что это не было похоже на извинения человека, который просто не может прийти на назначенное свидание.

— А свидание было назначено?

— Нет, конечно, не было.

Когда они подъехали к шлагбауму у подножия холма, часовой пометил их пропуска и наклейку на ветровом стекле красными крестами.

— Зачем это? — спросила Эмма.

— С завтрашнего дня по этой дороге запрещен проезд частных автомобилей с местными пропусками. Придется пользоваться общественным транспортом.

— Кто это сказал?

— Приказ коменданта. Когда запрет будет снят, вам сообщат. — Он дал

знак проезжать.

Сняв ручной тормоз, Эмма с негодованием обернулась к Джо:

— Неужели они это сделают? Как теперь люди будут добираться в город? От нас в Полдри только два автобуса в день.

— Так или иначе, надо заправиться, — ответил Джо, — бак почти пустой.

Заправка, где они обычно покупали бензин, располагалась ближе к берегу, но, когда Эмма повернула туда, они увидели, что на колонках висят таблички «бензина нет», а на окне маленького домика, где обычно сидел кассир, нацарапано «закррито».

— Сможем мы дотянуть до Полдри и обратно? — спросила Эмма.

— Еле-еле, но хватит.

— Вот о чем предупреждал меня лейтенант Шермен. Разве можно так делать? Я хочу сказать, разве у них есть такое право.

— Полагаю, что если власть у оккупантов — а все больше и больше становится ясно, что так и есть, — они могут делать почти все, что угодно.

Сегодня очередь в супермаркет была поменьше, чем вчера, — большинство людей уже запаслись продуктами — но в самом магазине царило значительно более подавленное настроение.

— Мне очень жаль, — сказал старший продавец, взглянув на составленный Дотти список, — но некоторых продуктов у нас нет. Грузовик, который должен был прибыть вчера, так и не появился, а сегодня утром нам сообщили по телефону, что он задерживается на неопределенный срок.

Эмма не стала возвращать колбасу. Было очевидно, что она еще потребуется. Она собрала с полок все, чем можно кормить мальчишек, и вышла. Джо ждал на улице.

— Керосина нет, — сказал он. — Вчера продали последние запасы. Говорят, что где-то задержали поставки, неизвестно где и почему. Стоит ударить заморозкам — и конец моей рассаде.

На улице стояли, беседуя, небольшие кучки людей. До Эммы долетали обрывки разговоров. «Один из них утонул, а теперь мы все должны мучиться из-за этого...» — «Говорят, он был пьян, вышел из „Приюта моряка» и свалился вниз головой с обрыва возле Адского утеса...» — «Не знала об этом. Во всяком случае, он точно ухаживал за Миртл Трембат, а ты знаешь Джека, он такой вспыльчивый...» — «Что же, одно с другим сходится, правда?» — «Почему же тогда никто, не признается? Зачем на нас это вымещать?»

Эмма потянула Джо за рукав.

— Пойдем.

Ей показалось, что несколько человек уставились на них, и это подтвердилось, когда один мужчина, однажды чистивший им дымоход — и очень, кстати, плохо, больше его не приглашали, — пробормотал своему спутнику: «Некоторым хоть бы хны...», подчеркнуто уставившись на колбасу, выпирающую из Эмминой корзины. Похолодание повлияло и на настроение людей. В воздухе витала враждебность, и Эмма, вероятно из-за обостренного чувства собственной вины, принимала все на свой счет: недоброжелательность, направленную если не на себя лично, то на всех обитателей дома на вершине холма. Заметно было еще и то, что вчера и сегодня, как неделю тому назад, не было видно морских пехотинцев в увольнении.

Они переходили улицу, направляясь к своей машине, когда перед ними остановился маленький синий автомобиль. Это была сестра Беннет. Она высунула в окно голову.

— Они не могут поставить красную отметку в пропуске ни мне, ни доктору. Правда, пришлось дать им список людей, которых я посещаю, чтобы они меня контролировали. Знаю, кто разозлится пуще всех — конечно, мой зять Джек. Говорит, не будет отвозить молоко на завод, откуда его забирают военные, будет, как в старые добрые времена, самолично продавать людям в округе.

— Сестра Беннет, кто это «они»? — спросила Эмма.

Сестра кивнула головой в направлении гавани и лагеря на пляже Полдри.

— А ты что, не понимаешь? — отпарировала она и, прихватив саквояж, вылезла из машины и направилась в дом, из окна которого уже нетерпеливо выглядывало чье-то лицо. — У миссис Уильяме вот-вот начнутся роды, — сообщила она Эмме. — Детям нельзя запретить появляться на свет из-за того, что погиб какой-то солдат.

Так, все об этом знают, подумала Эмма. Знают не то, как и почему это произошло, но знают, в чем причина новых правил, ограничений, приказов, нехватки продуктов и бензина. А уж кто виноват в этом, люди решают сами, по своему опыту, работе, жизни.

Мимо проехала еще машина, точнее попыталась проехать, но остановилась, так как Эмма в этот момент открыла дверь со стороны проезжей части. За рулем был мистер Либби из «Приюта моряка», но как он отличался от вчерашнего мистера Либби — настырного торговца, пытавшегося продать Мад ящик калифорнийского вина. Он был напряжен, мрачен и, не заметив Эмму, окликнул кого-то на другой стороне улицы.

Эмма узнала его конкурента, владельца другого паба.

— Джим, морские пехотинцы и к тебе не могут теперь попасть? — крикнул мистер Либби.

Тот кивнул:

— Похоже на то. Плохо, конечно, но я-то переживу. А вот к тебе клиентам кроме как пешком не добраться, а кто нынче любит ходить? — Он заулыбался.

— Пойду, попробую умаслить коменданта, — крикнул мистер Либби. — Почему честные торговцы вроде меня должны страдать за чьи-то проступки, так ему и скажу.

Он сердито рванул машину на середину улицы и умчался, чуть не сбив старушку, переходившую на другую сторону. Джо посмотрел ему вслед.

— Хорошо бы у него не хватило бензина, чтобы туда доехать, — сказал он Эмме.

— У него хватит, — зло бросила Эмма. — Небось вчера вечером он полные канистры себе залил у морских пехотинцев перед тем, как их закрыли в лагере.

Теперь не только «мы» и «они», подумала Эмма, а и местные разделились. Непонятно, кто за что и о чем думает каждый. Постовой у шлагбаума улыбнулся, глядя на красную метку на ветровом стекле, и сказал, пропуская их:

— Теперь не скоро увидимся, правда?

Эмма не ответила. Стрелка указателя топлива уже уперлась в отметку «запасной бак». Они все же поднялись на холм, подъехали к дому и на тарахтящем двигателе добрались-таки до гаража.

— Доехали, — сказала она Джо, — еле-еле хватило. Джо мрачно вытащил корзину с покупками. Их норма масла — полтора фунта — лежала на колбасе.

— Не масло нам нужно, а винтовки, — сказал он. Эти слова мог сказать Терри, но не Джо, подумала она. Вестник будущих перемен?

— Я тоже чувствую нечто подобное, но что в этом толку? Ты же понимаешь, что если бы не случившееся на прошлой неделе, то не было бы этих ограничений и ужесточений местных мер безопасности.

— Знаю, — ответил Джо, — но от этого не легче.

— По нашей вине убит солдат. Ребенок не понимает, что правильно, а что нет. Джо захлопнул дверь машины и направился к выходу из гаража.

— Эмма, не заводи шарманку, на меня это не подействует. Можешь с тем же успехом вернуться к доисторическим временам и выяснить, кто же первым бросил камень из пещеры. У Энди это был порыв, как у первого

человека, бросившегося защищать свой клочок земли от незаконного пришельца.

— Если это твои аргументы, то вся цивилизация — пустой звук. Никакого прогресса.

— И правильно. Как ты раньше этого не замечала? Читать и писать я не умею, могу только работать руками, а не головой. Вот почему, если придет нужда, этими же руками я буду защищать свой дом.

В молчании они дошли до дома. «Что толку, — думала Эмма, — в том, что мое образование, прочитанные книги, беседы взрослых, таких, как Папа и Мад, научили меня при любых обстоятельствах видеть обе стороны медали? Как я или любой другой можем судить о конечном решении? Морская пехота по праву ввела ограничения. Общество по праву недовольно. Равновесие полное».

— Знаешь, Джо, — сказала она, — мы об одном забываем, о том, что, скорее всего, лежит в основе всего, если применить это к нашему случаю. Когда бедный капрал Вэгг шел сюда, он шел не драться с Терри, а хотел извиниться и пожать ему руку.

— Да, это так, — ответил Джо, — и он умер с чистой совестью. Но Энди же не мог знать, зачем сюда идет капрал Вэгг? Так что твоя основа правильного и неправильного шатается и падает оземь, как капрал Вэгг.

Джо понес корзину на кухню. Эмма не пошла с ним, ей не хотелось объяснять, почему она привезла так мало продуктов из списка. Вместо нее это сделает Джо, а с прорезавшимся у него даром аргументировано спорить он должен объяснить все хорошо.

Она прошла к парадному входу и увидела, что бабушка вместе с Беном собирают в мешок еловые шишки. Мад всегда нравилось это довольно бесполезное занятие. Она всегда потом забывала сжигать эти шишки, особенно если никто не напоминал ей об этом. В подвале их были целые груды.

— Привет, дорогая, — радостно крикнула Мад, — мы с Беном трудимся как негры.

Не слишком удачная фраза, если задуматься, решила Эмма, но трехлетний Бен вряд ли мог обидеться. На его голове красовалась шерстяная шапка с огромнейшим помпоном, и выглядел он будто на иллюстрации из старинного миссионерского журнала.

— Конец, — объявила Эмма, — поездкам за покупками на машине. Теперь будем ездить на автобусе, если и его не отменят, а то придется топтать на своих двоих.

— В чем дело? Ты попала в какую-нибудь историю?

— Нет. Наше разрешение на проезд теперь недействительно. Местным машинам нельзя ездить. Все правила ужесточились. — Любопытно, что, хотя она не хотела рассказывать все это Дотти, боясь ее раздражения, сейчас она втайне радовалась, наблюдая, как воспримет новости Мад. — По правде говоря, — непринужденно добавила Эмма, — я знала, что будет нечто подобное. Вчера вечером звонил лейтенант Шермен и предупредил меня.

— Ах, вот в чем дело. — Бабушка подсела под мешок и забросила его на правое плечо. В какую-то ужасную секунду она выглядела в точности как мистер Уиллис, когда тот забрасывал на спину труп капрала.

— Они провели вскрытие, — продолжала Эмма. — Ничего не доказать, но они подозревают самое худшее. Так или иначе, хотя арестовать они никого не могут, они собираются всем здешним устроить веселую жизнь, и ничего мы поделать не сможем.

Мад молчала. Она принялась беззвучно насвистывать. Дойдя до дома, она высыпала шишки из мешка в корзину для дров, потом прошла в прихожую и подняла трубку телефона.

— Лучше не звонить коменданту, — сказала Эмма. — В списке подозреваемых мы на втором, если не на первом месте.

— Я не собираюсь звонить коменданту. Хочу узнать, здесь ли еще наша уважаемая депутат парламента или уже упорхнула обратно в Вестминстер.

Прошло минут пять или даже больше, пока Мад наконец дозвонилась. Нет, депутат еще не покинула Корнуолл, но должна уехать сегодня во второй половине дня. Ваше имя, пожалуйста? Миссис Морхаус очень занята, но, возможно, побеседует, если вопрос срочный. Эмма, присев на пол у ног бабушки, еле слышала холодный голос секретарши. Мад, вместо своей, назвала Папину фамилию и имя.

— Алло? — прозвучал медовый голос депутата от Среднекорнуолльского округа. Эмма представила себе, каким непринужденным шутливым тоном заговорил бы Папа, если бы звонил он действительно.

— Нет, — ответила Мад депутату, — это не Виктор, это его мать. Я звоню из Треванала, район Полдри.

Возникла пауза — миссис Морхаус спешно перестраивалась. С коммерческим банкиром она пообщалась бы, а вот актриса — совсем другое дело.

— Да, — сказала она намеренно холодно, — чем могу служить?

— В Полдри возникли определенные трудности. Запрещено

пользоваться частным транспортом, бензоколонки закрыты, в супермаркет не доходит заказанное продовольствие, мы фактически оказались в блокаде. Это особенно тяжело сказывается на молодых, пожилых и больных — все население чрезвычайно обеспокоено. Я уверена, что могу ожидать от вас разъяснений по этому поводу и узнать, происходит ли подобное во всем Корнуолле или только в нашем районе.

На другом конце линии повисла пауза. Слишком затянувшаяся пауза.

— Боюсь, что я не информирована о происходящем, — прозвучал наконец ответ. — Возможно, события как-то связаны с тем, что в настоящее время в Полдри расположена база сил СШСК и военные отвечают за безопасность в вашем городе и окрестностях. Возможно, возникла угроза портовым сооружениям, я попытаюсь разузнать все точно и сообщу вам, если это так.

— Я была бы чрезвычайно вам обязана; вы упомянули, кстати, силы СШСК. Хочу заметить, что все командос здесь — американцы.

Депутат от Среднего Корнуолла усмехнулась:

— Будьте современны. Американцы, британцы — нынче это одно и то же. Все мы СШСК. Чем быстрее мы привыкнем к этому, тем лучше будем себя чувствовать.

— А если нет?

— Бросьте, не притворяйтесь несведущей. Я уверена, что ваш сын объяснил вам текущую ситуацию. Вы же знаете, для нас это вопрос жизни или смерти. Это не тот случай, когда мы с достоинством покинули сомнительных партнеров, как это было с Европейским сообществом. СШСК — жизненная необходимость, и с гордостью скажу, что большинство населения нашей страны приветствует их. Исторически — это знаменательный момент для обеих стран. Вновь союз, после почти двухсотлетнего перерыва.

— Не очень-то рассчитывайте на это, — сказала Мад. — Кто-нибудь из нас тоже составит Декларацию независимости, да и свой Джордж Вашингтон тоже найдется. — Она бросила трубку и повернулась к Эмме: — Так ей. Теперь подождем пятнадцать минут, посмотрим, каков будет ответ.

Телефон зазвонил через двадцать минут. Эмма и бабушка, как настоящие телефонистки, продемонстрировали мгновенную реакцию.

— Миссис Морхаус?

— Да. Что ж, происходит то, что я и думала. Вокруг Полдри усилены меры безопасности, и по весьма веской причине. Боюсь, что не могу изложить все подробности. Это связано с пропавшим морским пехотинцем

— вы, наверное, догадываетесь, о ком идет речь.

— Да, я полагаю.

— Так что вы должны понимать, что дело весьма серьезное, и власти не могут допустить повторения подобного инцидента. Конечно, сотням невинных людей придется испытать на себе последствия, но ничего не поделаешь.

— Понимаю. — Возникла пауза, теперь на этом конце линии. — Миссис Морхаус, как долго будут продолжаться подобные ограничения?

— Не знаю. Решения принимают силы СШСК, расположенные по соседству с вами. Простите меня, но я вынуждена закончить разговор. Я буквально сию минуту уезжаю в Лондон.

— Вы не хотите передать что-нибудь вашим избирателям в Полдри, миссис Морхаус? Я не говорю о себе, я за вас не голосовала, но я знаю многих честных тружеников, которые голосовали и кому, я уверена, нужен ваш совет.

Депутат от Среднего Корнуолла, похоже, обратилась к кому-то в своем кабинете, потому что произошла небольшая заминка: видимо, выведенная из себя миссис Морхаус шепотом комментировала разговор. Потом послышалось:

— Я советую полностью сотрудничать с силами СШСК, терпеть временные неудобства и докладывать военным или полиции о всех подозрительных событиях, замеченных в вашем районе.

— Спасибо, — сказала Мад. — Желаю весело провести День благодарения. — Победно улыбаясь, она положила трубку. — Люблю оставить последнее слово за собой. Всю жизнь это доставляло мне массу удовольствия, и, слава Богу, с возрастом это не проходит.

«Осмелюсь заметить, — подумала Эмма, — что толку от этого никакого: пожалуй, лишь те, у кого есть морозильная камера, а рядом с домом ходит автобус, более или менее спокойно переживут нынешние времена».

— Еще летом я предупреждала Мадам, — говорила позднее Дотти, — надо купить морозильную камеру. Не пришлось бы ездить за каждой мелочью в Полдри. Но нет, обходились, мол, без нее все время, говорит она мне, и сейчас обойдемся.

— Ну, не грусти, Дотти, — сказал Терри, который, будучи теперь человеком праздным, восседал в единственном на кухне кресле. — С сегодняшнего дня будем питаться свеклой и капустой. В тебе накопится столько газов, что сможешь работать вместо вентилятора.

Мад, зайдя на кухню, потрепала его по голове.

— И что вы переполох устраиваете? Подумайте, ведь люди выживали на необитаемых островах, питаюсь одними кокосовыми орехами.

— У нас нет кокосовых орехов, — заметил Терри.

— А взять, скажем, улиток. Это самое дорогое блюдо во французском ресторане Escargot a la bordelaise... ^[20] Помню, однажды в Париже...

— Ну же, продолжай, скорее, — Терри изобразил полное восхищение и наклонился к ней из кресла.

— Не придуривайся, я серьезно. В саду сотни, если не тысячи улиток. Если дело дойдет до крайности, ими можно прокормиться довольно долго.

Дотти, всегда осуждавшая попытки Терри поддразнить свою благодетельницу, начала греметь вилками в ящике кухонного шкафа.

— Прошу прощения, — сказала она, — но если кто-нибудь думает, что я примусь готовить улиток на девяти едоков, то он глубоко заблуждается. — В отчаянных ситуациях Дотти всегда манипулировала этими «девяти едоками».

Как раз в этот момент на крыльце раздался стук тяжелых сапог, и в дверях появился Джо. Лицо его все еще носило решительное, даже сердитое выражение.

— Кто крутил запорный кран, опять эти малыши? — спросил он, обращаясь к Терри. — Во дворе нет воды, и мне не вымыть машину.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Терри. — Когда за ними не смотрят, они что угодно могут вытворить.

— Думаю, что это не они, Джо, — сказала Мад. — Вчера после школы они не выходили на улицу, а сегодня утром они бы просто не успели. Что значит, нет воды? Наверное, воздушная пробка.

Джо посмотрел на Мад, и взгляд его смягчился. Сначала он ее не заметил — Мад стояла в дальнем конце кухни у двери.

— Нет, Мадам, это не воздушная пробка, просто нет воды.

Дотти подошла к раковине и открыла оба крана. Горячая вода полилась, как обычно, но холодная, чуть капнув, течь перестала.

— Пожалуйста, вот вам, воздушная пробка, — объявила Мад. — Еще не хватало. Придется вызывать водопроводчика, мы не сможем сами ее выдуть, нужен особый насос, ведь так?

— Это не воздушная пробка, — упрямо повторил Джо, — там нет воды.

Мад сощурила глаза, повернулась и направилась в прихожую.

— Куда теперь? — пробормотал Терри. — В Белый дом?

Мад оказалась более практичной. Она собралась позвонить в Комитет по водоснабжению. Эмма и все остальные поджидали окончания разговора

на кухне. Мад вернулась, лицо ее было абсолютно бесстрастно.

— Так и есть, — сообщила она. — Дивное новое правило. Водоснабжение в районе Полдри прекращено, вода будет теперь подаваться один час в сутки. Причины им неизвестны. Приказ поступил в Комитет по водоснабжению от портовых властей:

— От кого именно? — спросил Терри.

— От коменданта, я думаю. По словам Джека Трембата, весь порт и его окрестности заняли морские пехотинцы.

— Не понимаю, — сказала удивленная Дотти. — Зачем ему прекращать водоснабжение? По-моему, вполне хватает нормирования продуктов.

— А наказание, милая? — ответил Терри. — Все в этой части Корнуолла плохо себя ведут, и ты в том числе. Как ни говори, но это прекрасная новость для тех, кто не любит умываться, а именно для Энди, Сэма, Колина и Бена. Я пока чистый.

— Замолчи, — сказал Джо. Он задумался на минуту. Потом повернулся к Мад:

— Придется воспользоваться старым колодцем.

— Джо, милый, это невозможно, — возразила Мад, — он столько лет простоял заброшенный. И сверху забетонирован. А вода, должно быть, испортилась.

— Бетон мы отобьем киркой, а вода не испортилась, под домом бьют ключи, — ответил Джо. — Пойдем, Терри, хватит просиживать штаны, поможешь мне. — Его сапоги вновь застучали по ступеням.

— Кому брюшной тиф?! — улыбнулся Терри, хватая костыли, и последовал за Джо.

Раньше Эмма ни разу не видела, чтобы Терри согласился на предложение Джо выполнить какую-нибудь тяжелую работу без шумных протестов, и ни разу она не слышала, чтобы Джо так резко бросил приказ, вместо того чтобы мягко попросить.

Мад, улыбаясь, повернулась к внучке:

— А я всегда знала. Нужно только дать ему раскрыться.

— Ты имеешь в виду колодец? — озадаченно спросила Эмма.

— Нет, глупышка, я говорю о лидерских способностях Джо.

Оглушительные удары киркой, доносившиеся из подвала в течение всего дня, только укрепили веру Мад в способности старшего из приемной семьи и его весьма рьяного помощника, неустанно коловших и долбивших бетонную глыбу, закрывавшую старый колодец. Слух Фолли, подвергшийся грубой встряске, заставил ее покинуть уютное кресло в библиотеке, и,

старчески завывая и скуля, она облаяла ведущую в подвал лестницу. Бен, объевшийся за обедом колбасой, заснул на мешке с шишками в игровой комнате, и, когда его друзья вернулись из школы — на сей раз не было ни бесед об Иисусе, ни медитаций (к радости Энди и разочарованию Колина), — Джо и Терри не только расчистили старый колодец, но уже вытащили три ведра кристально чистой воды.

— Смотрите, — сказал Джо, когда все, аплодируя, столпились в погреб. — Можно выдержать. Нас нелегко победить. Они могут хоть насовсем отключить воду, а мы справимся.

Он стряхнул с глаз челку. От долгого упорного труда лицо его покраснелось. Как странно, подумала Эмма, он выглядит царственно красивым. А Терри рядом с ним кажется ничем не примечательным.

Из всей компании один лишь Сэм высказал беспокойство:

— Нам теперь хорошо. А животные на ферме, скот, овцы? Между вспаханным полем и пастбищем стоит поилка, помните, вода идет туда по трубам. Если воду перекрыли, животным негде пить.

— Я и забыла об этом, — сказала Мад. — Молодец, Сэм. Будем следить, чтобы в поилке была вода.

— На ферме есть колодец, — сказал Джо. — Мистеру Трембату воды должно хватить. Но я все-таки схожу сейчас к ним и узнаю, как дела.

— Знаешь, — сказал Энди, — а ведь если отключили воду нам и во всем Полдри, то и у морской пехоты не должно быть воды.

— Боюсь, что есть, — покачал головой Терри. — Порт имеет отдельное водоснабжение. Когда-то давно мне рассказывал про это Рон Блоут. Уж не знаю, откуда у него такие сведения, разве что отец у него там работал.

— Надо бы, — предложил Энди, бросив взгляд на Мад, — взять гелигнит и взорвать порт. Вот тогда морская пехота поплачет.

— Да, — сказал Джо, — так же как и мы.

Пришла пора закончить обсуждение. В колодце нашлась вода, и этого вполне достаточно. Были извлечены все имевшиеся в доме ведра, кадки и кувшины, и наполненные водой резервуары были расставлены в нужных местах. Вдруг Дотти объявила о пропаже ее ценнейшей собственности: пластикового ведра, которое хранилось на экстренный случай под раковиной в кухне. Выяснилось, что пропали также Колин и Бен.

— Пять минут назад они были на первом этаже, — сказал Сэм. — Я их видел. Колин вышел через черный ход выбросить из ведра мусор.

— Пожалуйста, родная, — взмолилась Дотти, поворачиваясь к Эмме.

Мусорное ведро валялось на боку, а из погреба доносились

мальчишеские голоса. Сердце Эммы замерло. Колодец, много лет простоявший закрытым, теперь был открыт для всех. Она побежала вниз — предотвратить ужасное несчастье, которое могло превратить их триумф в беду. Малыши стояли рядышком. Бен обернул голову и плечи куском старой занавески. Колин, держа в левой руке Доттину пластиковую драгоценность, переливал туда остатки из бутылки шали, из которой пил еще Папа.

— Что ты делаешь? — закричала Эмма, уже приходя в себя.

Колин обиженно посмотрел на нее:

— В школе не было беседы об Иисусе, так что мы решили устроить ее сейчас. Бен — моя мать, Мария, на свадьбе в Кане. Я — Иисус, превращающий воду в вино.

Если новые власти порта Полдри думали, что как следует проучили местных, то в расчет следовало принять лишь незначительное их меньшинство. Борцовская школа не прошла для Джека Трембата даром. Былое умение положить на лопатки соперника из Бретани не поможет тягаться с командос, но помогает быстро соображать и организованно действовать. Запрет на частные автомобили вступал в силу с завтрашнего дня, со среды, а во вторник днем, пока Джо и Терри пробивались к колодцу в погребке Треванала, Джек обзвонил всех соседей-фермеров и созвал их на экстренное совещание вечером. Около двадцати пяти из тридцати согласились и приехали, трое хотели, но были заняты и взамен прислали сыновей, а остальные двое, чего-то опасаясь, отказались, говоря, что не хотят вмешиваться.

Еще до этого на ферму ушел Джо — узнать, все ли в порядке с водой, а Мад, Эмма и Терри сидели в библиотеке перед телевизором, надеясь, что ситуация прояснится. Почти ничего нового не сообщали, а об ужесточении порядков в крохотной части Корнуолль-ского побережья даже и не упоминалось.

— Вся страна оживленно готовится к празднованию Дня благодарения, — говорил диктор. — Как и везде, в Девоне и Корнуолле будет разнообразно отмечаться новый союз. Офицеры объединенного флота приглашены адмиралом Джолифом на обед в здание адмиралтейства в Плимуте. В Труро в здании управы нашего графства пройдет торжественный прием, на котором будут присутствовать депутаты парламента от Корнуолла. Среди других празднований назовем торжественный обед, который дадут офицеры части морской пехоты, расположенной в Полдри. Почетным гостем обеда, который пройдет в «Приюте моряка», станет миссис Хаббард, региональный представитель движения «Культурное сотрудничество народов». Эмма выключила телевизор.

— Не могу поверить... — начала она, но в этот момент вошел Джо — по лицу его можно было понять, что он несет какие-то новости.

— Вместо миссис Морхаус в парламенте должен сидеть Джек Трембат, — сказал Джо. — Вы такого не видывали, это было просто замечательно. Как они только поместились все в дом, не знаю. Половина гостей стояла вдоль стен, часть сидела на полу, часть на ступеньках. Как

мне показалось, большинство приехало, в первую очередь, чтобы посмеяться, но, когда заговорил мистер Трембат, они поняли, что к чему. «Мы корнуолльцы или сосунки несмышленные?» — спросил он, и все заорали: «Корнуолльцы!», даже бедный мистер Свиггс, глухой как пень. Так или иначе, после двадцатиминутной пламенной речи мистера Трембата они все согласились с тем, что он предложил. Не сдавать молоко на завод, не продавать ничего в супермаркет, а тем более в лагерь военных; имеющие собственный транспорт будут развозить продукты по соседям и получать деньги на месте. Конечно, это принесет чертовские убытки, но им наплевать. Молоко будут продавать только в те семьи, которые согласны протестовать против ограничений.

Джо, улыбаясь, обвел глазами слушателей. Эмма никогда не видела его таким уверенным в себе — уж кто-кто, а Джо был всегда застенчив и молчалив, даже среди ровесников.

— C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre^[21], — прошептала Мад. — Так, так. Сомневаюсь, что они чего-нибудь добьются, а вот себе навредят.

— Не надо охлаждать пыл! — воскликнул Терри. — Клянусь, больше всего на свете я хотел бы быть с ними. Неужели не понятно, что если молоко будут продавать только людям, которые согласны протестовать, то мы сможем отделить тех, кто борется, от тех, кто присосался. И об этом начнутся разговоры.

— А вода? — спросила Мад. — Как фермеры справятся без водопровода?

— У большинства, как и у нас, есть колодцы. Ну а если у кого-то не будет воды, поможет ближайший сосед. Договорились, что животные не должны страдать от жажды. Любые излишки воды будут отдаваться животным.

Мад откинулась на спинку кресла и потянулась, у ног ее притулилась Фолли.

— У морской пехоты запасы сухого молока, тысячи и тысячи банок. Этим им не навредишь.

— Не скажи, — ответил Джо. — Фермеры говорят, что в военном лагере пьют молоко галлонами. Ходят как детишки, засунув в бутылку соломинку, и все время сосут.

Терри вскочил и принялся качаться вперед-назад на костылях, как птица в клетке.

— Придумать бы что-то, что их проучит как следует. Взорвать к чертям собачьим этот корабль.

— Терри, миленький, — Мад рукой придержала костыль, ударивший ее по щиколотке, — еще до твоего появления на свет японцы пробовали нечто подобное в Перл-Харборе — посмотри, что они получили взамен через четыре года. Взрывы, какими они ни были бы, нам не помогут. Начнем войну на истощение и увидим, кто дрогнет первым. Фермеры уже разъехались по домам? — Она повернулась к Джо.

— Кое-кто ушел вместе со мной, но большинство веселилось и горланило песни. Похоже, они спохватятся в последний момент и проскочат за несколько минут до полуночи, до того, как запрет вступит в силу.

— Хм, — задумчиво произнесла Мад, затем, поднявшись с кресла, добавила: — Хочу поговорить с Джеком Трембатом до того, как он простится с друзьями. По части протеста его старые знакомцы из Бретани могут подбросить ему пару советов.

Она вышла из библиотеки, направляясь к телефону.

Терри плюхнулся в освободившееся кресло по соседству с дремлющей Фолли.

— Что может сделать она или кучка фермеров? — пробормотал он. — Гелигнит нужен, да побольше. Предлагая взорвать Порт, Энди в чем-то прав.

— А люди, которые живут рядом? — спросил Джо. — Пойми, что если порт взлетит на воздух, то и они тоже.

— Не Дотти ли бросила фразу: «Не разбив яйца, омлет не сделаешь»? — сказал Терри.

— Нет, — вмешалась Эмма, — это сказал один генерал времен первой мировой, и с тех пор, судя по всему, его совет принят на вооружение. И похоже, что ни вы двое, ни Мад не понимаете, что большинство людей здесь, да и во всей стране, хотят, чтобы СШСК были, и, независимо от нашего желания, нам этот союз уже навязали.

И Терри, и Джо уставились на нее.

— А ты-то не за это, случайно? — спросил Терри.

— Конечно, нет. — Теперь уже Эмма вскочила с дивана и принялась мерить комнату шагами. — Мне так же ненавистно это дело, как и вам. Но ведь горстка людей так бессильна, в одиночку ничего не добиться. Нужна поддержка мощной организации, история каждый раз доказывает, что это так.

— Я в этом не уверен, — задумался Джо. — По-моему, если люди объединяются в маленькие группы и всего лишь помогают друг другу, то они станут независимы от соседей, смогут прожить, не обращая никакого

внимания на окружающий мир. Будем сами выращивать хлеб, жечь свои дрова, пряхть шерсть из своих овец...

— Ну и чушь, — засмеялся Терри. — Заболеть от грязи своей бубонной чумой и вонять. Черт возьми, на дворе последняя четверть двадцатого столетия.

Они продолжали яростно спорить, когда вернулась, поговорив по телефону, Мад.

— Хорошо, что я с ним поговорила, — сказала она. — С полуночи наши разговоры будут прослушиваться и записываться, это точно. Джек Трембат узнал это от одного из фермеров, дочь которого работает на телефонной станции. Так что... гайки закручиваются, или как там принято выражаться. Заметьте, только в районе Полдри. Нам приготовлена роль козлов отпущения, и они, «они» — это морская пехота, думают, что кто-нибудь из местных не выдержит и донесет об обстоятельствах гибели капрала. Виновного поймают и будут судить, доносчику заплатят, а козлы отпущения вернутся в нормальное русло жизни, то есть нормальное, насколько это возможно в СШСК.

И все это, подумала Эмма, из-за одной стрелы. Все это потому, что воображение мальчишки заставило его превратиться в убийцу.

— Им придется чертовски долго ждать, — сказал Джо, — если они хотят добиться именно этого.

Мад улыбнулась.

— Я тоже так думаю. А пока можно немного развлечься за счет коменданта и морской пехоты. Я Джеку кое-что предложила, и он узнает мнение фермеров, которые еще у него сидят. Если мое предложение пройдет, а, надеюсь, так оно и будет, он мне скоро перезвонит.

Что теперь, размышляла Эмма. А Папа в это время в Нью-Йорке — или в Рио? — после перелета принял ванну, выпил чего-нибудь перед походом в шикарный ресторан с друзьями-магнатами; наверное, усмехаясь, говорит им: «Моя старенькая мамаша совсем тронулась. Дочке приходится запираť ее на ключ». Дело может дойти и до этого, Мад ни за что нельзя доверять.

— А что ты предложила? — спросил Терри.

— Не твое дело, — ответила Мад.

Зазвонил телефон, и Джо опередил Эмму в забеге до прихожей. Джек Трембат был краток. Эмма увидела, как Джо кивнул, сказал пару раз: «Да» и повесил трубку, после чего повернулся к ней и с удивленным выражением на лице пожал плечами.

— Ну? — спросила она.

— Мистер Трембат сказал что-то непонятное. Велел передать Мадам, что операция «дерьмовозка» идет полным ходом и все, кто хочет прокатиться с ветерком, могут принять участие. Время «Ч» — как и договорились.

«Пусть Мад сама распутывает загадочные коды, скрытые в зашифрованном послании Джека, — решила Эмма. — Еще успею узнать, что значит это таинственное время „Ч“». Сейчас ей хочется только одного — подняться к себе в комнату, лечь в кровать и, если повезет, уснуть спокойным сном. Зря Папа не остался с ними. Финансовые проблемы решились бы и сами по себе, вместо себя за Атлантику можно было послать кого-нибудь другого — заниматься финансовым кризисом страны и англоязычных народов, а он бросил в беде собственную семью. На дочь легла слишком большая ответственность, ей одной не справиться, и даже непоколебимый и верный Джо, казалось, вот-вот попадет под влияние мятежных порывов. «Если я не могу справиться с ней, — решила Эмма, — устало падая в постель (с „ней“ — это с бабушкой, конечно), то остается только найти Бевила Саммерса и попросить утихомирить ее уколом». Страшная мысль, но образ Мад, мирно спящей рядышком с верной Дотти, облегчил Эмме уход в забытие, оказавшись куда более эффективным, чем традиционный подсчет баранов.

Холода, которых, из-за оставленного без отопления парника, так боялся Джо, не наступили, и рассвет в саду принес, как и многие из его ноябрьских предшественников, небольшое потепление, смену ветра, морозящий дождь и туман на возвышенностях. Туман на возвышенностях означал, что Треванал на весь день погрузится в белую дымку, постоянную, как низкие облака над горизонтом.

— Отлично, — сказал после завтрака Терри, когда мальчишки уже были отправлены в школу, — прекрасная погода для нашего дела, только бы продержалось так до завтрашнего утра. — Он подмигнул Джо.

— Что? — спросила Эмма.

— Это тебя не касается, — ответил Терри. — После того как ты ушла вчера спать, Мадам, я и Джо решили, что тебя мы в курс дела не посвятим.

Эмма почувствовала прилив гнева.

— Это несправедливо! Мад не ваша бабушка, а моя, и Папа велел мне присматривать за ней. И любой безумный план, который рождается у нее в голове, касается меня куда больше, чем вас!

— Эмма, послушай, — сказал Джо. — Я не позволю Мадам подвергать себя опасности. Ты это знаешь. Мистер Трембат тоже не разрешит ей рисковать. Так что не надо демонстрировать свое классовое самосознание.

Эмма ошеломленно уставилась на него:

— Классовое самосознание? Что ты такое несешь?

— Что слышала. Да, ты ее внучка, а она очень известная персона, или была таковой. Мы не родственники ни тебе, ни ей, однако она — все, что у нас есть, и мы, смею сказать, отдадим за нее жизни скорее, чем ты. Это о любви. Ты же думаешь, что родственная связь делает тебя важнее Терри, или меня, или малышей. Это не так.

— Ура! — закричал Терри. — Да здравствуют темные лошадки! Старик, никогда б не подумал, что ты такой искусный оратор. Самое время поставить Эмму на место.

Эмма, чуть не расплакавшись, вышла из комнаты. От Терри можно всего ожидать, но вот Джо... Классовое самосознание... Боже! Какое оскорбление. Никогда она не смотрела на мальчишек с такой позиции, ни на одну секунду не считала себя важнее их. Конечно, к ней особое отношение, она же внучка Мад, но этого и следует ожидать, это естественно; но то, что Джо обвиняет ее в снобизме по отношению к нему, к Терри, к остальным, — это неслыханно. Джо — вот кто настоящий сноб. Джо, с его комплексом неполноценности, оттого что не умеет читать и писать, чувствует остаточную ревность из-за этого придурка Уолли Шермена, который, бедолага, всего лишь навсего пытался быть дружелюбным, приходя к ним в дом, пытался смягчить нелегкую истину оккупации...

— Что с тобой, родная?

Выскочив из кухни, Эмма с размаху налетела на бабушку.

— Это мальчишки, — выпалила Эмма. — Иногда они просто выводят меня из себя. Я, видите ли, тебе родственница, а они нет, поэтому они меня обвинили в том, что я считаю себя главнее их, называют снобом, а это не так.

Перед тем как отправиться с Беном в очередной поход за шишками, Мад сидела и примеряла шляпы. Отказавшись от трех шляп подряд, она наконец надела задом наперед клеенчатую зюйдвестку, превратившую ее в китайского кули.

— Все мы снобы, — спокойно произнесла она, — и все мы любим считать себя главнее других. Не будь этого, мы все остались бы обезьянами. — Она позвала своего юного товарища, который лакомился у буфета в столовой мятными карамельками. — Мы с Беном наберем мешок, а потом я хочу прогуляться с ним до Таффи. Хочешь пойти с нами?

Мысль о мистере Уиллисе, засевшем в одиночестве в своем логове над спрятанным под половицей гелигнитом, и о мешках, в которые когда-то

был завернут труп капрала Вэгга, так и лежащих обугленными и мокрыми на куче компоста, оказалась последней соломинкой.

— Нет, — сказала Эмма. — Что-то не хочется. И если быть до конца откровенной, тебе тоже лучше не ходить. Он слишком много знает. Может быть опасен.

— Вот потому я и хочу его повидать, — ответила Мад. — Чем больше он знает, тем больше ему льстит пребывание в наших рядах. Я знаю, как обращаться с Таффи.

Она устремилась навстречу дождю, и Эмма подождала, пока и она, и Бен, бежавший за ней по пятам, не скрылись за деревьями. Потом она прокралась наверх, следя, чтобы Дотти или старшие ребята ничего не заметили, и вошла в бабушкину спальню, намереваясь позвонить доктору Саммерсу. После того как она набрала номер, она вспомнила, что телефон теперь прослушивается. Ничего страшного. Нужно всего лишь подбирать выражения.

— Да? — дежурная хирургического отделения сразу же соединила ее с доктором, и Эмма по тону его голоса догадалась, что его ждет для осмотра следующий пациент; на разговор не более двух минут.

— Это Эмма. Похоже, что у нас неприятности.

— С ногой Терри или с бабушкиным сердцем?

— И то и другое.

— Что ж, тебе лучше привезти их обоих в больницу, и я погляжу, в чем дело.

— Не могу. Может, вы еще не слышали, что с сегодняшнего дня в районе Полдри запрещено пользоваться частными машинами. И воду нам отключили. А этот разговор прослушивается.

Услышав собственные слова, Эмма с трудом узнала свой голос. Такая смелость удивила ее. Я веду себя в точности как Мад, подумала она, я вовсе не собиралась говорить ничего подобного.

— Подожди минутку, — сказал доктор Саммерс, и интонация его голоса изменилась. Она услышала, как он положил трубку на стол и, видимо, ушел переговорить с дежурной, — прошло порядочно времени, прежде чем она вновь услышала в трубке его голос.

— Я просто проверил, Эмма. Завтра неделя с тех пор, как Терри наложен гипс. Пора его снимать и подкладывать под пятку специальную стельку. Я организую его доставку в больницу, это займет не более получаса. Если бабушкино сердце потерпит, я смогу ей заодно выписать рецепт.

— В том-то все и дело. Боюсь, это нельзя отложить до завтра, она

может себе навредить.

— Понятно.

Конечно, он не понял, что происходит, но до него дошел намек, что Мад выходит из-под контроля.

— Твой отец уже уехал домой в Лондон?

— Хуже того. Он либо в Нью-Йорке, либо в Бразилии.

— Очень кстати. Ладно, Эмма. Я заеду сегодня, не знаю только когда.

Он повесил трубку. За это время, подумала Эмма, он выяснит, что творится у нас в районе, и использует все свое влияние, чтобы попытаться помочь. Вряд ли он добьется немедленных результатов, завтра ведь праздничный день; тем не менее из одного района в другой поползут слухи, и тот факт, что маленькое сообщество наказано за смерть одного военного, смерть, причины которой не доказаны, со временем подтолкнет кого-нибудь к действиям. И все же, все же... Сказать доктору Саммерсу правду, если он приедет? Не примет ли он сторону тех, кто считает наказание заслуженным? Она отвернулась от телефона, внезапно охваченная унынием. В конце концов, позвонив в больницу, она, вероятно, поступила неверно.

Выглянув в окно спальни Мад, Эмма увидела, что на поле около садовой ограды стоит «лендровер» мистера Трембата, за рулем сидит сам фермер, а из кустов появились Джо и Терри на своих костылях и направились к грузовику. Эмма распахнула окно.

— Куда вы? — крикнула она.

— На ферму, — крикнул, оборачиваясь, Джо. — Мадам знает, мы договорились вчера вечером. Поможем мистеру Трембату — нас не будет целый день.

Они заулыбались, Терри помахал костылями, и они двинулись к машине.

«Я теперь не одна из них, — подумала Эмма, — я отрезанный ломоть, мне приказано не лезть в их дела, я лелею классовое самосознание, я чужая». Она оказалась на ничейной земле между сверстниками и пожилыми; между Джо и Терри, и Дотти, и Мад.

Она еще заметнее почувствовала эту изоляцию, когда через некоторое время увидела, что шишечная экспедиция возвращается из леса не вдвоем, а втроем. Мистер Уиллис, закинув за спину большой мешок, шагал рядом с Мад и неустанно болтал. Естественно, никто и не подумал поблагодарить его, забрать мешок и распрощаться у калитки; Мад проводила помощника до крыльца, велела бросить мешок и позвала Эмму.

— Скажи Дотти, что Таффи останется на обед. Он ест все, кроме мяса

убитых животных.

Мистер Уиллис, как обычно, церемонно поклонился Эмме.

— Послушаешь, так можно подумать, что я считаю вас всех живодерами, — улыбнулся он. — Хотя, по правде говоря, вид людей, жующих мясо, может оскорбить вегетарианца вроде меня.

— Думаю, вам не следует беспокоиться, — ответила Эмма, — ожидается свекольный суп и вареная капуста.

— Масса витаминов, — сказала Мад. — Проходите, выпейте чего-нибудь. Надеюсь, вы не откажетесь от такого предложения?

— И правда, не откажусь. — Мистер Уиллис снял ботинки, явив миру желтые носки. — Приемлите немного вина для пользы желудка — рекомендовал еще апостол Павел. Но от виски и даже бренди я тоже не откажусь.

— Если хотите, я принесу все три, — сказала ему Мад.

Эмма скрылась на кухне, спеша предупредить Дотти.

— Боюсь, сегодня мы засидимся надолго, — вздохнула Эмма. — Бей скорей в гонг, а не то возлияния продлятся весь обед.

— И зачем Мад понадобилось его приглашать? — ответила Дотти. — От такого, как он, чего угодно можно ожидать, — чай, живет-то в лачуге, в лесу.

Когда Эмма вернулась в столовую, мистер Уиллис уже стоял у буфета и, под руководством Мад, извлекал пробку из бутылки шамбертена. Затем он наполнил бокал до краев.

— Вам столько же, леди? — спросил он у Мад и Эммы.

— Нет, нет, совсем немножко, только выпить за ваше здоровье, — сказала Мад. — Мы с Эммой днем и не притрагиваемся к вину.

— Это уж как человека воспитать, правда? — заметил мистер Уиллис. — Я родился и вырос в семье трезвенников и до двадцати лет в рот не брал спиртное. Скажу вам, что потом я увлекся этим делом, но нынче не часто представляется случай залить за воротник. — Он поднял бокал, повернувшись сначала к хозяйке, затем к Эмме, чуть пригубил его содержимое, будто в ресторане, и удовлетворенно кивнул. — Превосходное вино! Как сказали бы эксперты, полный букет. Не пробовал ничего похожего с тех пор, как по пути домой из Южной Африки работал стюардом в ресторане первого класса. Мне нравится фруктовый аромат. Если все время пить такое вино два раза в день, то никакой врач не понадобится.

Прогредел гонг, и в столовую вошла Дотти, неся супницу со свекольником.

— Я должен выпить за здоровье и этой леди, — отметил мистер Уиллис. — Не имел чести быть представленным.

— Миссис Дотрелл, мистер Уиллис, — сказала Мад, указывая на них обоих. — Миссис Дотрелл много лет работала вместе со мной в театре.

— На самом деле? Тоже актриса? Для меня большая честь оказаться в окружении звезд. Театральная профессия — лучшая в мире, я всегда так считал. Миссис Дотрелл, вы актриса комическая или трагическая?

Дотти опустила поднос на буфет. Губы ее были плотно сжаты.

— Ни то ни другое, хотя из-за кулис я видела достаточно. Сорок лет я была у Мадам костюмершей. Обед подан.

Дотти прошествовала из столовой, высоко подняв голову. Мистер Уиллис повернулся к хозяйке дома, держа в руке бокал.

— Вот профессия, с которой мне не приходилось встречаться, — сказал он ей, — и очень жаль. Всегда мечтал заниматься костюмами.

— Таффи, твоя мечта вполне может осуществиться, — сказала Мад, — особенно если до нас дойдет движение «Культурное сотрудничество народов». Мы увидим вас в чулках и камзоле, наливающим вино американским туристам.

— Сперва я увижу их в геенне огненной, — ответил он, — если, конечно, не представится шанс подмешать что-нибудь в вино. Хотя на это рассчитывать, вероятно, не приходится? Хотя, если б бутылки открывал я, это можно бы было устроить.

Они уселись за трапезу из свеклы и капусты, которые, по словам их гостя, были бы гораздо вкуснее, если бы их смешать вместе.

— Хорошо бы еще и ложечку хереса, — добавил он, бросив взгляд на буфет. — Тогда получится воистину королевское блюдо. На самом деле в эти минуты я и чувствую себя королем, сидя за столом с вами, — лучшей компании и не пожелаешь.

Все это очень хорошо, размышляла Эмма, но с каждым глотком шамбертена мистер Уиллис заметно хмелел, а что касается свекольного супа, обильно сдобренного хересом, то Эмма не могла не опасаться, что его желудок, не вкушавший подобных смесей со времен пребывания на борту теплохода, возвращавшегося из Кейптауна, может в скором времени ощутить некоторые неудобства. И она оказалась права. Не успела Дотти, со своей еще более, чем обычно, осуждающей миной, внести яблочный пирог, — для сытности более уместным был бы молочный пудинг, — как мистер Уиллис несколько неуверенно поднялся на ноги.

— Убежден, что уважаемые леди меня извинят, — сказал он, — но груз прожитых лет сказывается не только в ухудшении зрения и образовании

серы в ушах, но и в позыве чаще сливать жидкость, да простится мне подобное вульгарное выражение.

— Увы, я знаю об этом тоже не понаслышке, — ответила Мад. — Эмма, проводи мистера. Уиллиса.

Внучка выполнила требуемое, и гость, неверной походкой пройдя через холл, скрылся из виду.

— Милый Таффи, — сказала Мад, во время его довольно длительного отсутствия вновь наполнившая его бокал. — Как бы он понравился твоему дедушке.

Интересно, он только поет или и на фортепиано играет.

Можно уговорить его выступить. Беда только, что пианино расстроено, к нему так давно никто не притрагивался, а Дотти как-то говорила мне, что мыши уже до молоточков добрались.

Мистер Уиллис явно задерживался.

— Милая, — сказала Мад, — по-моему, тебе лучше пойти и посмотреть, чем он там занят.

— Ну уж нет, — воскликнула Эмма. — На самом деле, Мад, правильно говорит Дотти, нельзя его было приглашать к обеду. Что, если он там свалился?

— Тогда придется вызвать Бевила, — ответила бабушка.

Эмма замолчала. Она не собиралась сообщать, что доктор Саммерс и так появится. Лучше это будет сюрпризом, хотя доктор, может, и не слишком обрадуется, когда узнает, что ему придется заниматься сельским бродяжкой. Наконец в дверях столовой показалась Дотти.

— Мадам, джентльмен, который ваш друг, лежит в прихожей на полу, — сказала она абсолютно бесстрастным голосом.

Эмма с бабушкой отправились проинспектировать это зрелище. Худшего не произошло, а если и произошло, то результаты благополучно исчезли в должном месте, и даже на спуск гость сумел нажать, но приложенные усилия окончательно подкосили его и он лежал на полу, растянувшись во весь рост, — так что Дотти сказала сущую правду; он громко храпел, открыв рот, а очки его криво сидели на носу. Мад нагнулась к нему, расстегнула воротник и пощупала пульс.

— Он в полном порядке, — сказала она. — Положим ему под голову какое-нибудь пальто, и пусть проспится. Хотя обидно. Я так хотела послушать его пение.

Фолли, вслед за Мад притащившаяся в прихожую, обняла распростертую на полу фигуру и отступила, оцетинившись.

— Не глупи, Фолли, — сказала Мад. — Бедняжка Таффи всего лишь

немного перебрал.

— А когда он проснется, — спросила Эмма, — он сможет дойти до своей хижины?

— А ему и не надо туда идти, — ответила Мад. — Чуть попозже за мной заедет Джек Трембат на «лендровере», и можно взять Таффи с собой, посмотреть на веселье. Я и позвала его обедать, чтобы пригласить. После доброго сна зрелище ему еще и больше понравится.

Весь день непрерывно шел дождь, туман сгустился. Мистер Уиллис все спал на полу в прихожей. Доктор Саммерс не появлялся. Эмма пробовала звонить в больницу, но номер был постоянно занят. Из школы вернулись младшие, принесли очередную связку флагов CLUCK; они громко обсуждали завтрашний праздничный день. Эмма побежала к их комнатам, стремясь не пустить их к Мад, — обычно они направлялись именно к ней. Собравшись с силами, Эмма стала выслушивать, как все трое шумно возмущаются.

— У нас была сплошная история, — жаловался Энди. — Христофор Колумб, отцы-пилигримы, Георг IV, Джордж Вашингтон, Бостонское чаепитие — одно за другим, но что за праздник завтра, я так и не узнал.

— А я знаю, — сказал Сэм. — По поводу союза.

Когда-то давно они не хотели быть с нами, а теперь захотели. А мы должны радоваться. А к нам опять приходила эта Марта Хаббард и рассказывала, что в Америке в День благодарения всегда едят индейку, а я ответил, что у нас индейка — только на Рождество.

— Спорю, завтра ей не видать индейки, — сказал Энди, — их разве что в лагерь пришлют самолетом из Америки. Морская пехота дает большой обед в «Приюте моряка», и миссис Хаббард там будет, она сама сказала. А еще я слышал, как она говорила, что они не смогли пригласить Мадам, потому что у нее болит сердце. Знаю я, как у нее сердце болит! Ха, видели бы они мешки с шишками, которые она вчера принесла. А где Терри?

— Он на ферме, и Джо там же, — ответила Эмма.

Она поискала глазами Колина. Опять исчез. Инстинкт привел ее в прихожую. Колин, а рядом с ним Бен, — прильнули к замочной скважине. Когда Эмма попыталась оттащить его, Колин оглянулся.

— Там на полу лежит человек, — восхищенно произнес он. — Его, наверное, кто-то убил?

— Тише, — шепнула Эмма, — он плохо себя чувствует. Бен, стой!

Однако было уже поздно. Бен распахнул дверь в прихожую, и шум мгновенно разбудил гостя, подскочившего как кукла-неваляшка и

принявшегося дико оглядываться по сторонам.

— Это бродяжка, — закричал изумленный Колин. — Мадам взяла его в плен, но забыла запереть на замок. Здравсте... — обратился он к проснувшемуся гостю, — вам уже лучше? Хотите посмотреть на Сэмову белку?

Мистер Уиллис нащупал очки и поправил их, пригладил пятерней свою седую шевелюру и медленно поднялся на ноги.

— Чувствую себя Рипом Ван Винклем^[22], — сказал он. — Сколько лет он пролежал в горах, что, когда спустился вниз, застал весь мир изменившимся? Этих мальчишек не было за обеденным пиршеством.

— Да, — пробормотала Эмма, — они только что вернулись из школы. Уже почти пять часов.

Мистер Уиллис ошеломленно покачал головой:

— Я шел по нужному делу, отклонился чуть в сторону и, судя по всему, оступился и упал. Вот ведь беда-то какая.

Мальчишки зачарованно уставились на него. Колин еще не слышал валлийского певучего акцента, и по его внимательному лицу Эмма поняла, что он напряженно старается запомнить манеру речи Таффи.

— А вы часто спите днем? — спросил Колин. Мистер Уиллис улыбнулся:

— Шестьдесят лет не спал днем, с тех пор как перестал ходить по воскресеньям в церковь, где бубнящий голос священника уносил меня в страну снов.

— Бегите отсюда, — твердо сказала Эмма малышам. — Мистеру Уиллису нужно привести себя в порядок и идти домой. — Она повернулась, подталкивая мальчишек к кухне. — Идите есть и сюда пока не заходите.

Они не послушались. Побежали в игровую комнату, чтобы поведать Энди и Сэму о странных событиях в прихожей. Эмма вернулась в холл и обнаружила, что мистер Уиллис на крыльце надевает ботинки. Дверь в музыкальную комнату была закрыта. Он приложил палец к губам.

— Леди, наверное, отдыхает, — прошептал он. — Ни за что не хочу ее тревожить. Передайте, что малейшее ее желание — для меня закон. Жажду услужить.

— Да, — сказала Эмма. — Да, конечно.

— Вот эти еловые шишки пойдут на растопку, мешок мой, но я завещаю его леди в качестве напоминания о столь значительном визите, который я мечтаю повторить когда-нибудь в будущем. Обед был великолепен. — Ни слова извинений о провале в середине. — Ваша

бабушка упоминала о предстоящей встрече на ферме, — добавил мистер Уиллис, перед тем как спуститься по ступеням, — цель которой не была объяснена. Я приду.

Он поклонился, повернулся и, тяжело ступая, направился к воротам.

В музыкальной комнате было тихо. Может, Мад тоже заснула? Обычно она оставляла дверь открытой для того, чтобы Фолли могла беспрепятственно входить и выходить. Эмма решила подождать, пока мистер Уиллис удалится на достаточное расстояние, чтобы его нельзя было окликнуть, а затем приготовить чай, разбудить бабушку и между делом объявить, что визитер по собственному желанию удалился, передав хозяйке слова благодарности.

Мад не спала. Когда Эмма принесла чай, она увидела бабушку сидящей на диване, причем кругом были разложены пять или шесть открытых томов Шекспира.

— Родная, — спросила Мад, — никак не могу найти. В какой это пьесе герой говорит: «Я духов вызывать могу из бездны»^[23]?

Эмма вздохнула и поставила поднос.

— Ты имеешь в виду Оуэна Глендаура?

— Да, да. Не могла вспомнить имя. Отличная роль для Таффи. Пусть почитает, когда проснется. Это одна из пьес про Генриха?

— «Генрих IV», часть первая, — ответила Эмма; какая все-таки Мад невежественная.

— А... — Мад перелистывала страницы, — подожди минутку, вот оно... «Когда рождался я, чело небес пылающие знаки бороздили и факелы; в час моего рожденья земля до основания содрогалась, как жалкий трус...»^[24] — Она прекрасно копировала голос Таффи. — Эм, подойди, посмотри, может, он проснулся, он уже как минимум часа два пролежал.

— Ах да, он уже проснулся. Более того, он ушел.

— Ушел? — Мад разочарованно посмотрела на внучку.

— Не хотел тебя беспокоить. Благодарил за обед. Мад с треском захлопнула том Шекспира.

— Очень плохо. Я так хотела устроить приятные литературные чтения перед операцией «дерьмовозка». А как Таффи, он пришел в себя?

— Абсолютно. И даже не извинился.

— А почему он должен извиняться? Он не мог с собой совладать.

Сложив руки на груди, Эмма стояла перед бабушкой.

— Мне кажется, что пора сообщить тебе, что операция «дерьмовозка», какая б она ни была, не состоится. Для тебя, во всяком случае. Утром я

звонила Бевилу Саммерсу, и он приедет навестить тебя. Вот-вот должен прибыть.

Мад застыла, прекратив наливать чай.

— Бевил меня не остановит.

— О нет, остановит.

Внезапно они поменялись ролями. Эмма отдавала распоряжения. Она будет обращаться с бабушкой так же, как с Колином, когда тот проявляет признаки непослушания. Мад молчала. Она продолжала наливать чай, но возник беззвучный зловещий свист на ее губах. Эмма налила чай себе, тоже не говоря ни слова.

Вдруг Мад пожала плечами.

— Что ж, — вздохнула она, — возможно, ты права. Я могу только помешать, и, в конце концов, я не прочь поговорить с Бевилом. Дело в том, что вчера я, похоже, перенапряглась, таская мешки с шишками. Появилась какая-то странная боль в боку.

— О, Мад... — Эмма мгновенно встревожилась. — Где? Как болит?

— Здесь, — нахмурилась Мад, — в низу живота. — Она показала, и, когда Эмма дотронулась до этого места, Мад поморщилась.

— Что же ты раньше об этом не сказала? — воскликнула Эмма.

— Не хотела подымать переполох.

— Может, сказать Дотти?

— Нет, не надо. Чем она может помочь? Вот что. Будь умницей, после чая пойди к мальчишкам и займи их чем-нибудь. Я спокойно полежу здесь и дождусь приезда Бевила. Не волнуйся, боль несильная, так, немного странная, ноющая.

Эмма глотала чай, время от времени поглядывая на бабушку. Воображение рисовало ей мрачные картины. Врачебное обследование, рентген, больница, срочная операция... Ноющие боли — угрожающий признак, особенно у пожилых людей. Жил-был здоровый человек, вроде ни на что не жаловался, и вот — уже поздно, ничего не сделать...

Мад подложила под голову подушку и потянулась за «Генрихом IV». Эмма отнесла поднос на кухню. До приезда доктора не стоит рассказывать об этом Дотти. Доктор объяснит, что делать. Как только мальчишки поели, Эмма отвела их в библиотеку и предусмотрительно закрыла дверь, чтобы телевизор не мешал Мад. Она включила телевизор и устроилась в бабушкином кресле. Началась передача о Бостонском чаепитии. Для Бена она оказалась чем-то вроде проверки на усидчивость — он предпочел вскарабкаться на подоконник и раскачивать ставни.

— Тише, — тоном усталого выпускника перед сдачей диплома сказал,

зевая, Колин. — Мне никак не сосредоточиться.

Бен прекратил свое занятие, но через некоторое время вновь застучал ставнями.

— Чего ему надо? — спросила Эмма, нервы которой были напряжены.

— По-моему, он что-то хочет сказать про Мадам, — ответил Колин, не сводя глаз с экрана.

Эмма вскочила на ноги, схватила Бена с подоконника и утащила, как ни странно, без протестов в холл. К ее удивлению, он устремился на крыльцо и принялся сражаться со щеколдой.

— Гопа... — сказал он, — гопа, жовно, — и показал во двор.

— Хватит, Бен, — крикнула Эмма. — Мадам отдыхает в музыкальной комнате.

Бен затряс головой и затопал ногами, и в этот момент Эмма увидела фары машины доктора Саммерса, въехавшей по подъездной аллее и остановившейся у ворот. Бен, должно быть, услышал приближающийся автомобиль и пытался об этом сообщить.

Она подождала на крыльце, пока доктор появится из тумана и моросящего дождя.

— Прости, не мог приехать раньше, — сказал он, когда она открыла дверь. — Чертовски трудный день. Здравствуй, мавр.

— О, я так рада, что вы приехали. На этот раз это действительно срочно, хотя, когда я звонила, я еще не знала об этом. Она жалуется на боль в паху. Мне это очень не нравится. Бен, не трогай дверь на улицу! — Бен продолжал указывать рукой на сад, складывая губы, чтобы опять произнести какое-то ругательство. — Не обращайтесь на него внимания, он любит покрасоваться. — Она открыла дверь в музыкальную комнату. Над диваном по-прежнему горел свет, но среди подушек спала только свернувшаяся клубком Фолли.

— Она, должно быть, поднялась к себе, — сказала Эмма. — Похоже, что ей плохо. Неважно, что она пытается это скрыть. Я вас позову.

Перепрыгивая через две ступеньки, она взбежала наверх и зашла в спальню бабушки. Свет не горел, постель не была расстелена. Неужели она ушла в игровую комнату или к Дотти? Эмма спустилась в холл. Бен вновь пытался открыть дверь на улицу, жестикулируя и шевеля губами. И тут Эмма заподозрила неладное. То же самое мальчишка делал и на подоконнике в библиотеке. Окно выходило на смотровую площадку и вспаханное поле за каменной оградой. Эмма вошла в прихожую и включила свет. Домашние туфли Мад аккуратно стояли у стены. Сапоги, непромокаемый плащ и кепка исчезли. О, нет... Эмма вернулась в холл и в

бессилии развела руками.

— Бесполезно, — сказала она. — Она нас обманула. Вся эта история с болью в паху — чудовищная ложь, чтобы сбить меня со следа. Что же нам теперь делать, Господи Боже мой?

Бевил Саммерс поднял брови:

— Не будем вмешивать Господа, хорошо? Попробуй объяснить толком, в чем дело.

Эмма продолжала, как не слыша:

— Когда я ее коснулась, она даже поморщилась, сказала, что хочет отдохнуть, попросила присмотреть за детьми. — Эмма остановилась на середине фразы. — Правда, она довольно неожиданно сказала, что у нее болит...

— Конечно, — сказал доктор. — Ты уже должна достаточно хорошо изучить свою бабушку, чтобы разобраться, когда она что-нибудь затевает. Я-то ее знаю. — Он вздохнул. У него был трудный день, и это было заметно. — Так или иначе, ты хочешь сказать, что ее нет дома? Она ушла в такую погоду на улицу?

— Боюсь, что да. Нету сапог и плаща. Конечно, она нарочно подстроила, чтобы вы не смогли ее удержать.

— А почему я должен ее удерживать? Прогулка по саду ей не повредит.

Эмма удивленно посмотрела на него. Ну конечно, он не понимает. Она же ему не рассказывала.

— Мад ушла не на прогулку по саду. Она и еще примерно тридцать фермеров задумали нечто ужасное. Называется операция «дерьмовозка». Я не могла говорить об этом по телефону.

Настала очередь Бевилу Саммерсу удивленно смотреть на нее. Потом он пожал плечами и протянул руку за плащом, который он только что снял.

— В таком случае, — сказал он, — нам лучше ее разыскать. Надень пальто и иди в машину. Если в окрестностях много патрулей командос, нас ждут серьезные неприятности.

На возвышенности, где стоял Тренавал, туман с моря всегда был самый сильный. Выехав за ворота на подъездную аллею, Бевил Саммерс затормозил и посмотрел на часы на приборной панели.

— Послушай, — сказал он, — я не рассчитывал на незаконную вылазку в конце дня. Закончив дела с твоей бабушкой и Терри, я намеревался под конец заглянуть к больному в нескольких милях отсюда по дороге ко мне домой, не доезжая немного до Пиннок Дауна. Больной прикован к постели, и я не могу не навестить его. Так что сначала заедем к нему и уладим дело. Это не займет много времени.

— Как хотите, — ответила Эмма. — В любом случае, я боюсь вас втягивать в наши дела, но не могу бросить Мад и двоих мальчишек, которые ничуть не лучше нее.

— Это не твоя вина. Ты одна из несчастных сотен, а может, и тысяч людей моложе нас, которым эти чертовы правила и ограничения причиняют массу неудобств. Полдня я втолковывал руководству районных больниц, что надо предпринять против этого меры, надеюсь, в итоге мне удалось сдвинуть их с места. Нельзя отключать людям воду и запрещать им водить машину из-за того, что какой-то американский морской пехотинец свалился со скалы. Союз — это одно, а тактика военных на запугивание местного населения — совсем другое.

Так что и он втянулся в борьбу. Снежный ком набирает ход. Они и мы. Машина подъехала к небольшой группе коттеджей.

— Я постараюсь обернуться как можно скорее, — сказал доктор Саммерс и, прихватив саквояж, направился в один из центральных коттеджей. Он вошел внутрь, хлопнула дверь. Внезапно наступила тишина. Туман, казалось, сгустился еще больше, и из-за моросящего дождя за ветровым стеклом ничего не было видно. Эмма протерла боковое окно, но смогла увидеть только пару высоких деревьев с голыми ветками, склонившихся над изгородью. Раздался крик совы. Эмма думала о бабушке, в дождь и туман ушедшей по полю на ферму, невзирая на непогоду, ничего не страшась, и Эмма понимала, что ей самой такого никогда не сделать, даже в обычных обстоятельствах, — только если рядом будет кто-нибудь из мальчишек, потому что с наступлением темноты все знакомые днем предметы исчезали под пеленой, удалялись, принимали иной, даже угрожающий вид, как будто принадлежали другой, более примитивной

эпохе, в которой время не существует. Даже сейчас, даже здесь, на тихой дороге вдоль коттеджей, она чувствовала себя в безопасности только потому, что сидит в машине Бевила Саммерса и машина создает ощущение человеческого присутствия. Машина защищает ее, но там, в полях или вдали по дороге, нет ничего дружелюбного, только зловещая пустота, — таким же зловещим казался Тренавал, когда она пыталась бродить там одна в темноте.

— Чушь, — говорила в таких случаях Мад, — страх перед темнотой — это страх перед смертью. Посмотрите на слепых. Они-то живут в темноте.

Быть может, в спальне этого коттеджа кто-то умирает, тот, прикованный к постели человек, которого ушел осматривать доктор. Эмма внезапно подумала о матери, которую она помнила с трудом: лежащей изнуренной и бледной, ожидающей, когда смертельная болезнь возьмет свое. Боялась ли она, чувствовала ли, как тени надвигаются на нее, приближаются с каждым днем, с каждым часом?

Эмме хотелось, чтобы вернулся Бевил. Ее захватила игра воображения. Ей представлялась старомодная кровать в крошечной спальне с неровным полом, плачущая женщина, держащая за руку старика, доктор, качающий головой и говорящий, что помочь не в силах. Ужасно, если действительно существует нечто, называемое ангелом смерти, он поджидает сверху, чтобы унести душу, мрачный дух с огромными крыльями, и, как ты бы ни пытался сопротивляться, ты не в силах и видишь, как он наклоняется к тебе, расправив крылья, пока не затянет тебя как в омут... как... Затем Эмма увидела морского пехотинца, лежащего со стрелой между глаз на вспаханном поле.

Она вздрогнула, едва сдержав крик. Это всего лишь доктор Саммерс открыл дверь.

— Прости, — сказал он, — задержался. Пришлось выслушать все о том, где и как болит у старикана.

— Он не умирает?

— Умирает? Нет! Он проживет еще десяток лет, если будет следить за собой, а жена прекратит его пилить. Ну а теперь, каков план действий?

Болезненное воображение далеко унесло ее мысли от проблемы, которую им предстояло решить. Ну и душой же она была бы в его глазах, знай он об этом. Хуже, чем тогда, когда она упала в обморок из-за укола Терри.

— Полагаю, — сказала она, — лучше развернуться и отправиться на ферму. Туда шла Мад, когда Бен заметил ее в окно из библиотеки. Мистер

Трембат и мальчишки должны быть там, и мистер Уиллис тоже.

Доктор включил зажигание.

— И он туда же. Компания что надо. Куда они направляются, интересно знать? У подножия холма их остановит тот парень у шлагбаума.

— Да? — спросила Эмма. — А если они в «лендровере»? Это не личный транспорт.

Бевил Саммерс с сомнением покачал головой:

— По-моему, так они остановят все, что движется, хоть инвалидную коляску. Давай сделаем так, — продолжал он, — срежем по Пиннокскому проезду и остановим машину у изгороди, не зажигая фар, тогда и узнаем, что делается у шлагбаума.

— А если нас заметят и подъедут?

— У меня врачебный пропуск.

— А я?

— Ты медсестра на неполный рабочий день. Мы выехали на срочный вызов.

Да... похоже, ему все это очень нравится. И, если подумать, решила Эмма, она сама тоже уже не боится. На человека средних лет вроде Бевила Саммерса можно положиться. У него на все готов ответ, как у Папы, и в экстремальных случаях он выпутается. Его поколение не страдает ни комплексом вины, как поколение Эммы, ни угрызениями совести.

— Как вы думаете, что нас ожидает? — спросила Эмма. — Я не имею в виду сегодняшний день, но завтра, на будущей неделе, в будущем?

Доктор ответил не сразу. Ехать приходилось медленно из-за тумана, который еще более сгустился.

— Я думаю, что миллионы людей вдруг осенит одна и та же мысль, что этому не бывать, — наконец произнес он, — и в стране поднимется грандиозное восстание, какого мы не знали со времен... не знаю даже... со времен норманнского завоевания. И нет тут ни правых и левых, ни фашистов и анархистов; никакой идеологии, только природная свирепость в чистом виде, пробуждающаяся в британцах, когда ими помыкают.

— Под этим вы имеете в виду СШСК?

— Конечно, СШСК или любую другую подобную сделку, в какой бы части света она ни возникла. Ассоциация разных стран — пожалуйста. Господство одной над другими — извините. Опустите стекло и смотри в оба, сейчас я выключу фары и заглушу двигатель.

Он уже свернул на узкий спуск, известный под названием Пиннокский проезд, ведущий к горной дороге над пляжем Полдри. Эмма опустила стекло и выглянула наружу. Из-за дождя, хлеставшего в лицо, и густого

тумана она не могла ничего ни разглядеть, ни услышать. Странное она испытывала ощущение, сидя в неосвещенной машине, медленно ползущей по крутому, ухабистому спуску. И одновременно захватывающее.

Доктор Саммерс мягко подкатил машину почти к самому подножию холма, затем свернул влево, к живой изгороди, и затормозил. Эмма по-прежнему почти ничего не различала вокруг.

— Пойдем, — сказал он, — только вылезай за мной через мою дверь. И молчком! — Он протянул руку и помог Эмме выбраться из машины. — Пригни голову, — велел он и сам втянул голову в плечи, — и не высовывайся из-за изгороди.

Эмма осторожно двигалась за ним, и ее преследовало неожиданное, почти что истерическое желание рассмеяться, потому что то, что они делали, было абсолютно нехарактерно для Бевила Саммерса, который в ее сознании всегда ассоциировался с такими вещами, как свинка, корь и эпидемии гриппа, с редкими чаепитиями, когда он сплетничал с Мад, говорил об Энди, с родителями которого он был дружен; и вот он превратился в партизана Сопротивления, революционера, бунтаря. По обеим сторонам дороги раскинулись поля, и калитка в ограде вела влево. Доктор отодвинул щеколду и жестом показал Эмме, чтобы она шла вперед, потом запер калитку и последовал за ней.

Стало слышно, как о берег Полдри бьется прибой, сквозь темноту и туман тускло пробился первый огонек: огни «Приюта моряка» через дорогу и фонарь возле будки постового у шлагбаума. Доктор Саммерс опять протянул руку и привлек Эмму под защиту изгороди. Пригнувшись рядышком, они оба наблюдали за постовым, пабом и входом на пляж, где теперь был лагерь. Постовой укрывался от дождя в будке, время от времени высовываясь и осматриваясь по сторонам. Ни на дороге, ни у «Приюта моряка» не было ни одной машины. Запрет вынуждал клиентов мистера Либби сидеть по домам — и местных, и из соседнего лагеря. Так ему и надо, подумала Эмма, нет желающих ни на калифорнийское вино, ни на хозяйское пиво.

Однако она ошиблась. Из темноты, окружавшей паб, появился поздний посетитель, явно под хмельком. Этот некто нетвердо держался на ногах и к тому же пел песню. Насторожившись, постовой вышел из будки и крикнул: «Стой, кто идет?!» Поздний посетитель, не обратив на крик никакого внимания, приближался, приветственно помахивая рукой и громко распевая.

— Утихомирься, приятель, и иди домой, — крикнул постовой.

Тут Эмму осенило, она узнала непромокаемый плащ и кепку.

— Боже, Боже, Бевил, — зашептала она, — это Мад. Эмма услышала, как он вздохнул, затем взял ее за руку, призывая к молчанию. Предполагаемый гуляка икнул и, распевая «Джона Брауна»^[25], направился к постовому, но споткнулся и рухнул наземь у его ног. Постовой машинально нагнулся, а в этот момент из-за будки кто-то выскочил и ударил его сзади по шее, видимо, используя прием карате. Морской пехотинец упал и лежал неподвижно, а фигура в плаще и кепке поднялась на ноги.

— Отлично, Таффи, — сказала Мад. — Я, боюсь, сыграла бездарно, но тем не менее все удалось.

Доктор Саммерс отпустил руку Эммы.

— Настало время нам появиться на сцене, — сказал он.

Однако он поторопился с этим заявлением. По шоссе и по Пиннокскому проезду, по которому только что проложили маршрут доктор и Эмма, бесшумно двигалась колонна с потушенными фарами.

— „Лендроверы», — сказала она, — и тракторы. Это фермеры.

— Поздравляю их, — пробормотал доктор. — Оставайся здесь и не двигайся с места. Похоже, что меня ждет пациент в лице нашего друга постового.

Эмма наблюдала, как доктор вернулся к калитке, поговорил с водителем приближающегося трактора и направился к своей машине. Тут она потеряла его из виду, но он, должно быть, только взял свой саквояж, так как минутой спустя она увидела, как он склонился над постовым, доставая что-то из саквояжа. Рядом стоял мистер Уиллис, и они вдвоем унесли морского пехотинца в будку. Кроме шума прибоя, бьющего о берег Полдри, других звуков слышно не было. Мистер Либби, хозяин «Приюта моряка», не подозревая о сборище, происходящем вблизи его владений, скорей всего дремал за стойкой, удрученный отсутствием клиентов.

Среди фигур, столпившихся у шлагбаума, Эмма уже не могла различить ни Мад, ни Джо, ни Терри, хотя в высоком человеке, который, похоже, руководил операцией, она сразу узнала Джека Трембата. «Бесполезно, — подумала Эмма, — чего мне здесь оставаться, пойду к ним». — И она выбежала через калитку на дорогу, и тут кто-то обернулся и схватил ее за руку, поворачивая ее лицом к себе. Кто бы это ни был, он был незнаком Эмме.

— Я Эмма из Треванала, — сказала она, и тут же он, улыбнувшись, отпустил ее руку, и она поняла, что он и все остальные зачернили лица обугленной пробкой.

Потом она поняла и цель операции и средства ее выполнения.

Название «дерьмовозка» было весьма удачно. Грязь и навоз, отбросы и помет со всех ферм в округе погрузили на «лендроверы» прицепы, тракторы, и теперь их разгружали у шлагбаума и у входа в «Приют моряка», где завтра должно проходить празднование Дня благодарения. В дело были пущены лопаты, вилы, ведра, грабли, все виды садового инструмента; в полном молчании толпа фермеров и рьяных их соседей разбрасывали навоз. Ни один самый мощный прилив, несущий горы песка, не вызвал бы большего хаоса.

Вонь гниющих удобрений насквозь пропитала влажный воздух. Постовой, укрытый одеялом, бесчувственно лежал в своей будке, сон его был, очевидно, укреплен при помощи врача, и постовой был полностью безучастен, а сам доктор, отойдя от пациента, схватил вилы и наравне со всеми раскидывал удобрения.

— Эй, — сказал Джо, внезапно появившись рядом с Эммой, — держи-ка. — Он протянул ей садовую лопату, и через секунду, то ли посмеиваясь, то ли ликуя, она тоже принялась за дело, сбрасывая грязь с прицепа на быстро растущую гору, — вот это баррикада, до которой военным далеко; на противоположной стороне дороги тем же была занята ее бабушка, рядом с ней Терри, а мистер Уиллис сновал от одной группы к другой, орудуя невесть откуда раздобытой саперной лопатой.

Забава не могла длиться вечно. Кто-то из «Приюта моряка» предупредил хозяина, дверь распахнулась, на пороге застыл мистер Либби, затем выбежал на улицу, закричал, замахал руками и вынужден был остановиться — дорогу перегородила почти десятифутовая гора навоза. Кто-то кинул ему под ноги полную лопату навоза, мистер Либби отпрянул, и Эмма заметила испуганное, смятенное выражение на его лице. Он убежал обратно в трактир и хлопнул дверью.

— По домам, ребята, — крикнул Джек Трембат, — и всем уходить по отдельности, чтобы они не пристроились к нам в тыл.

Толпа мгновенно рассеялась, люди рассаживались по машинам, и затем тишину нарушил внезапный рев моторов — тракторы и «лендроверы» отправились в обратный путь. Доктор Саммерс, рядом с которым стояла Мад, а чуть поодаль раскачивался на костылях Терри, крикнул Эмме:

— В машину! Быстро! Мы сможем подняться по дороге скорее, чем тракторы. Джо пешком дойдет через поле до фермы, а потом и до дома.

Они свернули с шоссе на Пиннокский проезд и сделали это очень вовремя, так как кто-то, скорее всего мистер Либби, поднял тревогу. В лагере засветились огни, забегали люди, зазвучали приказы. Вчетвером они

быстро втиснулись в машину, Эмма с бабушкой на заднее сиденье, Терри рядом с доктором. Мотор завелся, и машина задним ходом рванулась в гору. В кильватере тарахтели более медленные тракторы и «лендроверы». Отбросив осторожность, водители операции «дерьмовозка» приветственно сигналили. Доктор тоже просигналил в ответ. Ночь, дотоле безмолвная, наполнилась нестройными ликующими звуками.

Только когда Бевил Саммерс повернул с проезда на дорогу, Эмма ощутила, что ухоженная машина доктора теперь пропиталась резким запахом навоза. Эмму слегка замутило.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказал доктор Саммерс, — что я выпишу вам счет за эту экспедицию.

Мад наклонилась вперед и смахнула с шеи доктора комочек навоза.

— Ерунда, платит министерство здравоохранения. Если вы попытаетесь содрать с меня деньги, я пожалуюсь на вас в Британскую ассоциацию медиков.

— Знаю я, кто подаст на доктора в суд за оскорбление личности, — сказал Терри — это мистер Либби из «Приюта моряка». Я видел, как вы ему в ноги лопату с навозом кинули.

— Не следует волноваться, — пробормотал доктор. — Он не мой пациент, а я не его клиент.

— И очень жаль, — заметила Мад. — Он мог прислать тебе ящик калифорнийского вина.

Им пришлось описать почти полный круг, прежде чем подъехать к Треваналу и почувствовать себя в безопасности; когда машина остановилась в конце подъездной аллеи, откуда-то издалека, с шоссе, еще был слышен рокот фермерской колонны, разъезжающейся по домам. Бевил Саммерс повернулся к Мад и сказал:

— Ну? Надеюсь, вы удовлетворены?

— Не совсем, — ответила Мад. — Баррикада могла бы быть на несколько футов повыше. Тем не менее... Командующему придется давать обед в честь Дня благодарения в другом месте. Трудно представить себе Марту Хаббард переправляющейся через такую естественную преграду. Пойдем к нам, Бевил, тебе лучше принять ванну. Мы достанем из колодца воды и быстренько подогреем.

Она выбралась из машины. Ее кожаная куртка была в навозе, так же как и сапоги.

— Спасибо большое, — сказал доктор, — но я предпочел бы не рисковать. И ни в коем случае не пейте воду из колодца, а не то отправитесь все в инфекционное отделение с тифом. А тебе, мой мальчик, — обратился

он к Терри, в муках пытавшемуся выбраться из машины, — завтра уже можно снимать гипс. Но не очень-то на это рассчитывай. Теперь всякое может случиться.

— Что ты конкретно имеешь в виду? — спросила Мад, сдвинув кепку набекрень и встав руки в боки.

— Надеюсь, ты не воображаешь, что командос не отреагируют на операцию «дерьмовозка», — бросил он. — Они оплатят еще более жесткими мерами, так что будьте наготове и не выходите из дома.

— А вы как же? — спросила Эмма. Она вдруг забеспокоилась о его безопасности. Сегодняшние неожиданные события в новом свете показали ей знакомого с детства, вечно такого резкого и даже раздражительного доктора.

— А, — ответил он, — я воспользуюсь методом фермеров и теперь не буду обслуживать никого, кроме бунтовщиков. От них не получают молока и молочных продуктов. От меня — таблеток и мазей. Я подумаю даже над тем, чтобы закрыть больницу и поднять на забастовку всех моих коллег в окрестностях. — Он подмигнул Мад и включил стартер. — Если мне позвонят из дома, передайте, что я два часа уговаривал вас принять успокаивающее лекарство для вашего усталого сердца, — крикнул доктор; машина развернулась и исчезла за поворотом.

— А ведь он это серьезно, — с уверенностью произнесла Мад, открывая калитку во двор.

— Что серьезно? — спросил Терри.

— Относительно забастовки. Если фермеры, врачи, медсестры, учителя, могильщики, мусорщики не будут работать, а на дверях повесят плакат «Янки, убирайтесь домой», то СШСК развалится.

— Все это очень хорошо, — говорила Эмма, идя к дому, — но в результате наступит полный хаос.

— Вовсе не обязательно.

Хлопнула калитка у смотровой площадки, и появился запыхавшийся Джо, промокший до нитки, мокрые волосы облепили ему все лицо.

— Пришлось лезть через скалы, — выдохнул он. — Повезло, что я не сломал ногу, как ты, Терри. У «Приюта моряка» суматоха что надо, и я не хотел бы попасться.

— Всем удалось скрыться? — спросила Мад.

— Похоже на то. Трембаты точно уехали, я это знаю. Кстати, с завтрашнего утра, можем брать от них сколько хотим молока, а мистер Трембат зарежет свинью, и мы можем получить свою долю, взамен я принесу им дров. — Он остановился у крыльца, улыб

нулся Мад, затем повернулся к Эмме: — Видишь, жизнь общиной вполне реальна. Соседи помогают нам, мы помогаем соседям. Деньги нам не нужны, можем обойтись и без них. Если каждый во всей стране будет делать так же, то и не понадобится внешняя торговля. Мы не сделаемся богачами, но будем счастливы, будем свободны...

Он прервался, так как небо над ними внезапно осветилось и в тот момент, когда они невольно подняли головы, раздался грохот взрыва, будто звезды столкнулись. Задребезжали стекла в окнах столовой и на крыльце, и, испуганные, они все четверо сгруппировались на ступеньках, закрыв, защищаясь, лица руками. Эхо стихло, земля постепенно перестала качаться под ногами. Первым пошевелился Терри. Ничего не сказав, он указал на небо над морем. Оно было ярко-желтым, как днем. Терри схватил костыли и поскакал к калитке, распахнул ее настежь. Сквозь изогнутые ветви каменного дуба просвечивали темные воды бухты, окрашенные красными полосами, а там, где гордо стоял на якоре военный корабль, виднелось сквозь завесу дыма озеро бушующего пламени.

Этой ночью никому не удалось заснуть. Разбуженные взрывом малыши, плача, прибежали к Дотти. Средние мальчишки, готовившиеся улечься спать, тоже прибежали к ней, но без слез, с побледневшими лицами, серьезные. Сэм прижимал к себе белку. Когда Мад, Эмма, Джо и Терри открывали входную дверь, бедная Фолли, дрожа, пыталась пролезть под кушетку в холле. Все собрались на кухне. К счастью, стекла в окнах не разбились. Дотти, как это ни удивительно, оправившаяся от потрясения первой, в халате стояла у плиты, приготавливая какао. «Нам всем должно помочь что-нибудь горяченькое», — сказала она, а Бен, уткнувшись лицом в плечо Мад и засунув в рот большой палец, поднял глаза и стал наблюдать, как Дотти помешивает пенящуюся жидкость. Перестал дрожать Колин, сидевший у Эммы на коленях. Нервно затягиваясь сигаретой, Терри раскачивался взад-вперед, сидя верхом на стуле. Сэм, присев рядом с белкой, гладил ее дрожащие ушки. Единственный отсутствовавший домочадец — Джо — вернулся еще до того, как его исчезновение успели заметить.

— Я сделал обход, — коротко объяснил он. — В столовой вылетели все стекла, в библиотеке треснуло только одно. Два стекла выбито в спальне Мадам, ни одного в комнате для гостей, у Эммы тоже все в порядке. Вряд ли что-нибудь разбилось в подвале, но я сейчас сбегая посмотрю.

Он опять исчез. Энди, молча стоявший в глубокой задумчивости, вернулся к действительности.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Мне не хочется какао.

Остальные молчали. Засвистел чайник, вскипело молоко, и скоро уже все сидели, потягивая из бело-голубых кружек этот подобающий случаю напиток. Простой, обыденный и в то же время особенный. «Если бы мы могли задержаться так навсегда, — подумала Эмма, — не продолжать...»

— Знаете что? — сказал вдруг Колин, не обращая ни к кому конкретно. — Когда я проснулся, услышав этот взрыв, то я подумал, что настал Судный день и Иисус спускается с небес, чтобы отделить овец от козлищ.

Сэм оторвал взгляд от белки.

— Вот странно. Я тоже подумал, что настал Судный день, но, по-моему, Иисус не стал бы отделять овец от козлищ — это было бы

неправильно. По-моему, он скорее заставил бы львов лечь рядом с овцами. Будь я Иисус, я бы так и сделал.

— Не знаю насчет Судного дня, — сказала Дотти, — но вот мальчишки, бегающие босиком, порежутся битым стеклом, и это — наверняка. Чем быстрее они окажутся в своих постельках, тем лучше для них.

В дом возвращалась нормальная жизнь. Отставлены в сторону кружки. Мад передала сонного Бена на руки Дотти, поднялась на ноги и потянулась. Эмма последовала за бабушкой в спальню. Битое стекло было быстро убрано с помощью веника и совка.

— Свежий воздух пойдет мне на пользу, — заметила Мад. — И запах навоза скорее выветрится из комнаты. Странно. На кухне никто не сказал про это ни слова, не спросил, где мы были. Даже Дотти.

— Они были слишком напуганы. И, признаюсь тебе честно, я тоже.

Они вместе постояли у окна, глядя на бухту. Повсюду мелькали огни: спасательные суда обследовали поверхность моря, в воздухе ревели вертолеты, скользя лучами прожекторов по месту, где затонул корабль.

— Судный день, — пробормотала Мад, — для скольких людей?

— Ужасно, — шептала Эмма, — это ужасно...

Но она не могла отвести глаз от моря. Яркие лучи мелькали, кружили над пятном нефти, выделенным ярким светом прожекторов, огни вертолетов порхали, как гигантские мотыльки, то ныряя, то вновь поднимаясь.

— Жаль чертей, — сказала Мад, отворачиваясь. — Утешает только то, что они, те, кто был на борту, погибли мгновенно. — По привычке она принялась сама раскладывать постельное белье, включила электрическую грелку.

Почему «чертей», подумала Эмма. Интересно, врагов всегда так называют, если их убивает или ранит? Случись такой взрыв в обычное время на британском или европейском судне, ожидающем груза на рейде, те же Мад, невзирая на возраст, и Эмма, и мальчишки побежали бы на берег в надежде помочь морякам, чудом спасшимся с судна. Но не сегодня. Сегодня никакой помощи из Треванала. Кто бы ни хватался за горящий рангоут, кто бы ни выплыл, покалеченный, захлебывающийся нефтью, он чужак. Они и мы...

— Мад, — спросила Эмма, — как ты думаешь, что все-таки произошло? Могло так быть, что возникла неисправность в машинном отделении, что-то разладилось, поломка привела к катастрофе?

Бабушка сняла халат и тапочки, зажгла ночник и налила в стакан воды.

— Я бы предпочла так думать, но это маловероятно. Скорее всего, кто-то смог пронести на борт взрывчатку. И если докажут, что так и было, то наша скромная операция «дерьмовозка» в их глазах будет выглядеть как отвлекающий маневр. Часть совместного плана.

— О, Господи... — Эмма отвернулась от окна, беспомощно всплеснув руками.

— Да, но мы ведь ничего не можем поделать. Так что, милая, иди и попробуй заснуть. Всем нам придется туго.

Эмме хотелось остаться с Мад. Посидеть на краешке кровати, все обсудить: страх перед наступающим днем, перед будущим. Она понимала, что толку в этом нет. Мад не такая. Хорошего понемножку. Она предпочитала оставаться в одиночестве. Эмма поцеловала бабушку, а когда вышла на верхнюю площадку, чтобы потушить свет, то увидела внизу, в холле, маленькую фигурку. Это был Энди.

— Что такое? — спросила она. — Ты почему не в постели?

— Эм... — Энди заколебался, уже поставив ногу на ступеньку, — можно задать тебе вопрос?

— Да, конечно.

— Джо сказал мне, что взорвался корабль. Наверно, погибло много людей?

— Да, это так.

— Что ж, дело вот в чем. Если много людей погибает вот так, за один раз, все вместе то не будет ли считаться убийство только одного человека менее тяжким преступлением?

Эмма взглянула вниз, на него. Энди был все еще бледен от потрясения; взрыв, напугавший малышей, должно быть, напугал и его. Он все время думает об этом, — все эти дни Эмма не понимала этого, — он думал в школе, думал во время игр и не спрашивал, никому не рассказывал. «А вот теперь спрашивает у меня. И я не знаю, что сказать, потому что не знаю ответа».

— Да, — медленно произнесла она, — мне кажется, что будет.

Энди улыбнулся:

— Я рад. Я так ждал, что ты скажешь это.

— Спокойной ночи. Ложись поскорее спать.

«А ведь это неправда, — думала она, направляясь к своей комнате, — неправда...»

Утро четверга, Дня благодарения, призванного протрубить о начале новой эры для англоязычных наций, отмечаемого по всей стране тостами за СШСК, утро общевыходного дня, началось в Корнуолле тревожно. Сказать

честно, так никакого праздника и не было. Если операцию «дерьмовозка» можно было списать на местные дурные нравы, нечто, заслуживающее упоминания вскользь или вовсе этого не заслуживающее, то взрыв с многочисленными человеческими жертвами на борту американского судна, мирно стоявшего на якорной стоянке в корнуолльской бухте, — это событие другого масштаба, которое оказалось в центре внимания радио, телевидения и местных газет. Как и намечалось, были проведены торжественные мероприятия, но как-то приглушенно, а премьер-министр, выступая после телевизионной трансляции торжественного министерского обеда в честь СШСК, сказал: «Нам пока неизвестна причина катастрофы. Если будут найдены определенные доказательства совершенной диверсии, если обнаружится, что уничтожение этого прекрасного судна и потеря многочисленных бесценных жизней — результат умышленного преступления неизвестных агентов, враждебных СШСК, то на этот счет не может быть никаких сомнений. Замешанные в преступлении будут найдены и наказаны — им не избежать правосудия. Я, в свою очередь, хочу обратиться к согражданам, населяющим запад страны, к тем, кто считает, что место рождения позволяет им считать себя не такими, как все, — и это относится также и к жителям Шотландии и Уэльса, где тоже произошли взрывы, правда меньшей разрушительной силы. Предупреждаю таких людей, чтобы они не поддавались враждебному влиянию, лживой пропаганде, пытающейся заставить их уверовать в возможность помешать объединению прогрессивных миролюбивых народов, повернуть вспять к общинному строю. Это невозможно».

Премьер-министр коалиционного правительства закончил речь под гром аплодисментов, торжествующим, строгим взглядом оглядел аудиторию и высоко поднял голову с сознанием собственного триумфа. Мад, Эмма и двое старших ребят сидели перед телевизором и молча взирали на это.

— Чувствую себя Веллингтоном^[26], — сказала Мад, когда закончилось выступление. — Врагов он может и не напугал, но, клянусь, на меня подействовало.

— Это смотря каких врагов, — ответил Терри. — Премьер-министр, наверно, имел в виду горстку корнуолльских фермеров?

— Да он наверняка знать не знает об этом, — возразила Эмма. — Он говорил про неизвестных агентов. Так называют людей, крадущихся в маскировочных халатах и масках. Не могу понять, как шпион мог пробраться незамеченным на американский корабль.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес Джо. — Не может быть,

что они на корабле сами себя всем обеспечивали, им приходилось и с берега продукты брать. А ведь в Полдри немало докеров не жалуют янки. Кое-кто потерял работу, да и все остальные тоже догадываются, что их ждет в будущем. Вот кто-то и подложил сюрприз.

— Том Бейт, — предположил Терри. — Набил гелигнитом местную камбалу.

Гелигнит... Эмма вспомнила о брусках, которые Терри передал мистеру Уиллису. Валлиец Таффи, жулик и вор... Лживая пропаганда, изменить течение истории, повернуть вспять к общинному строю...

— Я в недоумении, — вдруг сказала Мад, — почему нам вчера не позвонил Бевил, чтобы узнать, как дела. И даже сегодня утром не позвонил.

— Не забывай, — напомнила Эмма, — что телефоны прослушиваются.

— Да, я знаю. Но взрыв должен был быть слышен на многие мили вокруг, все звонили соседям, друзьям... Джо, — она посмотрела на него, — Бевил уже пообедал, наверное. Позвони ему, но говори осторожно.

Джо отправился выполнять поручение, но вернулся почти сразу же.

— Бесполезно. Телефон отключен. Как тем утром, когда они высадились.

— Благодарение? — спросил Терри.

— День искупления, — ответила Мад.

И на самом деле, они будто вернулись на две недели назад. Только на этот раз царила тишина, никаких войск в ближайших окрестностях. Над бухтой кружили вертолеты, место катастрофы обследовали катера, но из Треванала следов взрыва заметно не было. Непонятно, отнесло ли обломки к берегу, обыскивали ли подразделения морской пехоты пляж, — чтобы узнать об этом, нужно было совершить вылазку через поля к берегу. А Мад была категорически против. Никому не велено и шагу ступить за ограду, даже к ферме. Если Джек Трембат сочтет необходимым связаться с ними, он, без сомнения, так и сделает. Понятно одно. Торжественный обед в честь Дня благодарения в «Приюте моряка» не состоится, и успешный исход операции «дерьмовозка» тут ни при чем.

Другой важный приказ Мад относился к Джо и Терри; они должны были вымыть всю обувь, выстирать плащи и всю другую одежду, испачканную в навозе во время вчерашнего мероприятия. Крохотные кусочки грязи прилипли даже к носкам, воротникам, трусам и майкам. Очень помог колодец в подвале, а старая ванна Фолли, обнаруженная в углу гаража, превратилась в отличное корыто. Каменный пол был весь залит водой, и подвал, в котором когда-то были кухня и судомойня, стал

напоминать плавательный бассейн.

— Давайте наберем еще воды из колодца и затопим все по-настоящему, — крикнул Колин. — Бен, принеси из игровой комнаты модель корабля, посмотрим, плавает ли она. Нет, постой, давай лучше разденемся и будем играть в лето.

— Ни в коем случае, — закричала Эмма. — Мад, ради Бога...

Бабушка только улыбнулась:

— Им не погулять, пусть хоть позабавятся. Но, родные, смотрите не замочите свеклу и яблоки. Нам придется питаться ими до Рождества.

Царило возбужденное веселье, и Мад, чей дар изобретательства был неистощим, предложила принести сухих дров, разжечь огонь в старинном камине и натянуть вокруг веревку для просушки выстиранной одежды.

— Только осторожно, — попросила Эмма, когда из старой трубы повалили клубы дыма. — Вы не только испортите всю стирку, перепачкав белье сажей, но и дом подожжете.

— Вот что, — поддержали Энди с Сэмом, — давайте вскипятим чайник и попьем чаю прямо здесь, как настоящие путешественники. За вешалкой есть чайник, у него носик сломан, но это ничего.

Испустив клуб дыма, старинный камин разгорелся, чайник закипел, чай разлили по пакетам из-под йогута, и даже Колин, который у Дотти никогда чай не пил, заявил, что он невероятно вкусный. Сама Дотти, не участвовавшая в семейной стирке и разжигании походного костра, спустилась вниз, когда уже начинало темнеть, и доложила, что к дому приближается военный грузовик, набитый морскими пехотинцами.

— Правда? — сказала Мад подозрительно спокойным голосом. — Интересно, почему?

— Может, дело в электричестве, — ответила Дотти. — Его отключили, как и телефон. Джо и Терри сейчас в гараже, пытаются отыскать неисправность.

— Может быть, — предположил Колин, — моряки хотят опять воспользоваться нашим гаражом? Если они попробуют, то я засажу им в шины гвозди.

Бен кивнул и громко зааплодировал, а чтобы показать дружеские чувства, принялся обрызгивать соседей мыльной водой.

— Дотти, подымись наверх, послушай, что они скажут, — посоветовала Мад. — Если будут спрашивать меня, скажи, что я в подвале.

Дотти потрясенно посмотрела на нее.

— О, Мадам, что вы... — начала она.

— А что, почему бы и нет? Вода и электричество отключены, и нам

уже не до сидения в гостиных. Чем скорее они это поймут, тем лучше.

Коммандос не стали звонить в дверь. Часть из них зашла через парадный вход, часть — через черный. Рассевшись кружком вокруг старинного камина, мальчишки слышали над головами их громкие голоса и топот сапог на лестнице. Энди вскочил на ноги.

— Эй, что они себе позволяют? — сказал он, и Эмма заметила, что его рука непроизвольно потянулась за складным ножом, всегда висевшим на поясе его джинсов.

— Тихо, — резко бросила Мад. — Ведите себя как ни в чем не бывало, а переговоры предоставьте мне.

К голосам на кухне присоединился голос Дотти. Она протестовала, и все, казалось, говорили одновременно.

— Подложите в огонь еще дров, — сказала Мад. — Пусть будет чуть посветлее, но не слишком.

Сэм подбросил тонких поленьев и стружек, которые Джо нарезал на растопку. Стружки вспыхнули, на закопченном потолке запрыгали огромные тени. Голоса и топот приближались, незваные гости спустились в подвал и ворвались в старую кухню.

Кто-то крикнул:

— Эй, встать, руки за голову. — В руках он держал фонарик, освещая по очереди лица собравшихся у огня. Никто не пошевелился. Приказу подчинился один лишь Бен: положив руки на голову, он шагнул вперед, и тень от его ноги качнулась по направлению к морскому пехотинцу.

— Заберите ребенка, — сказал военный, отдававший приказы.

Эмма взяла Бена и прижала к себе. Сколько вошло солдат, она сосчитать не могла. Похоже, что четверо или пятеро, но огонь не освещал их достаточно хорошо; они светили фонариками на стены и окна, заглядывали в старинную судомойню, где хранились свекла и яблоки.

— Только куча детей и старуха, — сказал начальник морских пехотинцев. Он был разочарован, даже, казалось, испытывал отвращение к находке. — Кто же хозяин дома?

— Я, — сказала Мад. Голос ее был холоднее льда и очень отчетлив. — И если вы будете так добры, что прекратите светить фонариком мне в глаза, ослепляя меня, то я, может быть, смогу поговорить с вами.

Кем был военный: офицером, сержантом или капралом — Эмма определить не могла. В защитной форме все они выглядели одинаково. Точно, что это не капитан Кокрэн, который приходил к ним, когда здесь был Папа, да и вообще, этого она раньше не встречала.

— О'кей, как вас зовут? Мад ответила.

— А это моя внучка, — продолжала она, — а эти четверо — мои приемные дети. Так как у нас нет света и вода только та, что мы смогли достать из колодца, нам приходится стирать на всю семью здесь, где вы нас и нашли. Мы не можем добраться до города, так как нет транспорта, и поэтому нам приходится питаться капустой со свеклой. Что еще вы хотите узнать?

— Еще кое-что, леди. — Тон начальника, хотя и смягчился немного, все еще был довольно оскорбительным. — У нас есть сведения, что с вами живут двое подростков, которым уже исполнилось девятнадцать. Где они?

— Не знаю. Скорее всего, в гараже, пытаются понять, почему у нас нет электричества. А младшему только семнадцать.

— Хорошо. Приведите их, — начальник отдал приказ двоим из своих людей, и те ушли.

— Зачем они вам понадобились? — спросила Мад.

— Все взрослые мужчины, леди, должны быть допрошены. Мы проводим обыск во всех домах вашего района, ваш дом — один из сотен в списке. Чем быстрее человек отвечает на наши вопросы, тем быстрее он отправляется домой.

Американец жевал свою неизменную резинку. Почему они так смотрят, размышляла Эмма, почему он бросил на нее этот взгляд, полуфамильярный, полупрезрительный, как будто стоит ему кивнуть головой, и она побежит за ним?

— Вы хотите сказать, что вы забираете на допрос всех трудоспособных мужчин из района Полдри? — спросила Мад.

— Вы правильно догадались, леди. И вам повезло, что мы не забираем подростков помоложе. Пора кое-кому из них научиться уважительному отношению.

— К кому?

Начальник не ответил. Он посмотрел на развешанную всюду одежду.

— Ничего себе стирка, — заметил он. — Вы каждую неделю столько стираете?

— Это зависит от того, кто загрязняет воздух, которым мы дышим, — ответила Мад.

Из-за боковой двери донесся голос Джо.

— Ага, — воскликнул молодчик, — вот и они. Если они будут себя хорошо вести, то утром вернутся домой.

Он и другие морские пехотинцы двинулись к выходу.

— У младшего юноши нога в гипсе, он ходит на костылях, — сказала Мад. — Он находится под наблюдением врача и был в больнице. Сегодня

он должен был вернуться в больницу, для того чтобы сняли гипс, но мы не смогли туда его доставить.

— В таком случае ему все равно придется подождать, пока корнуолльские медики придут в чувство, — ответил военный. — Вы, наверное, не в курсе, что они объявили забастовку и ваша больница закрыта, как и другие. Вы ж тут все патриоты на вашем чертовом полуострове.

Из коридора появились Джо и Терри, окруженные морскими пехотинцами.

— Боюсь, что нам не найти неисправность, Мадам, — сказал Джо. — Электричество отключено.

— Совершеннейшая правда, мэм, — передразнил его начальник. — Ни воды, ни света, ни транспорта, мэм, вы вернулись в старину. Может, вам пойдут на пользу тяготы жизни, мэм, — сто лет назад так жили наши переселенцы. Пошли. Идем отсюда.

Сильно побледневший Колин встал рядом с Джо и Терри.

— Если ты уведешь моих братьев, я убью тебя, — сказал он.

— Да? — Морской пехотинец нагнулся, поднял Колина за воротник и аккуратно поставил в жестяной таз. — Убийцы в этих краях молодые, да ранние. Может, мы завтра еще вернемся за тобой.

Он подтолкнул Терри вперед, так что мальчишка споткнулся и костыль выскочил у него из-под руки, и Эмма вскочила на ноги.

— Ради Бога, осторожнее, — сказала она. — Вы что, не видите, что ему трудно идти? И если вы забираете их на допрос в лагерь, то знайте, что их допрашивали на прошлой неделе. Спросите у капитана Кокрэна, нет, у лейтенанта Шермена, он знает их обоих, знает мою бабушку, знает нас всех.

Военный обернулся и посмотрел на нее. Лицо его было освещено фонариком другого солдата. Выражение его лица уже не было презрительным — только жестоким.

— Послушай, девчоночка, может, он и знал, но сейчас он тебе не помощник. Капитан Кокрэн и лейтенант Шермен вместе с еще двумя сотнями моих друзей вчера ночью взлетели к небу в вашей бухте, и мы не нашли еще от них ни кусочка. Так что, сидя здесь в темноте, помните, почему мы не любим вас и почему нам нечего делать на празднике, который должен был стать Днем благодарения.

Он и все остальные морские пехотинцы прошли по коридору, а потом через боковую дверь на улицу, ведя перед собой Джо и Терри. Хлопнула дверь. Через некоторое время раздался шум мотора, скрежет колес: машина

выезжала на подъездную аллею. Разбуженная Фолли, не обнаружив никого рядом, принялась выть у лестницы в подвал. Сэм покинул молчащую группу, сидевшую у камина, и поднялся к собаке, чтобы успокоить ее.

— Почему мы не остановили их? — закричал Колин, пиная жестяной таз. — Почему ничего не делали?

Никто не ответил. Затем Мад подбросила в огонь полено.

— Потому что их было куда больше, чем нас, — ответила она.

Вперед шагнул Энди и положил руку на плечо согнувшейся над огнем Мадам.

— Не волнуйся, — сказал он. — Пока нет Джо и Терри, я пригляжу за хозяйством. Я буду в доме мужчиной, мы с Сэмом будем делать всю их работу, пилить дрова, собирать овощи. Жаль, что в этом взрыве погибло много морских пехотинцев, но это не означает, что мы должны уступить, ведь так?

— Да, — Мад посмотрела на него, лицо ее в свете огня казалось изможденным. Она выглядела на все свои восемьдесят лет. — Да, Энди, мы не уступим. Никогда... никогда... никогда...

Дело не в темноте, думала Эмма, и не в страхе, что воды хватит не надолго, — хотя на самом деле, заглянув в колодец, она заметила, что круглое блюдо воды удалилось на глубину и подернулось пленкой мусора, — и не в том, что есть приходится неизменный теперь капустный или свекольный суп да вареную картошку, сдобренную консервами из Доттиных запасов, приготавливаемые на старой каминной решетке в подвале, мучила тревога за Джо и Терри, неизвестность, что с ними случилось, где они, что у них спрашивают. И то, что пострадали и Трембаты, конечно, никак не служило утешением: четырнадцатилетний Мик прибежал на следующее утро в Треванал и сообщил, что отца опять забрали солдаты.

— Забрали и мистера Хокинса из Пендауэра, Билла и Дика Рандлов из Хиллтауна. Мистер Уиллис обошел все, какие мог, фермы, помогал с дойкой и со всем остальным. Мы бы пропали без него. Теперь мало кто помнит, как доить вручную. Мама прислала вам яиц, а вот свинью папа не успел зарезать.

Они лишились всех средств связи. На шоссе не было видно ни грузовиков, ни автобусов, никакого транспорта, кроме военного. Магазины в Полдри были закрыты. Никто и не думал отправлять мальчишек в школу, так как неизвестно, открыты школы или нет, и, так или иначе, школьный автобус не ходил. Единственной ниточкой, связующей их с внешним миром, была районная фельдшерица, которая приходила на ферму в пятницу и еще в субботу, чтобы успокоить сестру, и, по доброте душевной, навести и Треванал.

— Надо проверить, все ли у вас в порядке, — сказала она. — Если надо передать кому-нибудь сообщение, то я в вашем распоряжении.

— Правда ли, что врачи не работают и больница закрыта? — спросила Мад.

Сестра Беннет медленно покачала головой:

— Я не знаю. Так же как у всех, телефон у меня не работает, бензина для машины нет, а заправочные станции до сих пор закрыты. Мне приходится передвигаться исключительно пешком. Что происходит вокруг, неизвестно. Люди недоумевают. Полдри полностью отрезан от внешнего мира, дороги между нами и Сент-Остеллом и Лискардом перекрыты. А самое ужасное, что они забрали всех мужчин.

— А куда они их увозят?

— Неизвестно. Говорят, что возле глиняных карьеров отгородили огромную территорию: колючая проволока и собаки, настоящий концентрационный лагерь, — но ведь, может, это и вранье, как вы считаете?

Джо, Терри, мистер Трембат... Невозможно, подумала Эмма, чтобы их и сотни других людей бесконечно держали в неволе, не разрешая протестовать и требовать полагающихся по закону прав; она всегда считала, что такое было возможно только в Советском Союзе много лет назад, еще до ее появления на свет, в тридцатые годы, да еще в нацистской Германии.

— Если бы только мы могли узнать правду из новостей, — сказала сестра Беннет, — но мой приемник не работает — практически ни у кого нет батареек; так или иначе, говорят, что по радио о нашей участи не передают ни слова. Просто молчат о нас.

— А что делает полиция? — спросила Мад.

— Не видела ни одной полицейской машины, — ответила сестра Беннет, — а местное отделение полиции превращено в военный пост, или в пост морской пехоты, я уж не знаю. Все из-за этого взрыва на корабле. Они считают, что виноваты все мужчины, женщины и дети, и наказывают нас. Ничего этого не было бы, если бы не взрыв...

— Не знаю, не знаю, — произнесла Мад.

Эмма понимала, о чем сейчас думает бабушка. По теории Мад, все меры, предпринятые, чтобы лишить их информации и возможности перемещаться, все равно были бы введены в действие, совершенно независимо от взрыва на корабле. Более строгие ограничения уже вступили в силу после гибели капрала Вэгга, а даже если бы не было взрыва, то подрывные действия, выразившиеся в операции «дерьмовозка», вызвали бы карательные меры и повальные аресты, хотя, может, и в меньших, чем сейчас, масштабах.

— Они оскандалились и нервничают, — объяснила Мад Эмме. — Помнишь, что нам говорил Вик? Морские пехотинцы не могут позволить себе проиграть. Как и наше коалиционное правительство, поддерживающее затею с СШСК. Население должно выглядеть всецело поддерживающим союз, необходимо его подкупить, умаслить, принудить — что поможет быстрее. Саботаж должен быть наказан — так сказал премьер-министр. И, осмелюсь предположить, что, произойди этот взрыв не у нас, а в Суффолке, мы бы согласились с его словами.

— Кое-кто согласился бы, — подтвердила Эмма, — но только не ты.

Ты твердо заняла позицию с первого же дня. Не забуду твое лицо, когда Спрая разорвало на куски там, на распаханном поле, и ты бы ощущала то же самое, застрелили они нашу собаку в Корнуолле или на острове Мэн.

Мад не стала отнекиваться. Она отвернулась, держа в руке пилу, — день в пятницу приказано было посвятить валке кустарника, к этой работе привлекли и старших мальчишек. Убили собаку, убили человека, уничтожили корабль, изолировали от внешнего мира маленький городок, арестовали его мужское население... и во имя чего? Чтобы больше людей, таких как Папа, летали по всему миру, жонглируя финансами? Чтобы все больше разочарованных, обманутых безработных людей эмигрировало в тщетной надежде найти где-нибудь лучшую жизнь, а оставшиеся и не думали делиться и помогать, а только боролись бы и старались опередить соседа? Должен быть ответ, думала Эмма, но никому он не известен. И бесполезно обращать взгляд в прошлое, говорить о падении Рима и о том, как общество прогнило две тысячи лет тому назад: мужчины и женщины расслаивались, занятые поглощением вина и лицемерием гладиаторских поединков, а христиане должны были скрываться в катакомбах; когда христиане взяли верх, они оказались не многим лучше: сжигали людей на кострах и вздергивали на дыбе. Даже в Нагорной проповеди нет ответа; слова «блаженны алчущие и жаждущие правды»^[27] вызывают в воображении толпы мужчин и женщин, молящихся как безумные, стоя на коленях в темной церкви, а после этого осуждающе смотрящих на тех, кто всего лишь навсегда взялся за руки или оступился в темноте. И вдруг Эмма вспомнила Уолли Шермена, бедного безобидного Уолли Шермена, желавшего только добра, который даже на фейерверке хотел только тепла и близости, как все молодые люди в обеих странах. Уолли Шермен, который не побоялся, возможно даже подвергая себя опасности, предупредить ее о грозящих ограничительных мерах и... не осталось ничего. Вот он разговаривает, может, смеется, а может, обедает на борту корабля, перед тем как отправиться на берег, и в следующий миг... кусочки, все кончено, как со Спраем. Если много людей убито за один раз, меньшее ли преступление — убийство одного человека? «Я не знаю, Энди, не знаю. Мне только двадцать, и говорят, что перед нами весь мир, но и Папе было когда-то двадцать, и он считал мир своим, и давным-давно Мад тоже было двадцать, она смеялась над аплодирующей публикой, улыбалась с открыток, а когда я буду такой же старой, как она, то ничего не изменится...»

Обрывки этих мыслей проносились в голове Эммы еще до прихода сестры Беннет и не покинули ее и после. Эмма проводила ее до полпути по вспаханному полю, но на ферму не пошла: дома слишком много работы;

глядя вслед коренастой фигуре в голубом пальто, поднимающейся по грязной тропинке с дороги вдоль обрыва, показывающей пропуск медсестры неприветливому угрюмому постовому, идущей во имя любви к семье и людям вообще, Эмма думала, что страна выживет благодаря тысячам таких женщин, как сестра Беннет, принимающих в мир новорожденных и облегчающих страдания умирающих. Они никому не известны, кроме соседей, и стоит им переехать, как их уже не помнят; они не становятся богатыми, не становятся знаменитыми, они — кроткие, наследующие землю не для того, чтобы держать ее во владении, а для того, чтобы передавать ее как надежду, как уклад жизни.

— И ты одна из них, — сказала Эмма Дотти, увидев, как та просеивает последний мешочек муки, чтобы спечь мальчишкам хлеб. А после того, как хлеб испечется в глиняной духовке, которая без дела простояла в подвале не менее ста лет, Дотти украсит его яблоками, запеченными в горшке на огне старого камина.

— Я одна из кого? — переспросила Дотти; ее круглое лицо прорезали усталые морщины: как им протянуть следующую неделю, если не будет продуктов, электричества и воды, кроме той, что они кипятят, набирая из мутного колодца; без Джо, без Терри — как им протянуть наступающие дни?

— Ты одна из блаженных, — сказала Эмма, — одна из кротких.

Дотти оторвала взгляд от теста.

— Кротких? — повторила она. — Блаженных? Что кроткого или блаженного в том, что пытаешься одним мешочком муки накормить четверых подрастающих ребят с волчьим аппетитом? Буду работать, пока не свалюсь с ног, но разве это кротость. Что касается блаженных, то я никогда не была святой, вот они — блаженные. — Дотти отряхнула с рук муку, и вдруг тело ее обмякло, на лице прорезались морщины. — Боюсь и думать, что они делают с моим мальчиком.

Моим мальчиком... Первый из приемной семьи, избалованный Терри — ее питомец. Дотти, милая Дотти плакала, и Эмму потрясли слезы пожилой женщины, и, чуть-чуть не зарыдав сама, она обняла ее и прижала к себе.

— Они не тронут его, не посмеют, — сказала Эмма. — Он вернется, будет опять, как всегда, передразнивать и насмешничать, научит Колина еще более страшным ругательствам, обещаю тебе.

— Как ты можешь обещать, ты же не знаешь, — сказала Дотти. — А я думала, что морские пехотинцы должны стать нашими друзьями, что они здесь появились, чтобы помочь нам, но после того, как они со мной так

разговаривали, обшарили весь дом от кухни до подвала и увезли наших мальчиков в грузовике, будто скот... Где же наша армия, почему не защищает нас, где полиция, куда смотрит правительство? Так бывает в других странах, но не у нас. Не здесь.

«Здесь такого не может быть, — подумала Эмма, — у нас это невозможно, так всегда говорили англичане, даже в войну под бомбами, потому что они были едины на родной земле. Сейчас уже не так».

— Давай попробуем продержаться, будем мужественны, — сказала Эмма вслух. — Не надо сдаваться. Надо принимать все как есть, каждую минуту, каждый час, каждый день.

Вот уже два дня нет Джо и Терри. А кажется, что прошло два года. Этот ужас, охватывающий их по утрам, ожидание, что вот-вот случится нечто еще более страшное: морская пехота в порядке устрашения расстреляет двоих из каждой дюжины арестованных, и эти двое будут Джо и Терри. Страх, что не вернется больше Папа, поселится в Бразилии, думая, что на родине ничего хорошего ждать не приходится. Боязнь, что кто-нибудь из мальчишек заболеет, проснется от приступа аппендицита, а без телефона Бевила Саммерса им не вызвать. Страх, что доктора тоже увезли в грузовике морские пехотинцы, и не осталось никого, абсолютно никого, кто бы мог прийти им на помощь.

Хватит, сказала она себе, хватит. Так можно довести себя до срыва, до истерики, а если сдастся она, молодая, двадцатилетняя, то что ожидает старых и малых?

— Научи меня, — попросила она Дотти, беря в руки тесто. — Я ничего не умею. Пора учиться. Если я даже хлеб печь не умею, то кому я нужна?

Дотти вытерла слезы и попробовала улыбнуться:

— Ты напомнила мне песню, которую пели, когда я была ребенком. «Бедная богатая девочка». По-моему, Ноэла Коварда. А как же эти дорожные кулинарные курсы, куда Папа посылал тебя пару лет назад?

— Суфле и крем-брюле, — ответила Эмма. — Никаких основ

— От этого добрая половина бед в мире, — сказала Дотти. — В супермаркетах продается все: замороженное и почти готовое к употреблению — у людей теперь нет времени растить урожай и самим готовить пищу. Я научилась от мамы и никогда не думала, что эти знания пригодятся мне в театре, с вечными переездами с места на место, но, слава Богу, когда понадобилось, я вспомнила, а что не помню, то делаю по наитию.

Так и есть. Что бы мы ни делали, делается инстинктивно, по указке

откуда-то изнутри. Есть, пить, любить, ненавидеть — вот основные побуждения, двигающие человечество, все остальное — преходящее.

— Дело в том, — сказала Эмма, обращаясь не то к себе, не то к Дотти, — что нам лучше жить в небольших общинах, разделяя заботы и труд. Крестьянин растит зерно, мельник мелет, соседи снабжают друг друга маслом, молоком, овощами, фруктами — каждый получает что-то взамен, и деньги не нужны.

— По-моему, так не получится, — сказал Сэм, входя на кухню. Его узкое лицо было серьезно. — В соседней общине обязательно найдется кто-нибудь, у кого коровы лучше, дают больше молока, или у кого на земле уродилось больше зерна. Тогда люди, у кого нет таких хороших коров или земля хуже, начнут завидовать, попытаются отнять силой. И вновь пойдут войны.

— Если будет настоящий лидер, то нет, — сказал Энди. Кухня заполнялась голодными мальчишками; сидя на свекле и яблоках, они частенько бегали на кухню. — У настоящего лидера такой авторитет, что скажи он: «Хватит болтать и принимайтесь за дело» — и людям придется привыкнуть к тому, что у них такие коровы и такая земля.

— Нет, они не привыкнут, — сказал Колин, который вошел на кухню, таща за собой Бена, — если они голодные, а еще и корыстные, как Бен. Они увидят тучных коров на земле других крестьян и будут с нетерпением ждать подходящего момента, чтобы отнять их, а лидера убьют, и его место займет корыстный человек. Ты бы так и сделал, правда, Бен?

Бен агрессивно закивал, и, протянув руку к кухонному столу, схватил кусок липкого теста и затолкал его в рот.

— Нельзя, не смей, — закричала Дотти, — подожди, пока испечется хлеб, и получишь свою долю. Выплюни скорей, иначе живот заболит.

— Сестра Беннет принесла немного яиц, — пробормотала Эмма, . — если он так голоден...

— Яйца на обед, — ответила Дотти. — Если им дать яйца сейчас, на потом не останется. Правильно я говорю, Мадам?

У дверей стояла Мад, которая, насколько было известно внучке, вообще не завтракала.

— Они старались, работали, надо им дать чего-нибудь. В буфете полно сухарей для Фолли, а нынче они ей уже не по зубам. Может, попробуем размочить немного сухарей?

Лицо Бена вытянулось. В ожидании поддержки он глянул на Колина, но одобрения не получил. Наоборот, всякие изменения в диете или распорядке дня вызывали у Колина воодушевление. Кроме того, он никогда

не испытывал голода.

— Давайте попробуем, — восторженно заявил он, — поиграем в псарню. Встанем все на четвереньки, будем псами тьявкающими, а Мадам и Дотти пусть разложат сухари по мискам и кормят нас.

Бену только скажи, — но, как ни странно, старшие мальчишки тоже последовали совету Колина. Тьявканье, скулеж и лай наполнили кухню, по полу стучали и скребли — до тех пор пока Мад, зажав уши ладонями, вдруг не перестала смеяться, — и Эмма, проследив за ее взглядом, заметила, что она смотрит в окно.

— Кто эти люди? — сказала Мад. — Что им надо? Тьявканье оборвалось. Все подбежали к окну. Через небольшую рощицу у подъездной аллеи брели двое мужчин. Один из них нес топор, другой — пилу.

— Это не морские пехотинцы, они не в форме, — сказала Мад. — Энди, пойдй выясни, что они хотят.

Что-то знакомое сквозило в фигуре с пилой — высокий, дородный человек в кожаной куртке.

— Да это мистер Либби, — удивленно произнесла Эмма, — и его помощник. Я пойду поговорю с ними.

Она сбегала вниз по ступенькам и через боковую дверь вышла во двор. Энди уже был на полпути по подъездной аллее. Увидев Эмму, он остановился и подождал ее. Он тоже узнал хозяина «Приюта моряка».

— Он у поленницы, что Джо сложил для Тремба-тов, — сообщил Энди. — Помнишь, дрова, которые пойдут в обмен на молоко и яйца?

Эмма продиралась сквозь кусты, но мистер Либби не обратил на нее внимания. Он и его помощник складывали дрова в мешки.

— Простите, — сказала Эмма, — но моей бабушке хотелось бы знать, что вы здесь делаете.

Хозяин трактира посмотрел на Эмму. Выглядел он весьма неухоженно. Он не брлся, и щеки его покрывала седая щетина.

— У вас больше дров, чем вам нужно, — сказал он. — Пора и остальным получить свою долю.

— Извините, но эти дрова предназначены не вам.

— Ах, неужели? Что ж, кто первым поспел, тот и смел. Теперь каждый за себя. Почему вам должно быть тепло, когда мы мерзнем? Давай, Гарри, набивай мешки, потом вернемся и еще унесем.

— Мистер Либби, — настаивала Эмма, — говорю вам, эти дрова мы уже обещали другим людям. Мы ждем только возвращения Джо и Терри. Эти дрова для фермы.

Мистер Либби засмеялся. Это был неприятный смех, резкий,

насмешливый. Исчезла подобострастная манера, тон, выбранный при продаже калифорнийского вина.

— Не скоро вы увидите своих парней, так же как и Пегги не скоро увидит своего Джека. Люди, мешающие королеве, должны быть наказаны, а если они еще и подстрекают к саботажу, то заслуживают и расстрела. — Он приостановил речь, чтобы срубить деревце. — А страдать приходится нам, — он ударил себя в грудь, — честным законопослушным гражданам, у которых отключают воду и электричество, лишают любимого дела и дохода — из-за таких людей, как вы. Хорошо тем, у кого, как у твоей бабушки, в банке целая куча денег. А я? В моем заведении, с тех пор как ввели ограничения, не побывал ни один клиент!

— Что толку в деньгах, если до банка не добраться, — сказала Эмма. — Мы точно в таком же положении, как вы, — даже в худшем на самом деле. Вы хотя бы можете упиться калифорнийским вином.

И это было ошибкой: его лицо потемнело от гнева.

— Лучше попридержи язык, а не то те, кому не понравится такое обращение, заберут не только дрова. Вы-то получаете с фермы Джека Трембата и бесплатные яйца, и молоко. А если те, кого властям надо бы проучить за саботаж, выйдут сухими из воды, то мы своими руками восстановим справедливость и, пока нет фермеров, пройдемся по их хозяйствам. Нам не помешают их овцы, свиньи и коровы, которые спасут наши семьи от голода. Передай это Пегги Трембат.

Он вонзил топор в ясеневое деревце. Оно сломалось и упало. Энди напрягся, и Эмма взяла его за руку.

— Нет... — шепнула она, — не надо...

Одно неверное движение, и мистер Либби претворит в жизнь свою угрозу. Пойдет на ферму и схватит любое животное, точно так же как он сейчас хватает дрова. И остановить его будет некому, потому что Мик не сильнее Энди. Она оглянулась и увидела, что позади на аллее стоит бабушка, держа в руке пилу.

— Здравсте, мистер Либби, — крикнула она, — вот здесь еще ясеневое деревцо. Может, вам помочь?

Хозяин «Приюта моряка» споткнулся о корень и медленно повернулся. На лице его чередовались удивление, негодование, обида. Мелькнули, наверно, и воспоминания о проданном в прошлом году сидре, и мысль о сидре, который предстоит еще продать в будущем.

— Не надо сарказма, — сказал он. — Кое-кто не принадлежит к счастливчикам. Мы живем в трудные времена.

— Я понимаю, — сказала Мад. — Никакого сарказма. Я сама могу

помочь спилить любое дерево. Вопрос, как вы без машины свезете его с горы, разве что волоком. Вы веревку захватили?

Мистер Либби молчал. Его помощник перебирал листву у подножия дерева.

— По-моему, так будет справедливо, — сказала Мад. — Пожалуйста, забирайте столько дров, сколько унесете, ну, а когда обстановка нормализуется, если это когда-нибудь произойдет, с вас бесплатный бочонок сидра.

Мягкий ответ гнев побеждает — получилось ли так? Злоба, обида, оттого что его застали за неблаговидным делом, все еще читались на лице хозяина паба.

— Разговаривать о нормальном положении дел легко, — сказал он. — Я давно говорил, что нашей стране нужна диктатура, твердая рука, и при поддержке американцев мы этого добьемся. Я бы и не подумал взрывать их корабль. Они не сделали мне никакого вреда, только доход приносили, которого теперь нет.

— Я с вами вполне согласна, — ответила Мад. — Пока что мы только теряем, но, что касается диктатуры, я вам скажу, что многое зависит от того, кто у власти. Сегодня перевес на их стороне. Скажите, нужна ли вам помощь, или вы сами справитесь?

Учеба за прилавками маленьких пивных оставила свой след. Клиент всегда прав.

— Спасибо, мы управимся сами, — угрюмо произнес мистер Либби. — Мы возьмем одно это дерево и мешок дров.

— Хорошо, — ответила Мад, — в таком случае с вас только маленький бочонок сидра.

Она, насвистывая, пошла обратно, в сопровождении Эммы и Энди. Когда они дошли до гаража, Энди остановился и сказал:

— И почему ты отпустила их? Я просто слов не нахожу от злости. Стоило бы тебе шепнуть, я бы взобрался на трубу и уложил их обоих... сама знаешь чем.

— Да, я знаю, — сказала Мад. — Но в тот раз это не слишком помогло, ведь так, и я решила попробовать натуральный обмен. Сомневаюсь, что это поможет. Только не с мистером Либби... Кроме того... — Она сделала паузу и потом добавила: — На самом деле я должна бы была отдать ему все дрова, которые ему хочется, и не торговаться насчет сидра.

— Это почему? — спросил Энди.

— Так было бы справедливей, после всего, что мы сделали ему той ночью.

Энди нахмурился.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Ведь мистер Либби здесь в первый раз?

— Да, — сказала Мад, — но не в последний, если он узнает, что я, Эмма и твой крестный отец всего за полчаса до взрыва на американском судне выгружали перед «Приютом моряка» горы навоза с фермерских грузовиков. — Она посмотрела Энди в глаза. — Видишь, все мы замешаны в том или ином преступлении, и никто не хочет, чтобы это раскрылось.

В глазах Энди мелькали противоречивые эмоции, как только что у мистера Либби. Другие эмоции, однако. Точно, что не озадаченность, не возмущение, не обида. Похоже, что удивление и потом зависть.

— Так вот, что вы делали, — медленно произнес Энди, — а мы думали, что ты в музыкальной комнате с доктором Саммерсом, и Дотти велела нам не мешать вам и после ужина отправила спать.

— Да.

Энди вздохнул и опустил голову.

— Как бы я хотел быть с вами, — наконец произнес он, затем поднял голову, расправил плечи. Вспомнив, что теперь, когда отсутствуют Джо и Терри, он остался в доме за старшего, Энди добавил: — В следующий раз обязательно возьмите меня с собой. И вам сейчас без меня не обойтись.

Мад засмеялась и обняла его, как обнимала Терри, и вдвоем они направились к боковому входу, а мистер Либби с приятелем взвалили на плечи срубленное в лесу деревце и мешок дров и удалились по направлению к шоссе. «И как ей это удастся, — раздумывала Эмма, — как она ускользает от трудных вопросов и предотвращает противоречия, никогда не попадаясь сама? Мад не отнесешь к кротким, вроде сестры Беннет, вроде Дотти, она не пройдет по жизни незамеченной, поправляя больным подушки или выпекая хлеб, она как бульдозер, разравнивающий ненужные бугры, расталкивает всех и все со своего пути. К разговору о диктаторах можно добавить, что Мад являет собой нагляднейший пример. Именно Мад приказывает всем остальным и требует подчинения, но не явно, не так, чтобы это было вам заметно; на самом деле многие думают, что они делают то, что желают сами, хотя на самом деле это не так; их обманывают; их обводят вокруг пальца. О, Папа, возвращайся и спаси нас, прекрати эти ужасные дни, не оставайся в Бразилии...»

Как обычно, они включали радио, чтобы послушать новости, но это вовсе не помогало. Ничего важного и не упоминалось. В различных столицах велись финансовые переговоры. Движение «культурное сотрудничество народов» открыло центры в главных городах всех графств

и работает в тесном сотрудничестве с министерством образования. Еще не определена окончательно дата визита президента США — сопresidentа СШСК, — но подготовка идет полным ходом. В это время части армии США несут охрану Букингемского дворца.

— Ты не замечаешь, — сказала Мад, — что с каждым новым выпуском новостей о СШСК все больше внимания уделяется США и все меньше СК? Думаю, по телевизору и в газетах то же самое, но, так как мы лишены и того и другого, точно не скажу. Ну, а если серьезно, то у нас садится батарейка, так же как и в приемнике, что в моей спальне. Придется ограничить себя прослушиванием новостей только раз в день.

— Это особо не поможет, — сказал ей Энди. — Батарейки садятся, даже если их не использовать.

— А мистер Уиллис сам делает радиоприемники, — объявил Сэм. — Радио — его хобби, в свободное от прочесывания пляжей время. Могу поспорить на что угодно — у него батарейки не сели.

— Вот и решение, — Мад обвела собравшихся победным взором. — Таффи будет для нас связующим звеном с внешним миром.

У Эммы замерло сердце. Она надеялась, что с мистером Уиллисом покончено. Конечно, он очень добр и помогает окрестным фермам с дойкой, но лучше бы так все и оставить. Этот ужасный обед, когда он заснул в прихожей пьяный, не должен повториться.

Она надеялась, что бабушка забудет о словах Сэма, но надежда оказалась пустой. В течение дня они собирали валежник и пилили дрова, так как почти всю еду Дотти, к своему вящему неудовольствию, готовила на печи в музыкальной комнате. В старый камин в подвале, одному Богу известно почему, стала валиться черепица, а печь в музыкальной комнате жрала дрова, будто паровозная топка. Около половины шестого мальчишки обосновались на кухне, пережевывая выпеченный Дотти хлеб, а Мад, казалось, совершенно не подверженная усталости, повернулась к Эмме и сказала:

— Эмма, как ты думаешь, дойка уже закончилась? Эмма, устало плюхнувшись на диван, не поняла, что означает вопрос.

— Да, — ответила она, — доят обычно около четырех. Трембаты, по крайней мере.

— Тогда давай сходим в хижину к Таффи и, если он дома, послушаем шестичасовой выпуск новостей.

Эмма ошеломленно уставилась на Мад.

— В темноте? — воскликнула она. — Через лес в эту мрачную избушку? Нет, дорога, только не это.

— Ну почему? У нас обеих есть фонарики, да и ночь ясная. Днем мы, скорее всего, не застанем его дома: он занят работой на фермах, и, кто знает, может, гуляя по окрестностям, он узнает много нового. Вдруг до него дошли слухи о том, куда они увезли наших ребят?

Эмма внимательно посмотрела на бабушку. Она хочет услышать вовсе не новости в шесть часов, она надеется хотя бы на малейшую возможность, что мистер Уиллис знает что-нибудь обнадеживающее о Терри и Джо. Веселое настроение, энергичность, шутки с малышами — все это бравада. Больше, чем Дотти, больше, чем Эмма, Мад смертельно волнуется за своих мальчишек.

— Хорошо, — сказала Эмма. — Сейчас оденусь и пойду с тобой.

Для того чтобы добраться до леса, можно было и не проделывать весь путь через поле и пастбище. У Треванала был огорожен выпас для коней, и в изгороди был проход, ведущий в лес, — тропа, укрытая от посторонних глаз, но сильно петляющая из-за разросшейся ежевики, плюща и поваленных деревьев. «Не нравится мне это, — думала Эмма, — не следует нам это делать, вдруг кто-нибудь выпрыгнет из-за кустов и задушит нас, нынче невозможно чувствовать себя в безопасности, после всего, что случилось, да еще Либби с напарником ходят здесь с топорами. А что, если ночью, на этой ничейной земле, с подобной целью ходят и другие?»

Мад шагала впереди, ее фонарик загадочно поблескивал среди деревьев, у нее-то, конечно, нервы стальные, или ей помогает какая-то магия, колдовство. Эмма молилась, чтобы мистера Уиллиса не оказалось дома и чтоб они сразу повернули назад, но, приблизившись к лесной хижине, она почувствовала запах дыма. Из необычного вида печной трубы поднималась тонкая струйка дыма, и — еще более убедительное доказательство — сквозь оконное стекло пробивался тусклый свет свечи или керосиновой лампы. Последний раз Эмма приходила сюда с Уолли Шерменом, бедным Уолли Шерменом, державшим ее под руку, пока они шли по лесной тропинке. Воспоминания об этом, сознание того, что его больше нет и что умер он не от болезни, а был взорван на тысячи кусочков, сделали ее путь еще более страшным. Он не знал тогда, что дни его сочтены, так же как когда-то и капрал Вэгг...

— Он дома, — сказала Мад, — свет горит. Заглянем в окно?

— Осторожно, — предупредила ее Эмма. — Помню, когда я в прошлый раз заглянула в окно, он как раз мылся, практически голый. Довольно неприятно.

— Почему? Наоборот, приятно узнать, что он время от времени раздевается. Некоторые живущие в одиночестве люди не моются годами.

Тропинка вывела их на небольшую полянку перед его деревянной лачугой. Они подкрались и заглянули в незанавешенное окошко.

— Вот он, — шепнула Мад, — сидит в дальнем углу у стены, пишет что-то в блокноте. Смотри-ка, Сэм был прав насчет самодельного радио. На голове у него наушники. Мы пришли как раз вовремя.

Она громко постучала в окно. Это подействовало мгновенно, даже быстрее, чем неделю назад, когда он стал прижимать к животу губку. Наушники полетели на пол, и, схватив лежащий у ног дробовик, он стремительно развернулся, одновременно потушив маленькую лампу. Хижина погрузилась в темноту. Наступила тишина.

— Мад, пожалуйста, давай уйдем отсюда, — зашептала Эмма.

— Что за чушь. — Бабушка отошла от окна, направляясь к входной двери. — Мы его напугали. Если б я так жила, тоже держала бы под рукой ружье. — Она постучала в дверь, затем, заметив висящий на гвозде колокольчик, позвонила в него, раскачивая так, чтобы язычок ударялся в край, издавая пронзительный высокий звук. — Таффи? — крикнула она. — Таффи? Это мы, не бойся, это мы.

У Эммы было неприятное ощущение, что он наблюдает за ними через какое-нибудь отверстие, бесшумно вынув из стены кусочек дерева, который можно потом поставить на место. Они ждали. Раздался звук открываемого дверного засова. Дверь распахнулась. Он стоял в темноте за порогом. Ружья в руках не было.

— Простите меня, уважаемые леди, — сказал он. — Вы застали меня врасплох. Я бы подготовился, если бы знал, что вы придете. У вас все в порядке? Вы пришли попросить меня о помощи?

— Нет, — ответила Мад, — мы пока вполне управляемся сами. Решили навестить тебя и послушать новости. Дело в том, что в наших приемниках садятся батарейки, и мы их боимся и включать, так что мы не в курсе событий. Сэм рассказал нам, что вы специалист в области радио и имеете самодельный приемник...

Она сделала паузу, так как мистер Уиллис внезапно испустил облегченный вздох. Но он ничего не ответил. Они услышали, как он что-то ищет, затем зажглась спичка, и мистер Уиллис зажег маленькую лампу, стоящую на столе. Потом он поднял ее высоко над головой, и огонь заплескал отсветами по их лицам, так что можно было теперь различить их выражения, однако лицо хозяина оставалось в тени. Он поклонился и усмехнулся.

— Пройди в мои покои, предложил паук мухе. А если паук один, а мух две? Проходите, леди, проходите.

Он отошел в сторонку, пропуская их в дом, а потом прикрыл и запер за ними дверь.

Мистер Уиллис подкрутил фитиль лампы и поставил ее на полку, откуда она лучше освещала комнату. Два поставленных стоймя полена тлели в камине, хозяин дома нагнулся, собрал охапку хвороста и подбросил ее в камин, чтобы огонь занялся как следует. Эмма огляделась по сторонам. Ни наушников, ни ружья не видно. Самый обыкновенный радиоприемник довольно устаревшей модели стоит на столе, но далеко от табуретки, где, когда несколько минут назад они заглянули в окно, он сидел в наушниках, положив на колени блокнот.

— Присаживайтесь, уважаемые леди, присаживайтесь, — сказал мистер Уиллис, пододвигая шаткий стул и табуретку. — Нельзя сравнить с уютом, к которому вы привыкли в Треванале, но у меня чисто. Дважды в неделю я хорошенько отскребаю свое одинокое пристанище. От смущения я перехожу на язык водевилей. Что предложить дамам выпить? Увы, нет вина из благородной лозы: только домашний напиток, получаемый из картофеля. Неплохо бодрит зимней ночью.

Мад наградила его знаменитой улыбкой и отрицательно покачала головой, одновременно разведя руками.

— Нет, правда, — сказала она, — мы ничего не хотим пить, да и пришли ненадолго.

Из соображений вежливости Мад села на шаткий стул, а Эмма пристроилась на табуретке.

— Нам пришло в голову, что вы, такой хороший сосед для Трембатов, да и для всех фермерских семей, которым вы помогаете, пока их кормильцы в заключении, могли услышать больше нас, запертых в Треванале, о том, что происходит в округе.

— А! — Он впервые улыбнулся, и в голосе его послышалось облегчение. — Я собираю все местные слухи, что слышу, положитесь на меня. А вот что из них правда, а что нет — это уже другой вопрос, ведь так? Похоже, что в фермерской общине солидарность крепкая, это не слух, а истина, передается от фермы к ферме.

Он сидел нога на ногу на краю кровати, положив руки на колени и сгорбив спину. Он похож на гнома, подумала Эмма, но не на веселого человечка из мира эльфов в детских сказках, а скорее на грозного гоблина из мифов и легенд.

— Вы имеете в виду, что фермеры за пределами нашего района знают

о том, что происходит у нас? — спросила Мад. — Несмотря на шлагбаумы и запрет на подобную, информацию в новостях?

— Интересно, а как они могли это не заметить? — парировал он. — Когда на молокозавод не доставляется молоко, когда между Полдри и соседними районами отсутствует связь, то кто-то должен был поднять шум — и это сделал не Национальный союз фермеров, они реагировали уклончиво, говорили, что ждут распоряжений от какого-то нового органа в структуре СШСК. В итоге фермеры сами прекратили поставки и теперь продают свою продукцию из рук в руки соседям, как и научил их наш друг мистер Трембат.

Он опять улыбнулся, скорее даже оскалился, сделавшись еще больше похожим на гнома.

— Мы можем похвастаться, что с нас началась заваруха на полуострове, — сказал он им, — потому что говорят, что нет ни одного фермера во всем Корнуолле, кто бы не протестовал против того, что у нас арестовали людей. Еще день-два, и возмущение дойдет до Девона и Дорсета. Так же поступили врачи. Или нам восстановят связь, свет, водопровод, телефон, или не будет ни врачебной помощи, ни визитов к больным, ни операций. Это не забастовка ради денег, вы видите, это вовсе не забастовка. Это протест против засилья чужаков в маленькой части нашего сообщества.

Он нагнулся и подбросил в огонь немного растопки из плавника. Плавник зашипел, и в печке высоко взвились языки пламени с голубыми проблесками. Он не гном, подумала Эмма, он волшебник, а Мад — ведьма, и вот-вот начнутся заговоры и заклинания.

— Вне всякого сомнения — они испугались, — сказал он. — Надо только раздуть огонь, и печка загудит. Сырое дерево занимается не скоро, а вот пропитанное солью горит отлично.

— Ты имеешь в виду морскую пехоту, армию США? — настаивала Мад.

— Вооруженные силы США здесь и везде, где бы они ни расположились. Коалиционному правительству там, на Уайтхолле, стоит пересмотреть свои планы, иначе население нашей страны расколется на группировки. Ну ладно, это уже эмоции, правда? Вы пришли послушать радио, но я сомневаюсь, что добавится что-нибудь новенькое к новостям, которые передавали в час.

Он поднялся с кровати и включил приемник. Было как раз около шести. Они услышали прогноз погоды и сигналы точного времени. Затем диктор местных новостей после секундного замешательства сказал, что в

западной части страны возникают единичные случаи незначительных беспорядков, в основном в среде фермеров, но ситуация полностью контролируется. Дальше диктор перешел к новостям, которые уже передавались днем.

— Как я и думал, — сказал мистер Уиллис, — повторяют одно и то же, за редким исключением. — Он посмотрел на Эмму с бабушкой и снова улыбнулся. — Они вынуждены обратить внимание, и это только начало. Незначительные беспорядки, говорят, ситуация контролируется. Что ж, надеюсь, это не последнее упоминание о нашей деятельности. — Он снял очки, все еще улыбаясь. — Уважаемые леди, мне бы очень хотелось отметить с вами это событие бокалом моего вина.

Эмма посмотрела на бабушку. Та внимательно наблюдала за мистером Уиллисом. Потом вдруг произнесла:

— Таффи, почему, когда мы заглянули в окно, на тебе были надеты наушники? Наверное, у тебя есть еще приемник, который отличается от этого?

Мистер Уиллис принялся протирать стекла очков. Потом он поднял голову и посмотрел Мад в глаза. То, что он не перестал улыбаться, делало этот взгляд еще более зловещим.

— Во времена моей юности была такая поговорка, — сказал он. — На любопытного Тома найдется и любопытная Дженни. Ваша привычка рождена жизнью за кулисами, ведь так? Подсматривали за публикой в партере, да и на ложи поглядывали. Вы, наверно, спрашивали себя, будут они смеяться или плакать? И соответственно готовились к своему выступлению.

— Иногда, — согласилась Мад. — В те времена так было принято в нашей профессии, особенно на гастролях в провинции.

— Понятно. Что ж, в какой-то мере я тоже исполнитель, хотя таланты мои скромны. Я больше слушаю, а выступаю редко. И что же вы хотите от меня услышать?

— Если только вы что-нибудь еще знаете, расскажите хоть что-нибудь о наших мальчиках.

Он медленно поднялся с кровати и вернулся в тот угол, где сидел до их прихода.

— Могу только сообщить, что обращаются с ними неплохо. Может быть, в желудке у них пусто, но никто их не бьет и не оскорбляет. Рай для туристов не слишком просто превратить в некое подобие Чертова острова^[28]1, ведь правда?

Он словно играет с нами, подумала Эмма. Как паук с мухой — очень

удачное сравнение. Протянул щупальце и быстренько убрал.

— Ланди? — спросила Мад. — Гора Святого Михаила?

Он покачал головой.

— Все на самом деле очень просто. Чуть западнее, среди набегающих океанских волн, и если вы подумали об островах Силл, то ваша догадка верна. Не паникуйте: если внезапно ничего не переменится, то скоро они вернутся домой. Заметьте, я имею в виду не только ваших парней, но всех мужчин, задержанных для допросов, а с первых дней появления американцев их накопилось порядочное число.

Силл... Джо, Терри, мистер Трембат, другие фермеры из их района, докеры Полдри и Фалмута, которые недовольны работой, работники глиняных карьеров, оставшиеся без заработка, может быть, даже все, кто задавал вопросы, протестовал, — а может, просто так забирали, кто под руку попадется?

— Таффи, — тихо спросила Мад, — откуда ты это узнал?

Он потрогал нос и подмигнул ей.

— Лучше не буду болтать лишнего. Земля слухами полнится, стоит только прислушаться. Подождите, я вам кое-что покажу. — Он присел и поднял половицу. Там что-то лежало — с виду продолговатая коробка с проводами и ручками, а рядом наушники. — Вот мой волшебный сундучок. Я переполнен магией, как Просперо в пещере. Любовь к музыке двигала мной, я хотел слушать оперы из Вены и Милана. Ну а затем понемногу начали доходить до меня и голоса дикторов. — Он поманил к себе Эмму. — Позволь короновать тебя. — Эмма отрицательно покачала головой, когда он протянул ей наушники. — Бояться нечего, ты услышишь только человеческие голоса. Со звездами я пока еще не говорю.

Он с ней играл, шутил, но тем не менее в его облике было что-то отталкивающее: и в склоненной фигуре, и в седой шевелюре, и в сверкающих за очками глазах.

— Коронуй меня, Таффи, — сказала Мад. — Пещерой Просперо не испугать престарелую актрису. Кроме того, мне интересно, работает ли твоя магия.

Он отвернулся от Эммы. Мад пододвинула стул поближе к спрятанной под половицей коробке, и он торжественно водрузил наушники на ее голову, как будто действительно был священнослужителем, совершающим обряд посвящения. Затем он нагнулся к ящичку и повернул ручку. Эмма следила за лицом Мад, и вдруг ей в голову пришла ужасная мысль: мистер Уиллис на самом деле сумасшедший, он вовсе не радиолюбитель, или как там называют принимающих коротковолновые станции, а специалист в

каких-нибудь там токах высокой частоты, и Мад сейчас упадет, пронзенная ультразвуком.

Ничего такого ужасного не произошло. Мад вся обратилась в слух, наконец улыбнулась и сняла наушники.

— Это по-валлийски? — спросила она. — Жаль, что я не понимаю. Что они говорят?

Он забрал наушники и надел на себя. Пару раз он кивнул головой и улыбнулся Мад.

— Может, и хорошо, что вы не понимаете, — сказал он, — это не очень-то лестно для англичан. Подождите, сейчас переведу.

Он достал из-под половицы блокнот и принялся записывать корявым почерком. Эмма пододвинула табуретку к бабушке и взяла Мад за руку. Бабушка ответила пожатием.

— Я же говорила тебе — он Оуэн Глендаур, — прошептала Мад. — Жаль, что мы так и не заставили его прочитать то действие из «Генриха ГУ». В следующий его приход нам обязательно надо это сделать. И «Бюрю» тоже. Он прирожденный актер.

Мистер Уиллис, не подозревая о предназначенных ему ролях, снял наушники и выключил свой волшебный сундучок.

— Гражданское неповиновение в Шотландии и Уэльсе, — сказал он. — Никакого насилия, только никто не выходит на работу. Люди сидят дома, магазины закрыты. Нельзя же арестовать человека за то, что он сидит дома? Пройдет время, и движение распространится — стоит одному показать пример, и сосед поступит так же, вскорости все страны будут иметь свою сеть сопротивления. — Он улыбнулся и принялся аккуратно укладывать наушники рядом с самодельным приемником.

— А он работает в обе стороны? — спросила Мад. — Ты же можешь и передавать новости тем людям, что информируют тебя?

— Так и есть, я могу и передаю. Незадолго до того, как вы играли в любопытную Дженни, подглядывая в окно, я закончил передачу. Любые новости с мест, даже самые незначительные, могут оказаться звеном в постоянно растущей цепи. Я передаю на двух языках: валлийском и корнуолльском.

— Корнуолльском? — Мад удивленно подняла бровь. Мистер Уиллис кивнул:

— Ничего удивительного. Кельтские языки имеют много общего, как и кельтские народы. Много лет национализм шотландцев и валлийцев раздражает определенные правительственные круги, это общеизвестно, а корнуольцы, как бы это выразиться, не любят выступать в открытую. Но у

них очень сильное подпольное движение, весьма сильное. Такая уж порода шахтеров, чего еще ждать от них.

Мад задумалась. Надеюсь, подумала Эмма, она не воспринимает его слова слишком серьезно.

— У меня так и нет определенного мнения о национализме, — сказала бабушка. — Он обычно доходит до фанатизма, а фанатики придают очень большое значение месту рождения. Я родилась в Уимблдоне, когда-то давно любила ходить там на теннис, но это не повод, чтобы положить за этот город жизнь. По правде говоря, я не слишком бы взволновалась, если бы Уимблдон со всеми домами исчез с лица земли. Но вот этот уголок именно этого полуострова — уже давно стал моим домом, и я готова умереть за него, если это будет нужно.

Мистер Уиллис, укладывавший свое оборудование под пол, поднял голову:

— Это не будет нужно, — произнес он. — Люди приносят себя в жертву ложным идеалам и тотчас оказываются забытыми современниками и ближайшими потомками. Лет через сто их могут признать героями, мучениками, но для дела это уже поздно. С другой стороны, вы — актриса, должны четко улавливать интонацию. Один-два урока, и вы будете говорить по-корнуолльски, валлийски или гэльски, как будто знали язык с рождения. Женский голос произведет особое впечатление, а ваш — тем более.

Он опять присел на корточки, глядя на Мад. Нет, думала Эмма, бабушка не должна поддаваться на это.

Бог знает, что он заставит говорить — призывать к поджогам, анархии, взрыву мостов. Кто-нибудь может узнать ее голос и разыскать ее.

— Хм, — задумчиво произнесла Мад. — Кто сказал:

Свобода — выбор нам иль смерть;

Мораль и веру Нам Мильтон дал;

Язык Шекспира — наша речь...

— Вордсворт, — торопливо ответила Эмма, — но, родная, честно говоря...

— По какому поводу это написано?

— В одном из сонетов о свободе: «Мильтон! Зачем тебя меж нами нет»^[29].

Мад посмотрела на мистера Уиллиса, который бросился вновь вынимать из чехла свой радиоприемник.

— Я бы прочитала и «Свобода — выбор нам иль смерть...», но не будет ли глупо требовать свободы языку Шекспира, если все ваши

слушатели мечтают о том, чтобы звучал только валлийский и корнуолльский?

Мистер Уиллис ответил покровительственным жестом, словно отменяя все сомнения:

— Они вслушиваются в смысл ваших слов. Мне нравится «Свобода — выбор нам иль смерть...», очень нравится, верная нота для всех нас.

Он надел наушники и принялся настраивать передатчик. Мад вновь и вновь шептала фразу:

Свобода — выбор нам иль смерть; мораль и веру Нам Мильтон дал; язык Шекспира — наша речь...

— Мад, — сказала Эмма, — не надо этого делать, ты можешь попасть в беду, ведь, насколько я понимаю, короткие волны легко принимаются в военном лагере. Они, скорее всего, слушают эфир все время, ищут что-нибудь в этом роде — это их работа.

— Беда в том, — сказала бабушка, не обращая на Эмму ни малейшего внимания, — что американцы тоже говорят на языке Шекспира, так что актуальность несколько теряется. Если, конечно, не предложить в заключение нечто ироническое, не сыграть Марту Хаббард на одном из собраний «культурного сотрудничества народов». Но жители валлийских равнин этого не поймут.

Мистер Уиллис снял наушники и подозвал ее к себе.

— Вы ошибаетесь, если думаете, что будете обращаться только к валлийским равнинам. Слушают и высокопоставленные деятели, кое-кто из них, к вашему удивлению, служит в городских управах, есть и профессора, и студенты, на самом деле, можно сказать, что вас услышат все жители запада Англии, Уэльса и Шотландии. Они ждут только сигнала к выступлению, и кто разожжет огонь лучше вас?

Мистер Уиллис, раскрасневшись от собственного красноречия, по-видимому, немного запутался в метафорах, но Мад, похоже, не возражала. Она, очевидно, была в полном восторге и действительно предвкушала выступление на неизвестном ей языке перед зрителями, которых нельзя увидеть и которые не смогут аплодировать.

Она улыбнулась мистеру Уиллису с высоты шаткого стула, и Эмма вдруг поняла, что не он играет с ней, а она — с ним. Они так и следят, кто дольше сможет водить за нос другого, и не верят ни одному своему слову.

— Минуточку, пожалуйста, — Таффи поднял руку. — Я считаю, что будет очень полезно прочитать всю поэму. Пусть ее услышит широкий круг людей. — Он взглянул на Эмму, затем потянулся за карандашом и блокнотом. — Запишите, что вспомните, и пусть бабушка прочитает это в

эфире.

— Не поможет, — вздохнула Мад, — я забыла очки.

— Возьмите мои, леди, возьмите мои. — Он снял очки и широким жестом протянул их Мад. Без очков его голубые глаза выглядели беззащитными, блеклыми.

Мад надела очки, нахмурилась и мгновенно преобразилась в иное существо: старое, злое, чужое. Вот что происходит с людьми, подумала удивленная Эмма, которые теряют свой облик, перестают быть самими собой; так бывает с людьми, которые влюбляются в недостойного человека, личность не развивается, гибнет, так бывает и с общинами, деревнями, странами во время оккупации — какими бы благими ни были намерения, какой всеобъемлющей ни была бы конечная цель.

— Сними их, — быстро сказала Эмма, — ты выглядишь ужасно.

Мад повернула голову, и под ее пристальным взглядом из-под чужих очков Эмма вновь почувствовала себя ребенком, примерно таким, как Бен, а бабушка предстала перед ней в парике и гриме, что сделало ее, такую любимую и знакомую, чужой и неузнаваемой, словно при этом она изменилась и внутренне. Мад засмеялась, сняла ужасные очки и вернула их валлийцу.

— Мне все равно, как я выгляжу, — сказала она. — Беда в том, что в них ничего не видно. Все расплывается.

А ведь, подумала Эмма, когда их надевает мистер Уиллис, у него на лице они смотрятся, даже защищают его, без очков его глаза превращаются в глаза загнанного животного.

— Придется тебе помочь мне выучить поэму, — сказала Мад. — Она очень длинная?

— Очень даже длинная, — ответила Эмма. — И не слишком подходящая. Мы учили ее в школе, чтобы получить отличную оценку, и я помню только отдельные строфы.

— Например?

Например... Эмма пробовала вспомнить. Написана в 1802 году в Лондоне — было ли это связано с Амьенским миром^[30], или со вновь разгоревшейся войной, или еще с чем-то? Строки путались в памяти. Она прочитала вслух:

Скользи, сверкай, как в ясный день ручей,
Не то пропал! В цене — богач, пролаза.
Величье — не сюжет и для рассказа,
Оно не тронет нынешних людей.

Стяжательство, грабеж и мотовство
Кумиры наши, то, что нынче в силе.
Высокий образ мысли мы забыли.
Ни чистоты, ни правды — все мертво!
Где старый наш святой очаг семейный,
Где прежней веры дух благоговейный?

Она остановилась, сосредоточилась. В голове пусто, абсолютно пусто.
Подождите минуту.

...Мы себялюбцы, и наш дух недужен.
Вернись же к нам, дабы, тобой разбужен,
Был край родной и к жизни воскрешен!

Дальше, в другом сонете, было что-то о тиране, как там говорилось?

Достоин славы только тот поэт,
Чьи песни в тяжелейшую годину
Надежды на свободу не покинут,
Дух непокорства если им воспет,
Священной долга цели в мире нет
Для чести всех людей любого века
— Избавить от тиранов человека,
От слез и крови, что залили свет.
Кто против тирании восстает,
Не ослеплен великолепием
И презирает раболепие,
— Лишь тот не подпевает, а поет,
Лишь там тиран судьбой своей доволен,
Где человек покорен и безволен.

Надежды на свободу... Да, но часть о свободе была в другом сонете.
Свобода — выбор нам иль смерть; мораль и веру Нам Мильтон дал;
язык Шекспира — наша речь... Мы первенцы земли, и титулов не счесть.
Это было связано с наполеоновскими войнами... А этот кусочек она
так любила декламировать в классе:

Дух вечной мысли, ты, над кем владыки нет,
Всего светлей горишь во тьме темниц, свобода,
Там ты живешь в сердцах, столь любящих твой свет,
Что им с тобой мила тюремная невзгода.
Когда твоих сынов, хранящих твой завет,
Бросают скованных под сень глухого свода,
— В их муках торжество восходит для народа,
И клич свободы вмиг весь облетает свет.

Эх! Ничего не получается. Все перепуталось. Неудивительно, что мистер Уиллис обменивается взглядами с Мад и пытается спрятать улыбку.

— Извините, — сказала Эмма. — Я декламировала случайные отрывки из разных сонетов. — Она обратилась к бабушке: — Брось ты эту затею.

— А я так и сделала, — коротко ответила Мад. — Мою работу сделала ты.

— Что?!

Мад кивнула мистеру Уиллису:

— Покажи ей.

Мистер Уиллис открыл ближнюю половицу. Среди всякой всячины лежал маленький магнитофон. Катушки с лентой вращались. Он выключил запись.

— Ты, наверное, подумала, что вновь оказалась в школьном классе, — сказал он Эмме. — Ты так сосредоточенно смотрела в потолок, что не заметила, как я сделал твоей бабушке знак и показал магнитофон в волшебном сундучке, а она дала согласие. Так что мы записали твой голос, и теперь, слушая радио, люди услышат только молодой голос, читающий эти проникновенные стихи. Сегодня вечером я передам это в эфир.

Колдун и ведьма поглядели на Эмму и засмеялись.

— Как же так, — взорвалась Эмма, — это нечестно, я никогда бы не согласилась на такое, и все строфы перепутаны, нет никакого смысла.

— Совсем наоборот, они содержат глубокий смысл. Весьма вдохновляющие строки, — сказал он. — Хочешь послушать запись?

— Нет, — Эмма вскочила на ноги и заходила взад-вперед по деревянному полу. — Мад, — взмолилась она, — но ты не можешь этого допустить. Пожалуйста, заставь его отдать ленту, и мы ее сожжем.

— Чепуха, — твердо сказала Мад. — Таффи совершенно прав, строки очень вдохновляющие, и то, что они идут не по порядку, прекрасно

подходит для нашей цели. — Она поднялась с расшатанного стула и поправила свою Маоцзэдуновскую кепку. — Родная, ты читала прекрасно, — щедро похвалила она Эмму, — намного лучше, чем это сделала бы я. Я никогда не умела говорить стихами. Таффи, обязательно расскажите нам, какой это окажет эффект на ваши кельтские массы ина всех других людей из подполья. Пойдем, Эм, Дотти беспокоится, почему мы так надолго пропали.

Она двинулась к двери. Мистер Уиллис, однако, опять надел наушники. Лицо его было сосредоточенно, он напряженно вслушивался.

— Подождите секунду, — торопливо произнес он, — что-то передают. Что-то странное...

На его лице появилось изумление. Он сдвинул наушники, и Эмма расслышала приглушенный голос. Кто бы это ни был, говорил он быстро, похоже, в возбуждении, и вдруг голос затих, оборвался. Наступила тишина. Мистер Уиллис повернулся к гостям, сквозь очки в его глазах читалось самое неподдельное изумление.

— Совершенно неожиданно, — сказал он, — никто не был предупрежден. Но в целом, если брать всю картину, это должно пойти нам на пользу, озадачить врага, чего, собственно, мы и добиваемся, ведь правда?

— Если бы мы знали, о чем идет речь, мы бы ответили, — сказала Мад.

Мистер Уиллис уставился на нее. Новости, очевидно, настолько застигли его врасплох, что он забыл, что владеет более полной информацией.

— Да ведь парни объявились, — сказал он, — один в Шотландии, другой — в Уэльсе.

Настал черед Эмме с бабушкой смотреть удивленно — сначала на мистера Уиллиса, потом друг на друга. Как могли Джо и Терри сбежать с острова Силл и оказаться на западе и на севере? Значит ли это, что произошел массовый побег и их друзья тоже свободны?

— Как это получилось, кто помог им? — спросила Эмма.

Мистер Уиллис покачал головой:

— Никаких подробностей. Может быть, позднее. Только сам факт, что парни объявились и им обоим ничего для себя не нужно: ни титулов, ни почестей, ни карьеры — они только желают служить стране, влиться в ряды других молодых людей, борющихся за освобождение нашей земли. Вот и настало наконец время, когда они начали действовать и опередили нас, стариков. — Он взглянул на Эмму: — Твой голос услышат принцы,

только подумай. Младший Эндрю в Шотландии и Чарльз в Уэльсе. Хотя бы это должно поддержать тебя. Зажжет их сердца твой голос, наверняка зажжет.

Мистер Уиллис настоял на том, чтобы проводить их по лесной дороге. Он не стал слушать никаких возражений. Таффи нес старый корабельный фонарь, искрящийся и мигающий, когда он перекладывал его из руки в руку, но тем не менее освещавший дорогу на несколько шагов вперед. Он расстался с ними на краю леса, доведя до границы их владений.

— Передача начнется в двадцать один тридцать, — сообщил он Эмме. — Сначала твой голос, затем мой перевод на оба языка — обидно, в конце концов, не передать это на всех трех языках. Так что впреди у меня напряженный вечер. Спокойной ночи, леди.

Оглянувшись, Эмма посмотрела, как мигающий свет внезапно исчез, поглощенный призрачными контурами деревьев. Внучка протянула руку и прильнула к бабушке.

— Это правда? — шепнула Эмма.

— Что? — ответила Мад.

— Все. Передачи по радио, голоса в эфире, принцы. Или это все розыгрыш, чтобы произвести впечатление?

Мад открыла калитку, и они прошли в сад.

— Не знаю. Но когда мы заглянули в окно, на нем были наушники, а рядом лежало ружье. Он не ждал нашего прихода. Это не была репетиция.

Перед ними возвышался их дом: прочный, надежный, излучающий покой и уют, для полного успокоения не хватало лишь Джо и Терри.

— Так ты ему поверила?

— Не могу сказать, что поверила, не могу сказать, что не поверила. Таффи — шарлатан, так же как и я. Жулики, мошенники, бродячие артисты — все одинаковы. Первым шарлатаном был дудочник в пестром наряде^[31], который сначала увел из города всех крыс, а потом всех детей. А кто пойдет, зависит от мелодии.

Она открыла дверь на крыльцо и поднялась по ступенькам в холл. Все оставалось на своих местах. Только Фолли переместилась и ждала на коврике, медленно помахивая хвостом и вывесив из пасти слюнявый язык.

— По-моему, — сказала Эмма, — это самое безнравственное заявление из всех, что я от тебя слышала. Ты подразумеваешь, что правды не бывает, всех нас сбили с пути, что каждый из нас, виновный или невинный, следует за блуждающим огоньком и в конце концов навечно исчезает с лица земли?

— Правильно, — ответила Мад, глядя лоснящуюся голову Фолли,

бросившейся лизать ей руки.

— В таком случае, — Эмма огляделась по сторонам. Одинокая свеча, оставленная верной Дотти, отбрасывала неверный свет на знакомые предметы, — почему мы боремся, в чем тогда цель жизни, почему... почему... — Она мучительно искала ответ на никогда прежде не задаваемые вопросы, — почему ты не осталась на сцене до последнего дыхания, а живешь здесь на пенсии, усыновив шестерых мальчишек?

— А, — сказала Мад, сбрасывая сапоги, — это было сделано только для удовлетворения моего эго. Разве я не говорила тебе, что всегда хотела иметь семерых сыновей? Что это?..

Она подняла голову. Впервые за прошедшие несколько дней тишину нарушил звук летящего над их головами самолета.

Происходило что-то важное. И в воздухе, и на море. Стрельба, взрывы, глубинные бомбы — непонятно, кажется все это или есть на самом деле. Вспышки света на горизонте в небе. Запах химикатов или нефти. На сей раз никакого какао, никакой болтовни за кухонным столом. Они стащили в подвал матрасы и разложили их на каменных плитах, не пытаясь вновь разжечь огонь среди пепла старого камина — дым может привлечь внимание, а все хотели только одного — остаться незамеченными. Дотти, подложив под спину большую подушку, сидит у холодной стены и убаюкивает Бена. Колин, поначалу охваченный с головы до ног дрожью, как больной в лихорадке, спокоен — Сэм нашел правильный способ лечения: заткнул ему ватой уши и завязал шарфом глаза.

— Животным это помогает, — объяснил Сэм, — если горит конюшня, то лошадям завязывают глаза, так что людям это тоже должно помогать.

Эти практические меры отвлекли внимание от ужаса, происходящего за стенами дома, и через некоторое время заработало воображение.

— Я очень старый человек, — сказал Колин. — Я очень старый человек, голодаю в городе, только что пережившем землетрясение. — Он улыбнулся, когда Эмма закутала его в одеяло и сняла с глаз повязку, оставив, однако, вату в ушах.

Сэм в это время занялся проблемами Фолли, белки, голубя и нового приобретения — очень старого и сварливого грача, свалившегося в комнату Сэма и Энди через трубу. Энди стоял на посту у двери в погреб, сжимая в руке лук и повесив на плечо колчан со стрелами. Мад дала разрешение:

— Если на нас нападут, я встану рядом с тобой и буду сражаться; так или иначе, мы в одном строю. Прекрасная смерть!

Громовой рев низко пролетающих самолетов, взрывы на море, содрогание стен, от которого, казалось, рухнет не только крыша и верхний этаж, но и сам фундамент дома. Бен заерзал во сне и прильнул к Дотти. Колин снова задрожал, а Энди, скрипя зубами и сердито вздыхая, приготовил стрелу, нацелив ее на дверь в погреб и в воображаемого врага за ней. Радиоприемник положения не прояснил: батарейка еще работала, но региональная станция молчала, как и все остальные. Работала только немецкая станция, но они не понимали слов, а пойманный на какую-то секунду голос французского диктора сказал:

«On dit que les associés de l'USUK sont maintenant...»^[32] и пропал,

заглушённый.

— Члены СШСК в настоящее время... что?

Эмма подняла глаза на бабушку. Мад спала. Ночь подходила к концу, дети теснее прижимались к взрослым, взрослые прижимались друг к другу, и даже Энди опустился на пол и лег, положив рядом лук и вместо подушки приспособив колчан.

Первым проснулся Бен, его пустой желудок требовал пищи. Он не из кротких, думала Эмма, с неохотой открывая глаза, он не наследует землю. И в самом деле, один лишь Бен посмотрел по сторонам с уверенным видом, — он хорошо выспался, и на его черном лице не была заметна усталость, — а в это время белые его товарищи выглядели будто маленькие старички, посеревшие от усталости, с мешками под глазами. А взрослые... Бедная Дотти, бедная Мад... Старухи без будущего, сгорбленные, поникшие. А я сама, подумала Эмма, я-то знаю, как я выгляжу и как я себя чувствую — желтые, повисшие прядями волосы, побелевший язык и не покинувший глаза испуг.

Она посмотрела на часы. Они остановились в четвертом часу — забыла завести. Сквозь крохотные окошки подвала пробивался серый день. Должно быть, сейчас около семи, а может, и больше. Бен вопросительно смотрел на нее, подергивая трусы. Она приложила к губам палец. Неважно, как мальчишки, но Мад и Дотти должны выспаться. Бен улыбнулся и, доковыляв до дальнего конца подвала, помочился на кучу дров. Вот что нас всех ждет, подумала она, если так и будет продолжаться, если этот рокот никогда не кончится, — хотя дом уже не содрогался и самолеты пролетали выше, чем вечером, но непонятно, в каком направлении: в открытое море или на сушу.

Бен бесцельно слонялся по погребу, жуя найденное на полке яблоко из запасов Джо, но хранил молчание; похоже, интуиция подсказала ему, что утро это необычное и он не может играть и шутить с Колином, пополняя свой словарный запас. Если бы никто из нас, кроме Бена, не проснулся, думала Эмма, он бы питался яблоками и сырой свеклой, играл в одиночестве и так пережил бы весь день, до тех пор пока снова не захотел спать, и тогда он, зевая, улегся бы рядом с Дотти — успокоенный одним ее присутствием. Глядя на Мад, Дотти и троих мальчишек, спящих в темном погребе, куда так медленно проникает свет утра, Эмма думала, что именно так выглядят места погребения, когда их через столетия находят археологи, — разница только в том, что погребены жрецы, короли и королевы, усыпанные драгоценностями, а тот, кто через тысячу лет доберется до подвала Треванала, подумает, что наткнулся на кости

крестьян. И Фолли, уткнувшая нос в лапы, могла сойти за сторожевого пса, отлитого в золоте, какие охраняли египетские гробницы.

Станный запах, не то химический, не то нефтяной, который Эмма заметила еще вчера вечером, теперь, казалось, усилился. Она бесшумно поднялась и выглянула в маленький дворик за погребом. Зимой он был заброшен, потому что туда не проникало солнце, а летом Дотти развешивала там белье. На камнях лежала мертвая малиновка. Сэму придется ее хоронить, с жалостью подумала она, и... почему умерла птица, ведь ночь не была холодной? Воздух подернулся бледно-серой дымкой, и, протерев грязное окно, она увидела, что на дворик, закрывая деревья, наплывает с моря туман, неся с собой все более резкий запах нефти. Неужели это случилось? Неужели началась химическая война, от которой люди годами предостерегали друг друга? И неужели эта лежащая малиновка — одна из жертв? Почему Мад, Дотти и мальчишки так крепко спят? Почему даже сам воздух старой подвальной кухни кажется более гнетущим, чем когда они спустились сюда вчера вечером?

Вот оно. Не атомный взрыв, а нечто более тихое, более коварное, выпущенное в воздух самолетами без пилотов и дымкой опускающееся на землю, чтобы просочиться сквозь окна, трещины в стенах, трубы, — воздух превратится в отраву, дыхание прервется и сердце разорвется...

— Мад...

Она закричала в панике, не контролируя себя, и Бен, обгрызавший второе яблоко, обернулся и удивленно уставился на нее, закатив глаза. Все зашевелились. Колин вскочил как ужаленный, сбросив одеяло, Энди схватил лук, Дотти открыла рот, но не для крика, а для отчаянного зевка. Сэм протянул руку к Фолли, которая поднялась на трех ногах, поджав четвертую, как всегда отнявшуюся после долгого лежания. Только Мад продолжала спать, не обращая внимания на просыпающийся мир, мирно, счастливо, подложив вместо подушки под голову плащ, укутав колени автомобильным ковриком, изъеденным молью и брошенным еще прошлой зимой.

— Мадам измоталась, — прошептала Дотти, — и не удивительно. Пусть спит.

Мальчишки тоже зевали, потягивались, поднимаясь на ноги, удивленно и несколько осуждающе глядя на Эмму, разбудившую их паническим криком.

— Простите, — сказала она, — этот запах нефти, запах химикатов. Разве вы не чувствуете? Я вдруг подумала... — Она не закончила фразу. Запах исчез; пусть не совсем, но уже так не чувствовался. Мальчишки

нюхали воздух, пожимая плечами. Энди подошел к двери и открыл ее. Дымка еще липла к деревьям, плыла вниз, но воздух был чист и свеж.

— Самолетов не слышно, — сообщил он им, — тишина. Должно быть, кончилось. Пойдемте наверх, посмотрим.

— Осторожно, — предупредила Эмма. — Не открывайте окна и двери, неизвестно, что произошло, возможно, это опасно.

Она побежала вслед за ними по лестнице, но они ее опередили. Мальчишки пронеслись через кухню и через холл, распахнули все двери на улицу. Утром их не удержать. Просидев всю ночь в подвале, в тесноте, голодные, испуганные, они встретили утро как освобождение; наступил день, совершенно такой же, как любой другой: туманный, но без взрывов, без грохота и треска и прочих зловещих звуков.

— Вернитесь! — звала Эмма. — Вернитесь!

Они не обратили внимания на ее призывы, убежали в сад, широко распахнув калитку и громко смеясь.

— Пойдем на смотровую площадку, — крикнул Энди. — Посмотрим, еще чего-нибудь взорвали?

Эмма последовала за ними, в голове ее все еще вертелась мысль, что если бы химикаты выпали на распаханное поле, то земля бы почернела, — и это доказало бы всем, что опасения ее не напрасны, — но когда они дошли до каменной ограды и посмотрели на залив, то не увидели ничего, кроме плывущего тумана, безвредного, лишенного запаха, влажного, как трава под ногами.

Со стороны поля показалась направляющаяся в их сторону машина, и Эмма схватила за плечи стоящего рядом мальчишку, готовая бежать домой, — ведь это может быть голова вражеской автоколонны, и Бог знает, сколько в ней машин или даже танков, но тут что-то знакомое в гудении мотора, в форме машины принесло ей успокоение.

— Это «лендровер»! — заорал Энди. — Это «лендровер» с фермы, и за рулем мистер Трембат.

Какое чудо, облегчение, избавление от непосильного напряжения! Мальчишки прыгнули с ограды с криками и смехом, и Эмма прыгнула за ними, — вот сам Джек Трембат вылезает из машины, ставит на землю ящик с бутылками молока и огромную корзину яиц. Мальчишки прыгают от радости, он тоже смеется, осунувшийся, изможденный, заросший щетиной. Эмма, спотыкаясь о борозды, бросилась к нему, как к родному, обвила его шею руками.

— Успокойся, милая, успокойся, — сказал он. — Вам тяжело пришлось, да и всем нам тоже, но, скажу вам, худшее уже позади, дела

пошли на поправку. Крыша, окна у вас целы?

На все вопросы нужно ответить, но важнее сначала задать свои.

— Когда вы вернулись, мистер Трембат? Вы сбежали? Они за вами не гонятся?

— Сбежал? — Он отрицательно покачал головой. — Никто и не думал бежать, они регулярно выпускали человек по сорок-пятьдесят зараз, ничего не объясняя, — выкидывали нас за ворота и велели шагать.

— А как они перевозили вас с острова, на вертолете? Он удивленно посмотрел на нее:

— С острова? Мы были здесь. Они держали нас, как сельдей в бочке, в Ланхидроке, под охраной, конечно, и уж не знаю, что скажут в Национальном Фонде^[33], когда увидят, что там в усадьбе после нас творится. — Он улыбался и начал раздавать мальчишкам бутылки с молоком. — Скажу, что компания там подобралась пестрая. Фермеры, докеры, адвокаты, рабочие с глиняных карьеров, один-другой священник, врачи — да, ваш доктор Саммерс был там, — всех забрали на допрос, но хоть бы один рассказал что-нибудь, уж поверьте мне. Этих типов добил наш хороший настрой. Покажи мы характер, до сих пор держали бы.

Мальчишки, обливаясь, пили молоко, по подбородку Бена бежала густая пена.

— Не понимаю, — сказала озадаченная Эмма. — Нам сказали, что все заключенные содержатся на островах Силл.

— Только не мы, моя дорогая, только не мы. Наверное, это были другие. Не могу точно сказать. Так или иначе, они выпустили нас вчера вечером, как я вам уже сказал, а ваши двое парней — в прекрасной форме. Доктор ждет машину, чтобы отвезти Терри в больницу — снять гипс и положить что-то под пятку в ботинок. Они вернутся домой сегодня. — Он протянул Эмме бутылку с молоком. — Давай пей, всем пришлось затянуть ремни в последние дни. Пегги и Миртл рассказали мне. И старик Уиллис рассказал то же самое — он и не знал, что я уже дома, и сегодня утром пришел на ферму помочь по хозяйству. А, кстати, — он порылся в карманах и извлек конверт с запечатанным внутри маленьким предметом. — Это тебе, возвращается с благодарностью от мистера Уиллиса. Похоже, что ему здесь надоело, и он собирает вещи для переезда. Не хочет говорить — куда. Вполне может быть, что к сегодняшнему вечеру он покинет свою лачугу. Пегги говорит, что он очень нам помог, без него она, Миртл и Мик не справились бы, но... Может, нехорошо так говорить, но она чувствовала себя при нем неудобно.

Неудобно, правда. Но без него и нам было не обойтись... Эмма

взглянула на Энди, который запрокинул голову, и у него, как у Бена, молоко текло по подбородку. Энди стоял на той борозде, где когда-то застрелил капрала.

— Мистер Трембат, — сказала Эмма, сжимая в одной руке пакет от мистера Уиллиса, а в другой — бутылку молока, — если командос отпустили вас и не держат больше никого в заключении, то что происходило вчерашней ночью? Почему перестрелка, взрывы, самолеты?

— Мистер Уиллис сказал, что в бухте появилась подводная лодка. Неопознанная. Янки бросали глубинные бомбы. Он услышал это по самодельному приемнику.

Эмма протянула бутылку с молоком Бену, который тянул за ней руки.

— Сомневаюсь, — сказала она, — можно ли верить всему, что говорит мистер Уиллис.

— Сомневаться? Наверно, ты права. Подводная лодка или нет, но что-то сдвинуло их с места. Они забрали все из лагеря и уехали в Сент-Моган, чтобы отчалить. Похоже на то, что начатое нами в Корнуолле распространяется по всей стране, по крупным городам — простой народ твердит, что, мол, не хочет, чтоб ими помыкали янки или правительство, так что войска понадобились в другом месте. По-моему, так в Лондоне или в центральной Англии. Может, теперь наш западный люд для них мелкая сошка. Так или иначе, но мы от них избавились. Нет больше шлагбаумов, нет больше правил и запретов. Придешь домой и увидишь, что дали воду, электричество и телефон заработал. Надолго ли — неизвестно, но хоть какая-то передышка. Скажи, как себя чувствует бабушка? Как она перенесла эти тяготы?

— Прекрасно. Но сегодня она устала. Мы провели ночь в подвале, и, когда вышли на улицу, она все еще спала.

— Вот и отлично. Передай ей мои наилучшие пожелания. Я еще зайду ее навестить.

Он направился к «лендроверу» и забрался в кабину. Туман исчезал, солнце пробивалось сквозь облака. Уже виднелись зеркальные воды бухты.

— Ушли, — сказала она мальчишкам. — Не могу поверить. И почему? Что заставило их уйти?

— Неуютно, — предположил Энди. — Сначала ушли в Фалмут из-за шторма. Теперь неопознанная подлодка, и они пробили отступление.

— Нет, — сказал Сэм, — по-моему, так они подумали хорошенько, поняли, что совершили ошибку. Ни им все это не в радость, ни нам. Все равно, что пригнать на наше пастбище новых овец и держать вместе с нашими, да еще другой породы, — не уживутся.

— А может, уж больно смеялись над ними, — подал идею Колин, — как тогда, когда мы жгли чучело на пляже или когда я выпустил змею в рожу офицеру.

— Неважно, в чем причина, — сказала Эмма. — Важно, что жизнь теперь пойдет своим чередом.

Они направились к дому. Энди и Сэм несли корзину яиц и молоко. Эмма пропустила их вперед и, когда они скрылись из виду, развернула пакет. Это была та самая

пленка с записью. На приложенной записке странным паучьим почерком было написано: «Многообещающий дебют, несмотря на тревожную ночь, был услышан многими и оценен высоко. Меня отсылают из этих краев, так что я скоро уеду, но я верю — когда-нибудь мы встретимся снова. Уважаемые леди, примите мои почтительные пожелания самого наилучшего».

Записка была подписана: «Таффи».

«Значит, я так никогда и не узнаю, — подумала Эмма, — работает ли он на самом деле на кельтских националистов или еще на кого-то, пустил ли он запись на этой ленте в эфир для сотен слушателей в Корнуолле, Шотландии и Уэльсе, или это все его бредни, фантазия, чтобы отвлечься». От чего? От скучной неудавшейся жизни? Подачка самолюбию, как сказала о себе Мад, рассказывая о шести приемных мальчишках, взятых потому, что она всегда хотела семерых сыновей? Может быть, мистер Уиллис мечтал быть народным лидером, а у Эммы в момент прозрения заметил подсознательное желание покрасоваться, подек-ламировать?

Дом наполнился звуками. Когда Эмма пошла в холл, до нее донеслись обычные звуки повседневного мира, которых не было, казалось, целую вечность. Во-первых, работал телевизор, который включили в библиотеке мальчишки. Во-вторых, звонил телефон. Она выбрала телевизор, так как было как раз около восьми, и, если повезет, она услышит местные новости.

— Скорей, — крикнул Энди, — это подлодка, мистер Уиллис был прав.

Она подошла и встала за ними, но сперва открыла все шторы, чтобы впустить в комнату свет и свежий воздух. На экране молодой диктор, побледневший, в своем ужасном фиолетовом галстуке, говорил:

— ...были сброшены глубинные бомбы, объединенные силы СШСК приведены в состояние боевой готовности, но штаб объединенного главнокомандования еще не сделал заявления, и до сих пор не установлено, находилась ли в этом районе подводная лодка, а также ее принадлежность. Сообщают, что, по еще не подтвержденным данным, взрыв, уничтоживший

несколько дней назад американский корабль в бухте Полдри и повлекший за собой многочисленные человеческие жертвы, мог быть результатом торпедной атаки. В любом случае, принятые недавно меры по обеспечению безопасности и соответствующие ограничения, затронувшие повседневную жизнь населения, сняты, и морская пехота в настоящее время покинула порт и берег Полдри и передала управление местным властям, которые заявляют, что пройдет еще несколько дней, прежде чем восстановится нормальное течение жизни. — Он опустил глаза на листок бумаги в руке. — Сегодня утром на Даунин-стрит пройдет собрание кабинета министров. Предполагается, что у членов кабинета возникли разногласия по вопросам общей политики и будущего СШСК. Следующий выпуск новостей в девять часов.

Телефон все еще звонил. Эмма выбежала из библиотеки в прихожую.

— Я возьму трубку, — крикнула она появившейся в дверях кухни Дотти.

— Слава Богу, — сказала Дотти, — дали электричество. Я делаю на всех омлет. Сэм только что принес яйца.

Эмма схватила трубку.

— Алло? Кто это? Что вы хотите?

Трубка выпалила голосом с иностранным акцентом:

— Одну минуточку, пожалуйста!

Потом пауза и — невероятно, но, если подумать, вполне естественно — в трубке раздалась быстрая речь Папы:

— Это ты? Эмма? Почему никто не подходил к телефону? Я уже целую вечность вам звоню, не могу дозвониться. Я очень спешу, до начала конференции пять минут. Что происходит, чем вы заняты?

— Послушай, даже не знаю, с чего начать... Откуда ты звонишь?

— Я в Цюрихе. Прилетел вчера из Нью-Йорка. До конца конференции я не знаю, полечу ли я потом домой в Лондон или дальше в Токио. Суматоха... хаос... вопрос о существовании СШСК поставлен на карту. Дома, похоже, все теряют голову и затеяли смуту, — как мне рассказали, начали какие-то остолопы из ваших краев, которые сами не знают, чего хотят. Я чувствую, что зараза распространяется по всей нашей дурацкой стране, как эпидемия оспы, так что американцы могут нас бросить. А это будет означать банкротство, скорее всего, но им-то какое дело? Они давали нам шанс. Или полный переворот и военное положение. Это вас проучит... Кстати, я же звоню пожелать моей любимой старушке долгих лет жизни.

Долгих лет жизни. О, Боже, она забыла. Все забыли. Сегодня же у Мад восьмидесятилетие.

— Папа, ужасно, но мы все забыли о Мад, так много всего происходит, Папа...

Он не понял, ему было все равно.

— Поцелуйте ее за меня и скажите, что я привезу в подарок колокольчик. Можете звонить в него по очереди, чтобы не засыпать. У вас на западе все только и делают, что спят — по крайней мере, так было до того, как в вас проснулась жажда крови. Я ужасно устал, вымотался, последние двадцать четыре часа не спал. Не обращайте внимания на то, что слышите по радио, телевидению или читаете в газетах, всяческие слухи нужно подавлять. Правда, эти юнцы наделали дел, объявившись в Уэльсе и Шотландии, возглавили движение и, если дело дойдет до войны, будут сражаться на той стороне, не послушались ничьих умных советов; их старшие и более титулованные родственники остались в дурацком положении, с этим еще предстоит разобраться... Мне пора. Эмма, родная, мне пора... будь осторожна и передай мои поздравления...

Он повесил трубку. Эта единственная связь с представителем разума оказалась совсем не разумной. Папа такой же сумасшедший, как мистер Уиллис. Даже теперь невозможно определить, на чьей он на самом деле стороне, чего он хочет. Он все еще за СШСК или уже против? Почему Цюрих? Почему Токио?

Повесив трубку, Эмма выглянула в окно на подъездную аллею. Что теперь? События не успевали сменять друг друга. Прибыла машина Бевила Саммерса, на переднем сидении устроился Терри, сзади него Джо.

— Дотти, — радостно закричала Эмма, — Дотти, они вернулись, они дома. Сходи в подвал и разбуди Мад. И ты знаешь, какой ужас, мы же забыли, что сегодня день ее рождения. Звонил Папа, передавал ей поздравления.

Дотти, открыв рот, застыла со сковородкой в руках в дверях кухни.

— Не прощу себе никогда, — сказала она, — а кроме того, еще и апельсиновый сок кончился. И что она на это скажет?

Мальчишки подошли к калитке: Терри без костылей, Джо, за ними и Бевил Саммерс. Эмма подбежала к ним через сад и бросилась обнимать.

— Мои мальчики, мои мальчики, — повторяла она, что было явно излишне и вообще не шло к ней. — Если бы вы только знали, что нам пришлось пережить.

— Вот так раз, — воскликнул Терри, целуя ее в обе щеки. — Мы, понимаешь, сидим в чертовом Ланхид-роке, под угрозой пыток, виселицы, и все за наших женщин, за нашу любовь...

— А в итоге, — добавил Джо, — приходишь домой, а моей свеклы как

не бывало.

Он протянул к Эмме руки и в первый раз в жизни поцеловал без робости, без скованности.

— Отлично нам все удалось, — сказал Бевил Саммерс. — Никогда не был так доволен собой, с тех пор как сдал первый экзамен по медицине. Те ученые мужи, которые говорят, что гражданское неповиновение бесполезно, получили хороший урок. Нас не так уж много, но мы сдвинули дело с мертвой точки. Вот вам и доказательство, если хотите, — слышите? Вояки-то убираются из Корнуолла в Девон, но, я уверен, и там их ждет точно такая же встреча.

С севера появились вертолеты, следующие на восток. Они шли один за другим, сначала в линию, затем веером — ревели двигатели, стремительно крутились лопасти.

— Кто знает, — с сомнением произнесла Эмма, — может быть, они еще вернутся.

— Не порти настроение, — усмехнулся Терри. — Если они еще появятся, мы будем готовы получше. Ладно, наступил новый день, и жизнь идет своим чередом, так? Как Мадам?

— Сегодня у нее день рождения, — ответила Эмма, — она спит в подвале, если уже не проснулась. Мы все не спали всю ночь. — Она обратилась к Бевилу Саммерсу: — Нам было на самом деле тяжело, но вы ее знаете, она никогда не уступит. Теперь, с возвращением Джо и Терри, все пойдет нормально. О, вот она проснулась. Какой счастливый день рождения, какие прекрасные поздравления в ее честь!

Мад стояла на крыльце, на верхней ступеньке. Она протянула руки к мальчишкам. Они, смеясь, болтали друг с другом и не видели ее. Прошли мимо нее, прямо в холл. Что это, они нарочно? Это шутка? Мад продолжала стоять с распростертыми руками и смотреть на Эмму. И вдруг исчезла.

— В чем дело? — спросил Бевил Саммерс.

Не сразу ответила. Что это вчера сказала бабушка Энди, когда он стоял на посту у двери в погреб? «Мы все вместе. Какой прекрасный момент, чтобы уйти». И сейчас это правда — они вместе, так как вернулись домой Джо и Терри.

Эмма заговорила, и голос ее звучал спокойно:

— Вам лучше пойти к ней в подвал. Мад не просыпается уже очень давно.

Он бросил на нее быстрый взгляд, потом взбежал по ступенькам в дом, миновав маленькую фигурку, стоявшую в дверях. С крыльца спустился

Сэм, держа что-то в руках. Он постоял на дорожке, затем поднял руки:

— По-моему, лучше отпустить голубя. Мне кажется, что ему хочется на волю.

Однако птица не улетела далеко. Покружив минуту, она устроилась на ветке каменного дуба над вспаханным полем. Туман уже рассеялся. Вертолеты все летели на восток, к солнцу.

Киллшрт

Ноябрь 1971— 1972

notes

Примечания

Марш английского композитора Эдварда Вильяма Элгара (1857—1934). Здесь и далее примечания переводника.

1 Американская патриотическая песня, написанная Френсисом Скоттом Ки. С 1931 года — национальный гимн США.

В. Шекспир. «Венецианский купец». Точная цитата: «Скорей ты можешь стать на берегу И повелеть понизиться приливу...» (Пер. Т. Щепкимой-Куперник)

Имя Уоллес (Уолли) не употребляется на Британских островах

«...но все изменится вдруг, во мгновение ока...» — I Кор. 51, 52.

Корабль «Мейфлауэр» перевез в 1920 году из Саутгемптона (Англия) в Плимут (Массачусетс, США) пилигримов, основавших «Новую Англию»

1Пятого ноября, в день годовщины раскрытия порохового заговора, сжигают чучело Гая Фокса, главаря заговорщиков, пытавшихся в 1605 году взорвать парламент Джеймса I .

Десятая часть урожая, отдаваемая на содержание местного священника

1 Разновидность желатиндинамита

Быт. 42, 6-24.

Английская медсестра, которую считают основательницей современного медсестринского дела (1820—1910).

Великая Хартия Вольностей — Магна Карта — хартия английских свобод, дарованная королем Иоанном Безземельным в 1215 году. Символ борьбы с угнетением

В. Шекспир, «Буря», пер. М. Донского.

Приз американской академии киноискусства

Экстремистская организация борцов за права чернокожего населения.

Тем хуже (франц.)

Опера Р. Вагнера

Несладкое бисквитное печенье, изобретенное доктором В. Оливером из Бата.

Имеется в виду переход к фунту стерлингов, содержащему 100 пенсов. До этого в фунте было 20 шиллингов, в шиллинге 12 пенсов.

Улитки по-бордоски (франц .)

«Это великолепно, но это не война» — слова французского маршала
Пьера Франсуа Боска (1810—1861)

Герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга, проспавший двадцать лет.

В. Шекспир, «Генрих ГУ», пер. Е. Бируковой.

там же

«Тело Джона Брауна» — известный марш времен Гражданской войны в США.

Первый герцог Веллингтонский (1769—1852) — британский военный и государственный деятель, приведший Великобританию к победе в наполеоновских войнах.

Матф. 5, 6. 278

Остров у берегов Французской Гайаны; сначала тюрьма, затем колония для преступников, больных проказой

Из сонета В. Вордсворта; пер. К. Бальмонта

1 Мирное соглашение, подписанное 27 марта 1802 года в Амьене (Франция) между Британией, Францией, Испанией и Батавской республикой, выгодное для Франции

Герой поэмы Браунинга.

«Говорят, что члены СШСК в настоящее время...» (франц.)

Общество охраны исторических и природных памятников